

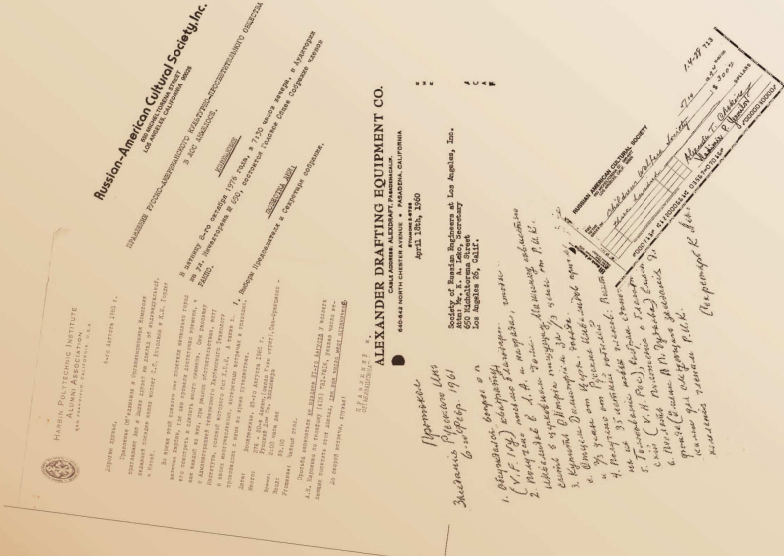

НА ДАЛЕКИХ БЕРЕГАХ: РУССКИЕ ИНЖЕНЕРЫ В США

+Vadim E. Terenti
Dr. Stephen P. Ti
Michell T. Zarot

Н.В. Хисамутдинова НА ДАЛЕКИХ БЕРЕГАХ: РУССКИЕ ИНЖЕНЕРЫ В США

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса (ВГУЭС)

Н.В. Хисамутдинова

НА ДАЛЕКИХ БЕРЕГАХ: РУССКИЕ ИНЖЕНЕРЫ В США

Монография

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2017

УДК 929
ББК 63.3(2)+63.3
Х51

Рецензент: *Г.П. Турмов*, д-р техн. наук,
профессор, заслуженный
деятель науки и техники РФ

Хисамутдинова, Н.В.
X51 **На далеких берегах: русские инженеры в США :**
монография / Н.В. Хисамутдинова ; Владивостокский го-
сударственный университет экономики и сервиса. – Влади-
восток : Изд-во ВГУЭС, 2017. – 236 с.

ISBN 978-5-9736-0403-5

Книга рассказывает о русских инженерах, эмигрировавших в Америку во время Гражданской войны в России (1918–1922) или после окончания Второй мировой войны. Автор сообщает биографические подробности и тех, кто получил широкую известность благодаря своим разработкам и открытиям, и тех, кто внес вклад в экономическое процветание США квалифицированным и добросовестным трудом. Используются архивные документы из Музея русской культуры (Сан-Франциско), материалы русскоязычной прессы в США, а также публикации самих инженеров.

Для читателей, интересующихся жизнью и деятельностью российской научно-технической интеллигенции на Американском континенте.

УДК 929
ББК 63.3(2)+63.3

© Н.В. Хисамутдинова, 2017

ISBN 978-5-9736-0403-5

© ФГБОУ ВО «Владивостокский
государственный университет
экономики и сервиса», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	4
Предисловие	5
1. «Вдохновитель всех начинаний» <i>Павел Павлович Гудков</i>	19
2. В поисках американской нефти <i>М.К. Елиашевич-Илайас</i>	59
3. Отец американской инженерной механики <i>С.П. Тимошенко</i>	89
4. От инженера-путейца до арт-директора голливудской киностудии <i>А.А. Толубеев</i>	112
5. «Главный холодильщик Америки» <i>М.Т. Зароченцев</i>	121
6. «Делай больше, чем от тебя ждут» <i>А.М. Понятов</i>	130
7. Владивосток – Харбин – Сан-Франциско <i>Архитектор В.А. Плансон</i>	144
8. «Дело их живо и жизненно» <i>Русский инженерный кружок в Лос-Анджелесе и его деятели</i>	156
9. Русско-Американское культурно-просветительское общество – <i>преемник Русского инженерного кружка в Лос-Анджелесе</i>	193
10. Русские харбинцы в Америке <i>Ассоциация выпускников Харбинского политехнического института</i>	208
Библиографический список	227
Именной указатель	233

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГДУ –	Государственный дальневосточный университет
КВЖД –	Китайско-Восточная железная дорога
МРК –	Музей (архив) русской культуры (Сан-Франциско)
РАКПО –	Русско-Американское культурно-просветительское общество
ТТИ –	Томский технологический институт
ХПИ –	Харбинский политехнический институт
УГИ –	Уральский горный институт (Екатеринбург)
ЦГИА СПб –	Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга
IRO –	International Refugee Organization (Международная организация помощи беженцам)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Американцы познакомились с русскими инженерами еще во время деятельности Российско-Американской компании, когда горные инженеры из России пытались заниматься поисками полезных ископаемых на Аляске¹. В последующие годы среди переселенцев на Американский континент также встречались лица с инженерным образованием, но массовая эмиграция связана с двумя событиями: Гражданской войной в России и окончанием Второй мировой войны.

Исследования показывают, что в период Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны прямых перемещений из европейской части России в США практически не наблюдалось. Эта страна не привлекала русских беженцев из-за большой отдаленности ее от родины. Большинство тех, кого революция и война сорвали с места, старались держаться поближе к России, чтобы иметь возможность быстро вернуться туда после победы Белого движения, в которое они верили.

В 1918–1922 гг. путь эмигрантов в Америку лежал в основном через Дальний Восток. Среди беженцев, собравшихся в этот период во Владивостоке и Харбине, самых крупных городах региона, насчитывалось немало представителей научно-технической интеллигенции. Многие специалисты имели высшее образование, полученное в крупнейших технических вузах России и Европы, встречались среди них и обладатели ученых степеней. Позади большинства был длинный путь через всю Россию с непродолжительными остановками в городах Урала и Сибири, где в поисках средств к существованию они устраивались преподавателями учебных заве-

¹ Александров Е.А. Русские в Северной Америке. – Хэмден, Сан-Франциско, С.-Петербург, 2005. – С. 123, 197, 448.

дений, техническими специалистами военных организаций или местных предприятий. На Дальнем Востоке они тоже не остались без дела, став зачинателями исследований в самых разных областях науки и техники, инициаторами открытия новых учебных заведений и научно-исследовательских организаций, в том числе Владивостокского и Харбинского политехнических институтов, Дальневосточного университета, Общества изучения Маньчжурского края, Дальневосточного геологического комитета.

В начале 1920-х годов многие эмигранты заканчивали свой бег в соседних с Россией странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Японии, Китае, Корее), откуда легче было вернуться на родину, но некоторые реально оценивали действительность и стремились перебраться в Америку еще до установления на Дальнем Востоке советской власти. Для этого они могли воспользоваться научными и деловыми командировками, служебными связями или личным знакомством с американцами, находившимися во время Гражданской войны во Владивостоке.

Русская молодежь в Харбине и других населенных пунктах линии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) имела возможность поехать в США по студенческой визе. Американские власти вплоть до Великой депрессии 1930-х годов были заинтересованы в приезде людей, способных обогатить чем-то новую родину, и ставка делалась в основном на молодежь, желавшую получить образование в американских учебных заведениях.

В мае 1921 г. в Харбине был основан комитет по организации переезда в США будущих студентов из числа молодых русских. Только за первые три дня в нем зарегистрировались около 140 человек, которым комитет помог оформить документы и собрать деньги на поездку в Америку. Всего же в Китае было сформировано шесть студенческих групп: пять – для учебы в США и одна – в Западной Европе. Их организаторы надеялись, что русская молодежь, получив хорошее образование за границей, вернется в Россию возрождать страну¹.

¹ Хисамутдинов А.А. Русские студенты в США и их судьбы (1920–1930-е годы) // Новая и новейшая история. – 2015. – № 3 (май – июнь). – С. 221–230.

Один из русских иммигрантов, приехавших в США в тот период, вспоминал: «Высаживались на берег без знания языка, брали первую попавшуюся работу, копили деньги, поступали в университет, где учились и работали за стол, комнату. Такова схема, всем нам, бывшим и настоящим студентам, столь знакомая и обычная»¹.

Большинство русских, приехавших по студенческой визе из Китая, поступали в вузы Калифорнии и штата Вашингтон (г. Сиэтл), чтобы получить диплом инженера, специалиста сельского хозяйства или врача, и в дальнейшем оставались работать на тихоокеанском побережье США. Среди тех, кто приехал из Китая со студенческой группой и получил в США инженерное образование, были сотрудник компании «Дженерал Моторс» Иван Яковлевич Еловский (Elovsky, John J.) (1898 –? Лос-Анджелес), главный инженер отдела природного газа компании «Shall» Леонид Владимирович Леонард (1902, Благовещенск – 1983, Лос-Анджелес), архитектор Свято-Николаевского и Свято-Спиридоновского соборов в Сиэтле Иван Михайлович Пальмов, владелец инженерной компании «Я.Б. Нотки и К» и один из конструкторов Всемирной выставки в Сиэтле Яков Б. Ноткин (1899, Самара – 1966, Сиэтл) и др.

Масштабное переселение из Европы в Америку происходило после окончания Второй мировой войны, когда русские люди стремились всеми силами избежать насильственной депортации. Она угрожала не только тем, кто оказался в Германии в военном плену или в качестве рабочей силы, но и русским эмигрантам периода Гражданской войны, осевшим было в таких странах, как Югославия и Чехословакия. Содействие в переселении в США им оказывала Международная организация помощи беженцам (International Refugee Organization (IRO), созданная в апреле 1946 г.

В этот период весьма значительным был и поток русских эмигрантов из Китая: приход туда советских войск в августе 1945 г. не оставлял надежды «русским китайцам» на продолжение спокойной жизни. Оставим в стороне трудности, которые им

¹ Музей русской культуры (МРК). Коллекция Н.В. Борзова. Вох 34, ф. 7 (Ковалев С. Десять лет: Рукоп. 1933. Б.с.).

пришлось преодолеть на пути к американскому берегу: многомесячная жизнь на тропических островах в Филиппинах, строгие медицинские комиссии (в визе в США отказывали хронически больным), хлопоты по получению «ашуранс» (англ. assurance – гарантия, страховка, финансовое обеспечение). Помимо Международной организации помощи беженцам, русских эмигрантов поддерживали общественные организации, специально созданные в русских общинах США для помощи соотечественникам: Сан-Францисский отдел Русско-Американского союза защиты и помощи русским вне СССР (октябрь 1945), Объединение родственников и друзей с Дальнего Востока, Деловая комиссия помощи тубабаовцам (Тубабаовская комиссия) (декабрь 1949) и др.

В феврале 1951 г. председатель Федерации русских благотворительных организаций Н.В. Борзов писал: «За первые пять месяцев нами выдано около 500 ашурансес и уже встречено, передано их спонсорам, размещено и устроено на работы около 1000 человек, а также оказана помощь нескольким сотням отдельных лицам хлопотами за них перед Американским правительством»¹. Среди этих эмигрантов тоже было немало лиц с техническим образованием: инженеров-путейцев, строивших КВЖД и работавших на ней еще в дореволюционный период, а также других технических специалистов, попавших в Китай в потоке беженцев Гражданской войны. Нельзя забывать и об инженерах-выпускниках технических вузов зоны КВЖД, прежде всего, Харбинского политехнического института (ХПИ).

Русская научно-техническая интеллигенция пришла в Америку не с пустыми руками, она принесла с собой знания и потенциальные возможности. Достаточно вспомнить имена изобретателей телевидения (В.К. Зворыкин), вертолета (И.И. Сикорский), видеоманитофона (А.М. Понятов), специалиста по холодильному делу М.Т. Зароченцева, механика С.П. Тимошенко и многих других инженеров, получивших всемирную известность уже живя в США. Конкурентным преимуществом многих русских технических специалистов были знания и опыт, полученные до эмиграции. Если

¹ Музей русской культуры. Собр. Рус. благотворит. организаций в США. Вох. 3.

для юристов, врачей и педагогов начало профессиональной деятельности в Америке было связано с подтверждением диплома и переаттестацией, то инженеры чаще всего доказывали свою квалификацию на деле. Большинство из них поначалу брались за любую работу, устраиваясь чертежниками или помощниками инженеров, а со временем подбирали более подходящее их специальности и квалификации место.

«Я посылаю Вам копию моего диплома, описание моих работ в Китае и в Америке и копию отзыва о них представителя Берклейского университета (Калифорнийский университет в Беркли – Н.Х.), что очень важно для сведения тем, кто почему-то распускает слухи о том, что американцы нас “не признают” и мы в Америке были только “чертежниками”», – писал выпускник ХПИ Михаил Покровский, занимавший в течение многих лет ответственные должности в корпорации «Del Monte Foods», одной из крупнейших компаний Америки по производству пищевых продуктов¹.

Основной трудностью, с которой сталкивались русские при поиске работы, было слабое знание английского языка: в дореволюционной России английский язык по востребованности уступал немецкому и французскому. Лишь отдельные инженеры в момент обустройства в США владели им в достаточной степени, чтобы свободно решать рабочие вопросы. Тем не менее, как показывает анализ документов, это обстоятельство было преградой к трудоустройству лишь на первых порах. Настойчивость и упорство в достижении цели, характерные для большинства лиц с инженерным образованием, быстро принесли свои плоды. К тому, как оказалось, некоторые производства настолько нуждались в грамотных специалистах, что шли на уступки русским инженерам. Один из них писал: «В первые годы нашей работы техническое руководство, учитывая недостаточное знание английского языка многими из нас, не возражало против того, чтобы расчеты были сделаны на русском языке и на основании данных, взятых из наших русских технических книг. По окончании проектных расчетов их переводили на английский язык. Работы, выпол-

¹ Покровский М.Н. Инженер путей сообщения // Политехник. – Сидней, 1984. – № 11. – С. 12.

ненные по таким проектам, имели хорошие результаты и полностью подтвердили правильность этого исключительного решения наших технических руководителей»¹. Автор этих строк работал в Австралии, но о подобных случаях сообщали и русские инженеры в США.

Русские эмигранты по-разному вписывались в жизнь Америки, но, как показывают последние исследования, из всех представителей интеллигенции инженерам удавалось устроиться наиболее удачно. В отличие от людей, занимавших видные административные или военные посты в России, они были морально подготовлены начать все с нуля. Несмотря на проблемы с языком и финансовые затруднения начального периода, многие сделали в США весьма успешную карьеру. Имея хорошую теоретическую и практическую подготовку, они занимались строительством, руководили крупными предприятиями, становились профессорами престижных университетов. Они пополнили средний класс и добились благополучия, даже выиграв от эмиграции в США, где уровень заработной платы и стандарты жизни были значительно выше, чем в России.

Положение русского инженера в деловом мире США во многом зависело от востребованности направления, специалистом которого он был. Так, быстрый карьерный рост горных инженеров П.П. Гудкова и М.К. Елиашевича был связан с повышенным интересом к поиску нефтяных месторождений и открытием нефтяных полей, а авторитет механика С.П. Тимошенко во многом обусловлен началом научно-технического прогресса и вниманием к прикладной механике. Некоторым инженерам, чья специализация оказалась недостаточно востребованной, пришлось искать новые точки приложения сил. Выпускник С.-Петербургского института инженеров путей сообщения А.А. Толубеев, в частности, сначала стал архитектором и строителем, участвуя в восстановлении районов тихоокеанского побережья США, пострадавших от землетрясения, а в дальнейшем проявил себя в киностудиях Голливуда на должности арт-директора. Ряд инженеров смогли получить в Америке и дополнительное образование. Например, В.П. Антоненко

¹ Егоров В.А. О работе наших инженеров в стальной промышленности Австралии // Политехник. – 1984. – № 11. – С. 20.

(1890, С.-Петербург – 1975, Сан-Франциско), приехавший в США в 1922 г. с дипломом инженера-строителя от С.-Петербургского политехнического института, экстерном окончил еще и Калифорнийский технологический институт в г. Пасадина, получив специальность инженера-авиаконструктора. Интерес к авиации не был случайным: Антоненко летчиком участвовал в Первой мировой войне после окончания Бакинской школы морских летчиков и Киевской офицерской школы летчиков-наблюдателей. Во время Гражданской войны он служил начальником распорядительного отдела Сибирской флотилии во Владивостоке.

Многочисленные возможности, которые предоставляла Америка, создавали благоприятные условия для предприимчивых людей, тем более что желание завоевать место под солнцем было характерно для многих эмигрантов. Петр Ефимович Афанасьев (1874, Москва – 1940, Сан-Франциско), выпускник Константиновского межевого института в Москве, с юности увлекался фотоискусством. До революции, будучи начальником Забайкальского управления земледелия и государственных имуществ, он основал Забайкальское фотографическое общество, а позднее, работая в земельном отделе КВЖД в Харбине, организовал две фотовыставки. Его собственные работы не раз удостоивались премий и похвальных отзывов на различных выставках. Переехав в Сан-Франциско в 1925 г., Афанасьев уже на следующий год открыл фотоателье. «Среди русской колонии П.Е. Афанасьев был известен не только как прекрасный, добросовестный и аккуратный фотограф, но и как хороший, отзывчивый и сердечный человек. Очень многие русские люди обоего пола заходили к нему в студию побеседовать на разные темы, посоветоваться, поделиться своим горем личным, семейным, иногда открывая ему интимные стороны своей жизни» – так отзывались о нем современники¹.

Ряд инженеров приехали в США уже в зрелом возрасте и, добившись многого на родине, в эмиграции ограничились общественной деятельностью. Так поступил, например, действительный статский советник Н.П. Шабанов (1874, Харьков – 1942, Омаха,

¹ Шапошников В. Петр Ефимович Афанасьев: (Некролог) // Новая заря. – Сан-Франциско, 1940. – 8 июня.

Небраска). Выпускник С.-Петербургского института инженеров путей сообщения, до революции он занимался строительством дорог в Сибири, Туркестане и на Кавказе, а в годы Гражданской войны был членом Особого совещания у генерала Юденича. Поселившись в Сан-Франциско в 1920 г., Шабанов принимал деятельное участие в церковной и общественной жизни.

Работа на благо церкви была характерна для многих русских инженеров. Почетный профессор Вашингтонского университета (Сиэтл) Сергей Иванович Сергеев (1901? – 1990, Сиэтл) безвозмездно выполнил все инженерные расчеты по строительству Свято-Спиридоновского собора в Сиэтле¹, в восстановлении пострадавшего от пожара Свято-Троицкого кафедрального собора в Сан-Франциско участвовал архитектор В.А. Плансон, а А.А. Толубеев был среди инициаторов строительства Свято-Богородицкой церкви в Лос-Анджелесе и сделал проект церковного здания.

Степень социальной трансформации русских инженеров в Америке была достаточно высокой. В Соединенных Штатах, претендующих на роль страны, в которой одинаково свободно чувствуют себя представители всяких народов, не было фактора неприятия или сопротивления русским знаниям и опыту, наоборот, они всячески приветствовались. Причем, если американоцентризм давал мало возможностей диалогу цивилизаций в области национальных традиций и культуры, то в области науки и техники все обстояло совершенно иначе: русские и американские знания взаимно подпитывали друг друга, приводя к равноправному диалогу. Хороший пример тому – компания А.М. Понятова «AMPEX Corporation», в которой дружно работал трудоспособный творческий коллектив из русских и американцев.

Многие русские инженеры, даже успешно ассимилировавшись в новой стране, продолжали сохранять свою «русскость» и идентифицировать себя с русской культурой. Наиболее ярко эта черта проявлялась в проведении культурного досуга. Среди организаторов Дня русской культуры, проводившегося ежегодно в русских общинах, часто были профессора с техническим обра-

¹ С.И. Сергеев: (Некролог) // Бюл. Рус. колонии Сеаттля. – 1990. – № 233 (июль). – С. 17.

зованием И.С. Свищев и Б.Н. Сергеевский. Инженер-гидрограф Владислав Дмитриевич Мирон нередко выступал с докладами о деятелях русского искусства. «Как это далеко и контрастно по сравнению с его первым докладом – “Водяные ресурсы в Калифорнии”! Какой большой шаг от способного инженера к человеку, захваченному духовным богатством русской культуры», – писала пресса¹.

Некоторые инженеры проявили себя в эмиграции как талантливые литераторы. Автором стихов, опубликованных в антологиях «Содружество», «Берега» и «Вернуться в Россию стихами», был инженер-конструктор Владислав Валентинович Эллис, а юмористические рассказы писал Борис Николаевич Гинх (1910, Вильно – 1988, Лос-Анжелес), главный инженер отдела водоснабжения и электрической энергии городского управления Лос-Анжелеса.

Среди наиболее известных авторов русской эмиграции – инженер-гидротехник Владимир Николаевич Трипольский (Ант) (1908, Самара – 1980, Сан-Франциско). Приехав в Америку в 1951 г. через Германию, он поначалу жил в Нью-Йорке, затем поселился в Сан-Франциско, где отошел от инженерной деятельности и стал активным участником общественной и литературной жизни: редактировал газету «Русская жизнь», выпустил ряд поэтических сборников на русском языке, написал несколько книг и пьес на английском языке.

Инженерное образование имел и Александр Дмитриевич Трёмбовельский (1898, Саратовская губ. – 1985, Санта-Барбара, Калифорния), эмигрировавший в США через Германию после Второй мировой войны. До революции он окончил Александровское военное училище в Москве, а затем технический факультет Белградского университета в Югославии, но сфера его деятельности оказалась далека от технической: он преподавал русский язык в Военной школе иностранных языков в Монтерее (Калифорния) и занимался общественной работой в русской общине.

О том, что русские инженеры не утратили в эмиграции инициативы и предприимчивости, говорит создание ими ряда профес-

¹ В.Д. Мирон [Некролог] // Калифорнийский вестник. – 1987. – 16 авг.

сиональных общественных организаций. Наиболее крупной и долговечной являлся Русский инженерный кружок в Лос-Анджелесе (Society of Russian engineers), успешно объединявший русскую научно-техническую интеллигенцию в течение пятидесяти лет, а после этого, в 1975 г., трансформировавшийся в Русско-Американское культурно-просветительское общество (Russian American Cultural Society). Профессиональные объединения, подобные Русскому инженерному кружку, существовали и в других крупных городах Америки, где имелись русские общины: Общество русских инженеров и техников в Калифорнии (Сан-Франциско), Общество русских летчиков в США (Нью-Йорк – Сан-Франциско), Общество русских врачей (Сан-Франциско), «Кают-компания» (Сиэтл), Русское сельскохозяйственное общество в Северной Америке (Сан-Франциско) и т.д.

Успешная работа этих организаций опровергает мнение некоторых исследователей о том, что русская научная эмиграция, достигшая североамериканского берега, «как бы растворилась на всем континенте, не создав там, в отличие от Европы, своих “национальных институций”»¹. Да, выходцы из России не создали в США таких крупных научных объединений, как Русская академическая группа в Париже, аналогичная ей организация в Праге или Русский научный институт в Белграде, но и сравнительно небольшие русские профессиональные организации в США сыграли свою роль в деле взаимопомощи и объединения русских научно-технических сил.

Нельзя согласиться и с некоторыми оценками вклада русских людей в науку, экономику и культуру США. Американский историк М. Раев, например, высказывал мнение, что наиболее значительно русские проявили себя в гуманитарных науках, тогда как их вклад в естественные и технические науки оказался несущественным². Между тем, даже простое перечисление имен русских инженеров, заявивших о себе в США, пока-

¹ Сорокина М.Ю. «Разбросанные по всей Америке...» // Природа. – 2000. – № 4.

² Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. – New-York-Oxford: Oxford University Press, 1990. – P. 59.

зывает, что их работы явились заметным вкладом в развитие мировой науки и техники.

Несмотря на то, что тема российской эмиграции в последние годы приобрела большую популярность и о русских эмигрантах в США написано немало, надо констатировать, что исследований о деятельности русских инженеров в США проведено не много. О них лишь вскользь упоминает в своей работе известный ученый-американист Э.Л. Нитобург¹, не останавливаясь на биографиях инженеров и не сообщая подробностей их жизни в США. Справочники Е.А. Александрова² и «Незабытые могилы»³, энциклопедия «Русское зарубежье»⁴ и другие аналогичные издания содержат преимущественно хорошо известные имена, причем, большая часть персоналий относится к восточному, а не тихоокеанскому побережью Америки.

Из всего многообразия научной литературы, вышедшей в последние годы, наибольший интерес представляют статьи разных авторов об отдельных русских деятелях науки и техники, работавших в разные годы в США. Подборка таких статей представлена, в частности, в сборнике «Российские ученые и инженеры в эмиграции», подготовленном Институтом истории естествознания и техники Российской Академии наук по результатам заседания «круглого стола» «Творческое наследие российских ученых и инженеров за рубежом – достояние национальной и мировой культуры» (С.-Петербург, 8–12 сентября 1992 г.)⁵.

Вместе с тем, внимание исследователей, как правило, привлекают наиболее известные деятели науки и техники, прославившиеся крупными изобретениями и открытиями. Они, разумеется, дос-

¹ Нитобург Э. Вклад русской иммиграции в науку, технику, культуру США. URL: <http://www.rusedina.org/>

² Александров Е.А. Русские в Северной Америке. – Хэнден, Сан-Франциско, С.-Петербург, 2005.

³ Незабытые могилы (Российское зарубежье: некрологи 1917–1979) / Рос. гос. библиотека; сост. В.Н. Чуваков. Т. 1–6. – М.: Пашков дом, 1999–2005.

⁴ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: биограф. энциклоп. – М., 1997.

⁵ Российские ученые и инженеры в эмиграции / под ред. В.П. Борисова. – М.: ПО «Перспектива», 1993.

тойны подробного жизнеописания, но наряду с ними инженерный корпус США пополнили тысячи квалифицированных инженеров и техников, которые также смогли найти в новой стране достойное применение своим знаниям, опыту и способностям, успешно интегрироваться в американское научно-техническое сообщество и добиться успеха. Работая в различных отраслях промышленности, они также внесли значительный вклад в развитие США, способствуя стабильному экономическому росту страны. Для американцев именно эта группа стала носительницей русских традиций и культуры.

Восстановить факты биографии этих людей тем более важно, что в современных изданиях, посвященных русской эмиграции в США, о многих инженерах сведения отсутствуют. Прежде всего, это связано с тем, что почти все материалы об американском периоде их жизни находятся за рубежом: либо в фондах Музея-архива русской культуры в Сан-Франциско и других архивных собраниях, либо рассредоточенные по личным коллекциям. Это затрудняет знакомство с ними исследователей из России. В связи с этим оказывается недооцененным и тот вклад, который внесли русские инженеры в развитие промышленности, науки и техники США. Анализировать его мы начали совсем недавно, с появлением возможности работать с зарубежными источниками. Новые исследования, несомненно, расширят наши познания о русских специалистах в США и их вкладе в процветание этой страны.

В настоящее время «персональная история» приобретает особое значение для усвоения опыта прошлого. Обращение к жизненному пути людей, причастных к мировому научно-техническому прогрессу, анализ их работ и связей позволяет понять внутренний фактор развития науки и техники. Их уникальный опыт, во многом поучительный и плодотворный, сегодня приобретает особую актуальность в связи с усилением миграционных процессов. Исторический урок, полученный в результате эпохальных событий начала XX века, свидетельствует о том, что российские научно-технические ценности, а в частности опыт русских инженеров, успешно конкурируют в условиях Запада.

В данной книге собраны биографические данные о русских инженерах, работавших на тихоокеанском побережье США,

в основном, в Калифорнии. Сведения о некоторых из них публикуются впервые. Даты рождения указаны по возможности в старом и новом стиле. В качестве приложения к биографиям П.П. Гудкова и М.К. Елиашевича даны списки их научных трудов, поскольку они до сих пор не были опубликованы. Подробный список работ С.П. Тимошенко имеется в биографическом очерке Ричарда Содерберга, работавшего вместе с русским инженером в компании «Вестингауз» (Soderberg, R.C. Stephen P. Timoshenko. December 23, 1878 – May 29, 1972 // Biographical Memoirs. V. 53. Washington, DC: The National Academies Press, 1982). Его можно найти и в Интернете (URL: <http://www.nap.edu/read/576/chapter/13>).

Обнаружить факты деятельности русских людей в США не всегда легко: при национализации они нередко сокращали, а то и вовсе меняли фамилии. Так сделал, например, геолог Максим Конрадович Елиашевич, став Максимом Илайасом (Maxim Elias), инженеры В.П. Симонов и В.Н. Покровский, сократив свои фамилии до Сима (Seem) и Поу (Poe). В некоторых случаях новая фамилия мало напоминает ту, что была раньше. По фамилии Кэй (Kay), например, трудно догадаться, что она принадлежала Е.В. Ключанскому. Только путем сопоставления информации из разных архивных источников удалось узнать, что Н. Саммерс (Summers) – это Н.Е. Сумароков. Примечательно, что представители следующего поколения русских американцев часто окончательно отказывались от русской фамилии, как это случилось с сыном Н.Е. Сумарокова Б.Н. Саммерсом.

Иногда бывает трудно определить, идет ли речь о человеке с русскими корнями или американце. Лишь косвенные свидетельства, в частности, помогли установить, что профессор Дж. Дэй (George Day) имел русское происхождение, но вопрос о Джоне Грациано (John Gratsiano) остается открытым. Точно так же пока невозможно сказать, были ли подлинными фамилии инженеров К.П. Тона (K. Ton), Г. Керна (G. Kern), В.Н. Дилпа, или они сократили их для удобства использования в Америке.

Для подготовки данной книги были использованы документы из Музея-архива русской культуры (МРК, Сан-Франциско), материалы русскоязычной прессы в США, а также публикации М.К. Елиашевича, П.П. Гудкова, С.П. Тимошенко и других авто-

ров. За возможность поработать с ними выражаю благодарность сотруднику Музея русской культуры Иву Франкьену, а также библиотекарям Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской Академии наук (Владивосток) и библиотеки Общества изучения Амурского края (Владивосток), где сумели сохранить издания периода Гражданской войны.

Автор будет благодарна читателям за любые замечания и дополнения к книге.

1. «ВДОХНОВИТЕЛЬ ВСЕХ НАЧИНАНИЙ»

Павел Павлович Гудков

«Как мы все знаем, в каждой организации всю работу обыкновенно ведет сравнительно небольшая группа членов. И обыкновенно в этой группе бывает один человек, который является вдохновителем всех начинаний. Смотря на 50-летнюю деятельность Клуба, у меня в памяти рельефно выделяется один такой член нашей организации. Его имя – профессор П.П. Гудков. Помимо факта, что он был блестящим геологом, он также был гуманным, с изумительно чутким сердцем человеком. Это он организовал Кассу взаимопомощи, он же основал Фонд помощи безработным, он организовал кустарное производство счетов, он начал дело посылки пищевых продуктов в лагерь Ди-Пи (от англ. *displaced persons* – перемещенные лица – Н.Х.), и, наконец, Фонд помощи студентам тоже был его детищем. Я благодарю Бога за то, что мне пришлось встретиться и работать с таким замечательным русским человеком. Я знаю, что моя жизнь от этого значительно обогатилась»¹.

Так писали в русской прессе Калифорнии о Павле Павловиче Гудкове, русском геологе, попавшем в Америку в годы Гражданской войны в России. Мы привыкли считать эмиграцию, вызванную стечением неблагоприятных обстоятельств, временем утраты надежд и иллюзий, но и среди эмигрантов, покинувших Россию после Октябрьской революции 1917 г., было немало тех, кто смог преодолеть уныние и пассивность и реализовать себя на новом месте. Свидетельство тому – деятельность П.П. Гудкова, полу-

¹ И.М. Юбилей Клуба Русских Инженеров // Родные дали. – Лос-Анджелес, 1974. – № 244 (июль).

чившего известность в США не только исследованиями нефтяных месторождений, но и общественными инициативами.

Студент Горного института. Детство Павла Гудкова (1/14 января 1881, Томск – 1955, Лос-Анджелес) прошло в северной части Енисейской губернии, на золотодобывающем Преображенском прииске, которым управлял его отец Павел Козьмич Гудков, некогда государственный крестьянин Самарской губернии, к моменту рождения сына томский мещанин, а затем удачливый сибирский промышленник. Окончив в 1898 г. с отличными оценками Красноярскую губернскую гимназию, Гудков-младший сразу же подал прошение для поступления в Горный институт императрицы Екатерины II. Этот вуз, основанный 21 октября / 1 ноября 1773 г., всего на семь лет позже знаменитой Фрейбергской горной академии, стал первым в России и вторым в мире высшим горнотехническим учебным заведением.

К огорчению юноши и его родителей, накануне конкурсных проверочных испытаний в институте он неожиданно заболел и не смог явиться на них. Терять целый год не хотелось, и Гудков поступил на математическое отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета, а в 1899 г. перешел в Горный институт на рудничное (или заводское) отделение. Основной специальностью юноша избрал геологию и петрографию¹.

Своими учителями Гудков считал К.И. Богдановича и В.В. Никитина. Карл Иванович Богданович, геолог Геологического комитета с 1901 г. и с 1903 г. одновременно профессор Горного института, имел богатейший исследовательский опыт. Окончив Горный институт в 1886 г., он совершил несколько экспедиций по Европейской России, Средней и Центральной Азии, Сибири, Маньчжурии, Камчатке. В 1907 г. Богданович начал исследования в Кубано-Черноморском нефтяном районе и, разрабатывая стратиграфию третичных и частью меловых отложений, установил связь нефтяных залежей района с определенными стратиграфическими горизонтами. Эти работы принесли русским геологам международный авторитет как специалистам по нефтяной геологии, и с этого времени их, а не иностранных экспертов, стали приглашать

¹ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 963 (Горный ин-т). Оп. 1. Д. 13846 (Личное дело П.П. Гудкова). Л. 3.

для определения перспектив нефтеносности различных районов России. Хотя целенаправленная подготовка геологов-нефтяников в Горном институте началась, по инициативе Богдановича, только в 1919 г., в учебный план уже с 1868 г. были включены такие дисциплины, как «Геология нефти и газа», «Нефтяное дело. Добыча нефти», «Нефтяное дело. Переработка нефти». Кроме того, Богданович широко привлекал к работе своих учеников, среди которых был и Гудков. Возможно, именно эти исследования и стали первоосновой его интереса к разведке нефтяных месторождений, где впоследствии в полной мере проявился его талант геолога-нефтяника.

Фото. П.П. Гудков перед поступлением в Горный институт
(из фондов ЦГИА СПб)

В Горном институте Богданович читал три курса: введение в геологию (один семестр), физическую геологию (два семестра) и рудные месторождения (два семестра). Его лекции, как отмечали современники, не были образцом ораторского искусства и не собирали большой аудитории, но состав слушателей был постоянным. Некоторые студенты из года в год приходили слушать лекции Богдановича повторно, так как профессор постоянно вносил в них новые сведения в соответствии с последними достижениями науки. Для курса рудных месторождений, введенного в программу Горного института в период учебы там Гудкова, Богданович создал прекрасные коллекции. Зарубежные месторождения в них характеризовали минералы, выписанные из Фрейбергской горной академии или полученные в дар от отдельных ученых. Отечественные месторождения были представлены образцами, привезенными Богдановичем и его студентами с учебных экскурсий, а также образцами из студенческих коллекций, которые собирались при подготовке дипломных работ.

Учебные экскурсии не входили в обязательную часть программы Горного института и зависели от инициативы профессоров и заинтересованности студентов. Профессор Богданович был одним из тех, кто считал их неотъемлемым этапом подготовки специалистов и регулярно организовывал поездки со студентами на различные рудники, а то и просто на местность, интересную в геологическом отношении. Сообщая, в частности, руководству вуза об очередной поездке, он писал: «17 мая текущего года я предполагаю поехать со студентами в геологическую экскурсию на Урал для осмотра некоторых рудных месторождений. ...Предлагая такую поездку, я имею в виду студентов, как геологического отделения, так и рудничного, но сдавших уже экзамен по динамической геологии и приступивших к занятиям по рудным месторождениям. Запись на экскурсию я буду принимать лично...»¹. Экскурсии, которые Богданович проводил со студентами, были их первой полевой школой, когда они учились наблюдательности при сборе материала, тщательности его анализа, а также выносливости и неугомонности – пример этих ценных для геолога качеств подавал сам Богданович.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д.13869. Л. 9.

Горный инженер Василий Васильевич Никитин окончил Горный институт за четыре года до поступления туда Гудкова и до 1900 г. был занят геологическими исследованиями на Урале, которые проводил по заданию Горного департамента под руководством Е.С. Федорова. С 1900 г. Никитин читал лекции в Горном институте по кафедре кристаллографии – сначала в должности адъюнкта, а после защиты диссертации в 1902 г. – экстраординарного профессора. Для студента Гудкова оба профессора были кладезем ценнейших сведений, которые нельзя было почерпнуть ни в одном учебнике. В частности, от Никитина он узнал о новом методе изучения состава и строения горных пород, который разработал в конце XIX в. и широко использовал в своей работе Федоров¹. На старших курсах Гудков познакомился и с ним самим: после революционных событий 1905 г. Евграф Степанович Федоров стал первым выборным директором Горного института. Как отмечается, для периода его руководства вузом был характерен значительный рост научной работы, как среди преподавателей, так и студентов.

Трудолюбие Гудкова и его склонность к научным исследованиям не остались незамеченными. Летом 1903 г. по рекомендации Никитина его включили в состав геологической экспедиции по изысканию медных руд в Каркаралинском уезде Семипалатинской области, и студент помогал учителю в его работе. Через год под тем же руководством и в том же районе Гудков участвовал в исследовании золотоносных месторождений. Свободное от занятий время в зимние месяцы он проводил в музее Горного института, обрабатывая петрографические коллекции горных пород Туркестана и Семиречья, собранные в свое время И.В. Мушкетовым, которому преждевременная смерть не позволила подвести окончательные итоги его экспедиций по Средней Азии в 1874–1880 гг. Эти материалы легли в основу дипломной работы Гудкова.

¹ «Универсально-оптический метод исследования породообразующих минералов» Е.С. Федорова, которым до сих пор пользуются геологи, долгое время оставался малоизвестным из-за отсутствия руководства по его использованию. Первое описание метода предпринял в 1910 г. научный сотрудник ТТИ (тогда стипендиат) М.А. Усов. Позднее о нем писал и ученик Е.С. Федорова В.В. Никитин.

Фото. Гудков П.П. – студент
1 курса Горного института
(из фондов ЦГИА СПб.)

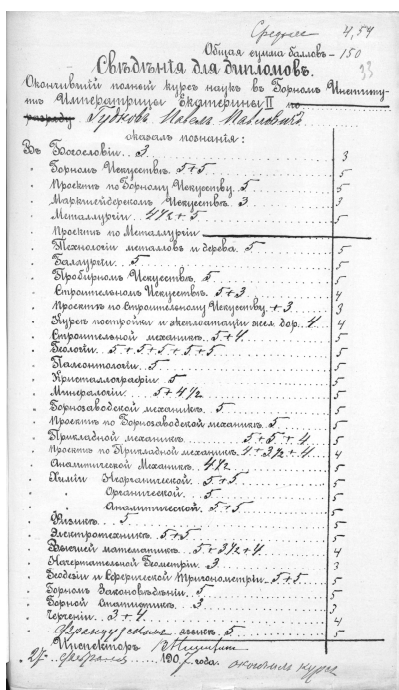

Фото. Ведомость об успеваемости
П.П. Гудкова (из фондов ЦГИА
СПб.)

В феврале 1907 г., окончив институт по первому разряду (сегодня мы бы сказали – с отличием) и получив диплом горного инженера, Гудков встал перед выбором. Никитин предложил ему остаться ассистентом при его кафедре в Горном институте, но сообщил и о другой возможности: в Томском технологическом институте (ТТИ) освободилась должность лаборанта при кафедре профессора геологии Владимира Афанасьевича Обручева, и тот просил Никитина рекомендовать ему молодого горного инженера из недавних выпускников. Сибиряк Гудков предпочел второй вариант, и Никитин написал ему отличную рекомендацию.

Фото. Копия диплома П.П. Гудкова об окончании Горного института
(из фондов ЦГИА СПб)

В Томске. Институт в Томске был основан в апреле 1896 г. как Технологический институт императора Николая II, и освящение закладки здания вуза состоялось 5 июня 1896 г., в пятую годовщину посещения Томска императором Николаем II. Открытие же института произошло гораздо позже, в декабре 1900 г. Он начал работу с четырьмя отделениями: механическим, химическим, горным и строительным, став первым высшим техническим учебным заведением на огромном пространстве Сибири и Дальнего Востока.

В Томск Павел Павлович Гудков приехал летом 1907 г. с женой Валентиной Петровной и годовалой дочкой Катей – студенческие браки вовсе не были редкостью в то время – и 4 июля был назначен на должность старшего лаборанта кафедры геологии. С осени он приступил к педагогической деятельности: Обручев

читал студентам лекции по петрографии, а лаборант Гудков вел практические занятия. Вскоре в дополнение к обязанностям лаборанта при геологическом кабинете горного отделения ему поручили чтение лекций по петрографии на инженерно-строительном отделении. Помогал он и в организации летней геологической практики студентов разведочно-геологической специальности. В промежутках между лекциями и поездками Гудков выкраивал время для подготовки магистерской диссертации, материал для которой собрал еще студентом. Работу на тему «Залежи меди в Киргизских степях Сибири вблизи Акмолинска» он защитил в 1909 г.¹

Обручев имел собственную систему подготовки горных инженеров: уже с первого года обучения его студенты изучали геологическое строение местности непосредственно в ходе экскурсий, учились проводить поиск и анализ геологического материала с учетом конкретных природных условий. «В начале июня [1908 г.], – писал Обручев, – 15 студентов, перешедших на последний курс и нуждавшихся в геологической практике, выехали в Красноярск вместе с лаборантом геологического кабинета геологом П.П. Гудковым, который руководил в течение зимы практическими занятиями по петрографии. Устроившись в городе, студенты под его руководством прошли маршрут вдоль левого берега р. Енисея от Успенского монастыря, расположенного выше города, до заимки Лепетухина»².

Обручев выбрал этот маршрут не случайно: крутой берег реки на большом протяжении демонстрировал многочисленные обнажения горных пород разного возраста, и студенты могли воочию проследить условия залегания пород и их состав. К тому же, для этой местности имела хорошая карта, которую можно было использовать как основу для нанесения геологических данных. Обручев планировал составить геологическую карту района, и эта работа была для него очень важна. Для Гудкова поездки со студентами тоже были полезны: тщательное знакомство с новой местностью стало основой для его дальнейшей научной деятельности, к которой он приступил с

¹ Гудков Павел Павлович // Профессора Томского политехнического университета: биограф. справочник / сост. А.В. Гагарин. – Томск: Изд-во научно-технич. литературы, 2000. С. 67–68.

² Обручев. Мои путешествия по Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Электр. ресурс. URL: <http://www.rgo-sib.ru/book/geo/2.htm>

первых месяцев работы в Томске. Он ежегодно выезжал на полевые работы для изучения сибирских месторождений.

В 1908 и 1909 гг., в частности, по приглашению золотопромышленников молодой геолог совершил командировки на золотые прииски в окрестностях Томска. «Летом 1908 года, – писал он, – Советом Томского Технологического Института я был командирован на золотые рудники Ачинского и Мариинского горных округов сроком с 15 июля по 15 августа. Целью командировки было детальное геологическое исследование Богомдарованного рудника И.К. Иваницкого и Берикульского рудника А.Д. Родюкова. Ввиду затянувшейся геологической экскурсии со студентами в окрестностях Красноярска, в которой – совместно с профессором В.А. Обручевым – я участвовал в качестве руководителя, и – затем – задержки в получении ассигновки на командировку, я мог выехать из Красноярска лишь в половине июля...»¹.

Фото. Гудков П.П. в период работы в Томске

В последующие годы, уже по просьбе Русского золотопромышленного общества, Гудков вместе с Обручевым участвовал в проведении геологической экспертизы этих месторождений: группы Мариинских золотых рудников Томского городского округа (декабрь 1910 г.), группы Берикульских, Сараильских приисков Ачинского городского округа (лето 1911 г.). Предпринимателей интересовали прежде всего практические выводы о перспективности рудников, но Гудков использовал эту возможность для более детального изучения вопроса.

¹ Гудков П.П. Рудник Богомдарованный, в Ачинском горном округе (Предварительный отчет о летней командировке 1908 г.) // Изв. Томского технолог. ин-та Императора Николая II. – Томск, 1910. – Т. 20. – № 4.

По свидетельству современников, он еще с юности проявил себя весьма дотошным исследователем, стремящимся уловить все взаимосвязи и дойти до истины.

В этот период появились и первые публикации геолога. В 1910–1911 гг. он сообщал о своих исследованиях Мариинского горного округа в «Журнале Общества сибирских инженеров» (1910. Т. 2. № 1–12), «Горных и золотопромышленных известиях» (1910. №№ 20; 21) и «Известиях Томского технологического института» (1911. Т. 21. № 1). Заметки об изучении золоторудных месторождений в Красноярско-Ачинском горном округе были опубликованы в «Журнале Общества Сибирских Инженеров» (1910. Т. 2. № 1–12) и «Известиях Томского технологического института» (1910. Т. 20, № 4). Работы Гудкова дают отчетливое представление о методах исследования, которых он неизменно придерживался, где бы ни довелось ему работать. Давая квалифицированное заключение о перспективах разработки того или иного месторождения, он не упускал из виду и общей геологической картины местности, что позволяло ему связать отдельные факты в стройную схему. «Определить генезис месторождения, – писал геолог в одном из своих отчетов, – значит выяснить, в результате какого геологического процесса оно образовалось и в силу каких причин получило присущие ему в настоящее время свойства – форму, состав и структуру. Дать ответ на все эти вопросы составляет конечную и главную задачу теоретического изучения месторождения, которое, как и всякое другое геологическое образование, должно быть не только описано, но и возможно определённое истолковано исследователем. Но не менее важно выяснить генезис и при геологической экспертизе, т.е. при таком исследовании, которое должно дать основание для суждения о продолжении месторождения по простиранию и в глубину, о вероятных изменениях свойств месторождения за пределами вскрытых выработками частей его и, в частности, о том, насколько можно рассчитывать, что дальнейшая разработка месторождения оправдает расходы по покупке его за назначаемую продавцом цену или расходы по предполагаемому расширению эксплуатации, сооружению новых технических устройств и т.п.

Распространенное и поддерживаемое, как это ни странно даже многими горными инженерами, мнение, что практические задачи

могут быть разрешены только одной разведкой, – надо признать совершенно неправильными. ...разведочные данные, представляемые отдельными шурфами и буровыми скважинами, являются всегда отрывочными, разрозненными и могут быть правильно истолкованы только при наличии ясного представления о форме и свойствах месторождения и об общем геологическом строении местности, где это месторождение находится»¹.

Такой подход к работе быстро вывел Гудкова в число лучших и наиболее востребованных исследователей региона. Вплоть до отъезда в 1920 г. из Томска во Владивосток молодой геолог руководил всеми поисковыми и разведочными работами в Кузбассе и Горной Шории. В июне 1912 г. ему были поручены (совместно с другим преподавателем ТТИ М.А. Усовым) исследование и экспертиза рудников Оренбургского горного округа, а летом 1913 г. он работал в золотосных районах Зайсанского уезда Семипалатинской области и Монгольского Алатау.

В 1913–1915 гг. Гудков руководил геологоразведочными работами на Тельбесском железорудном районе по заказу акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей («Копикуз»), планировавшего организовать большое металлургическое предприятие на основе железных руд и каменного угля Кузнецкого уезда Томской губернии. Железные руды в этом районе были обнаружены еще в середине XVIII в., но дальнейшие разведки, по данным Гудкова, проводились без всякого плана, а потому размеры месторождения и условия залегания руд оставались невыясненными. Комплекс геологических исследований и разведок этих и ряда других месторождений позволил группе Гудкова выделить среди них наиболее перспективные и подсчитать запасы руд. Результаты работы были опубликованы в 1916 г. в журнале «Рудный вестник» (№ 3) в небольшой заметке «Тельбесский железорудный район». Последующие геологические, магнитометрические и разведочные работы, проведенные Гудковым летом 1916 г., предоставили новые данные, позволяющие не только более детально выяс-

¹ Гудков П.П. Район золотых приисков А.С. Антонова и О.П. Вишневецкой в Орском уезде Оренбургской губернии // [Изв. Томского технолог. ин-та]. – Томск: Типогр. Дома Трудолюбия, 1918. [Т. 39, № 3]. Отд. отт. С.13.

нить генезис Тельбесских месторождений, но и определить их место в общей геологической системе региона¹.

В начале XX в. изучение полезных ископаемых Сибири шло быстрыми темпами, чему способствовала прокладка Транссибирской железнодорожной магистрали и активное хозяйственное освоение территории. Начиная с 1892 г. Горное ведомство организовало несколько партий для проведения систематических геологических исследований местностей, прилегающих к будущей дороге: западносибирскую, среднесибирскую и восточносибирскую. Особое значение приобретали разведка каменного угля как топлива для паровозов и строительных материалов для возведения станций и жилья. Перед геологами стояла еще одна задача: поиск новых месторождений золота, серебра, железных руд и других полезных ископаемых, которые могли стать источником дохода вместо старых, уже истощившихся, приисков и рудников. Наличие в Томском университете, открытом в 1888 г., и Томском технологическом институте лабораторий, оборудования и квалифицированных научных сил (В.А. Обручев, М.А. Усов, П.П. Гудков, Л.Л. Тове, А.М. Зайцев, А.Н. Державин и др.), позволило значительно увеличить масштаб изучения Сибири в геологическом отношении.

Зимние месяцы были заняты анализом собранных материалов, подготовкой отчетов и статей по результатам исследований, которые публиковались в «Известиях Томского технологического института» и других изданиях. В этот период Гудков напечатал 15 статей по петрографии и экономической геологии². Вышел в свет и первый учебник с фамилией Гудкова на обложке: студенческий технический кружок при ТТИ счел нужным издать его лекции по физической геологии, которые геолог читал в течение двух

¹ Гудков П.П. Некоторые результаты геологических исследований в Тельбесском железорудном районе // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Вост. / Геологич. комитет Дальн. Вост. – 1921. – № 17. – С. 2.

² Павел Павлович Гудков [Некролог] // Согласие. – Лос-Анжелес, 1955. – № 45 (июль).

учебных лет на организованных в Томске Сибирских высших женских курсах¹.

В 1912 г. многочисленные протесты студентов и преподавателей против устаревших форм управления высшей школой привели к увольнениям многих профессоров, в том числе В.А. Обручева – за «вредное влияние на умы молодежи». На вакантную должность заведующего кафедрой геологии и петрографии был объявлен конкурс, и 18 января 1913 г. Гудков был единогласно избран на нее Советом ТТИ со званием экстраординарного профессора. Через год он был официально утвержден в этой должности.

Ряд источников сообщает о защите Гудковым в 1914 г. докторской диссертации «Вулканические породы Туркестана»², но в некрологе, составленном на основе личного архива геолога, этот факт отрицается: «По представлению к защите диссертации он, несомненно, был бы избран ординарным профессором. Однако, разразившаяся революция 1917 г. не дала ему возможности закончить эту фазу академической деятельности»³.

Неточность в отношении докторской диссертации связана, скорее всего, с тем, что в начале XX в. дипломные работы студентов часто назывались диссертациями, а темой Гудкова-студента как раз и было описание коллекций горных пород Туркестана, собранных в свое время И.В. Мушкетовым. Привязка к 1914 г. тоже неслучайна. Обширная и разноплановая работа Мушкетова, а главное, преждевременная смерть в 1902 г., не позволили ему обработать все коллекции, собранные во время экспедиций по Средней Азии, и опубликовать полные результаты исследований. При жизни ученый успел издать только 1-й том труда «Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г.» (Спб., 1886. 741 с.). В

¹ Гудков П.П. Физическая геология. Конспект лекций, читанных на Сибирских высших Женских курсах в 1913–14 и 1914–15 уч. гг. – Томск: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914.

² Жоховская В.В., Гагарин А.В., Лозовский И.Т. Павел Павлович Гудков – основатель школы микроанализа ТПУ // Изв. Томского политехн. ун-та. – 2005. – Т. 308. № 6. – С. 245; Профессора Томского политехнического университета: биограф. справочник. – С. 68.

³ Павел Павлович Гудков [Некролог] // Согласие. Лос-Анджелес. – 1955. – № 45 (июль).

1912 г. ученики Мушкетова В.А. Обручев и К.И. Богданович приняли переиздание этого труда, подготовив к печати и 2-й том (Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 гг.: Т. 1–3. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1886–[191?]. Т. 1: Обзор исследований Туркестана с древнейших времен по 1884 год. Туранский или Аральский бассейн. XXVI, 742 с.; 3 л. ил., карт.; Т. 2: Боро-Хоро и Джунгарский Алатау. Северные цепи Тянь-Шаня. Южные цепи Тянь-Шаня. Памиро-Алтай. Месторождения полезных ископаемых. XVI, 348 с.: ил.; 17 л. ил.). В 1914 г. в качестве заключительной, третьей части монографии были напечатаны и материалы, подготовленные Гудковым-студентом для дипломной работы (Т. 3: Описание горных пород / сост. П.П. Гудковым по материалам коллекции, собранной И.В. Мушкетовым. I, 338 л.; 22 л. Ил.).

Профессор Гудков заведовал геологическим кабинетом в ТТИ, читал лекции и вел практические занятия по петрографии, руководил дипломными работами студентов, работал над учебником петрографии, изданном литографическим способом в типографии института в 1916 г. Среди студентов и коллег он пользовался большой любовью за умелое ведение занятий, готовность помочь в усвоении нелегких наук, а также за мягкий общительный характер и чувство юмора. Несмотря на сложные вопросы, которые приходилось разбирать со студентами, аудитория, в которой он читал лекции, всегда была переполнена и в ТТИ, и на Сибирских высших женских курсах. «На его лекции приходили не только те курсистки, которые занимались по данному предмету, но и курсистки с младших курсов и даже с другого отделения – чистой математики. С особенным восторгом они приходили небольшими группами, по выбору Павла Павловича, работать под его руководством в прекрасно обставленном геологическом кабинете Технологического института»¹.

Интеллект и умение ладить с людьми делали Гудкова незаменимым и в общественной работе. Он был учредителем и председателем правления Общества сибирских инженеров и членом ред-

¹ Павел Павлович Гудков [Некролог] // Согласие. – 1955. – № 45 (июль).

коллегии (секретарь) его журнала, входил в Совет Томского отделения Общества по изучению Сибири, был председателем профессорского дисциплинарного суда в ТТИ (1914–1915). После Февральской революции его избирали в Сибирский областной исполнительный комитет (1917), Сибирскую областную Думу (1918) и Временное правительство автономной Сибири, где он руководил отделом торговли и промышленности Западно-Сибирского комиссариата (Томск, 1918).

В период существования Временного Сибирского правительства (П.В. Вологодского, июнь – октябрь 1918), в состав которого вошли профессора Томского университета и ТТИ, Гудкова пригласили на должность министра торговли и промышленности, но пробыл он на ней недолго: с приездом в Омск А.В. Колчака и преобразованием Сибирского правительства во Всероссийское он отказался от должности. Причину этого находим в воспоминаниях современников: «Профессор Гудков, ставший во главе Министерства торговли и промышленности, – еще молодой человек.... По специальности он – геолог, по происхождению – сибиряк, много работавший в различных горных районах Сибири и Урала. По политическим убеждениям он заявил себя сочувствующим социал-демократам меньшевикам, но в сущности был всегда беспартийным. Этот симпатичнейший человек обнаруживал, однако, некоторую бесхарактерность и, казалось, тяготился своей ролью министра, к которой чувствовал себя мало подготовленным...», – так писал в воспоминаниях Г.К. Гинс, управляющий делами Совета министров в правительстве Вологодского¹.

Сибирский и Дальневосточный геологические комитеты. Действительно, административная работа тяготила Гудкова, зато его преданность науке нашла в этот период достойный выход. Гражданская война нарушила связи геологов с Геологическим комитетом в Петрограде, возродив идею, которую сибирские геологи вынашивали давно, – о создании собственно сибирской геологической службы. В то же время Гражданская война привела в Томск геологов из других городов, включая Петроград. Вместе с колле-

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства. – М.: Крафт+, 2007. – С. 149–150.

гами Гудков разработал устав новой геологической организации, а потом, пользуясь влиянием в правительстве, сумел увлечь сибирские власти идеей создания Сибирского геологического комитета. Он не только обосновал необходимость Сибгеолкома для координации геологических исследований Сибири, но и доказал возможность его создания на базе Томского технологического института.

9 сентября 1918 г. на заседании Административного совета Временного сибирского правительства было постановлено учредить Сибирский геологический комитет и предоставить ему право на координацию всех геологических работ, проводимых в Сибири. В последние дни года правительство утвердило и Положение о Сибирском геологическом комитете, разработанное Гудковым и его коллегами. В нем определялись три основных направления деятельности организации сибирских геологов: 1) исследование геологического строения Сибири; 2) изучение месторождений полезных ископаемых и прилегающих к ним районов; 3) гидрологические и другие геологические работы, связанные с удовлетворением текущих запросов экономической жизни Сибири. В задачи Сибгеолкома входило также составление и издание геологических карт, учет минеральных ресурсов, составление каталога месторождений Сибири, создание музея прикладной геологии и справочного бюро геологических исследований¹.

Одним из первых шагов по выполнению намеченного была организация при Сибгеолкоме Бюро учета минеральных ресурсов, и осенью 1919 г. Гудкову и геологу Богословского горного округа Евгению Дмитриевичу Стратановичу было поручено разработать план деятельности этого подразделения. Гудков сразу же составил три программы: «собираания и регистрации сведений о коренных рудных месторождениях, о россыпях золота и платины и о месторождениях ископаемых углей». Стратанович внес в программы Гудкова некоторые изменения и дополнил их своими соображе-

¹ Боярко Г.Ю., Горюхин Е.Я. Политехники в поисках твердых полезных ископаемых на томской земле // Изв. Томского политехн. ун-та. 2004. – Т. 307. № 4. – С. 180.

ниями, и 8 ноября они докладывали Присутствию о проделанной работе. Их программы были одобрены и приняты к исполнению¹.

Гудков не был новичком в деле учета полезных ископаемых. Над этой проблемой он и раньше задумывался в ходе исследований, изложив свои мысли в статье «Положение вопроса об учете запасов медных, серебро-свинцовых руд Сибири». Ее напечатал в 1915 г. Журнал Общества сибирских инженеров (№ 1). Работа по учету минеральных ресурсов Сибири была начата со сбора и изучения наследства прошлых лет – архивных материалов, хранившихся в горных управлениях сибирских городов, а также на отдельных крупных рудниках.

Аналогичной организаторской работой Гудкову довелось заниматься еще раз, на этот раз во Владивостоке, куда он приехал в 1920 г. по приглашению Добровольного общества содействия развитию высшего образования. Деятели этой организации, созданной во Владивостоке летом 1918 г. и поставившей целью открытие новых высших учебных заведений, включая технический вуз и университет, разослали письма в крупные города Сибири, приглашая профессоров во Владивосток и обещая оплату переезда. Были направлены такие приглашения и в вузы Томска – университет и технологический институт².

Во Владивостокском политехническом институте, созданном в ноябре 1918 г. как Высший политехникум и получившем статус государственного вуза в апреле 1920 г., Гудков занял должность профессора и декана горного отделения. При этом до сентября 1920 г. он оставался профессором ТТИ, числясь в научной командировке по организации горного факультета во Владивостокском политехническом институте³. В 1919–1920 гг., когда процесс

¹ Гудков П.П. Проект инструкции для собирания и регистрации сведений о коренных рудных месторождениях // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Вост. / Геологич. комитет Дальн. Вост. 1921. Вып. 16. – Владивосток: Типогр. ГДУ, 1921. – С. 2.

² Троицкая Н.А. К истории Добровольного общества содействия развитию высшего образования // Высшее образование на Дальнем Востоке : История, современность, будущее. Материалы научн. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. С.7.

³ Гудков Павел Павлович // Профессора Томского политехнического университета. – С. 67.

беженства, охвативший страну, принял массовый характер, во Владивостоке оказалось немало известных геологов, в том числе членов Русского и Сибирского геологических комитетов. Одни пытались на Дальнем Востоке спастись от ужасов Гражданской войны (Н.Н. Павлов, И.А. Преображенский), другие были эвакуированы вместе с Уральским горным институтом (М.К. Елиашевич, М.А. Павлов, М.О. Клер), а некоторым пришлось задержаться здесь после экспедиционных работ (А.И. Козлов, А.Н. Криштофович).

Инициатором объединения выступил Эдуард Эдуардович Анерт, руководивший с 1916 г. Дальневосточной секцией Геологического комитета в Петрограде. Первоначально организация называлась Соединенным совещанием геологов Дальнего Востока, а с мая 1920 г. получила название Дальневосточного геологического комитета (Дальгеолкома). Гудков вместе с Анертом участвовал в создании Дальгеолкома, а затем работал в его составе одновременно с преподаванием в вузе. Ему был поручен учет минеральных ресурсов Приморского края, и к этой работе он отнесся с полной ответственностью, как и ко всему, чем ему доводилось заниматься. Он воспользовался предыдущими наработками, когда в мае 1920 г. высказывал коллегам свои соображения по поводу организации учета полезных ископаемых.

Примечательно, что в разгар Гражданской войны геолог даже не упоминает о сложной текущей ситуации: его мысли обращены в будущее. Он говорит о недостаточной изученности России в геологическом отношении и необходимости тщательного учета всех минеральных ресурсов страны для ее успешного экономического развития, анализирует экономическую составляющую разведки и разработки месторождений, рассуждает о проблемах, которые неизбежно возникнут. Сообщая факты слабого геологического познания российских земель – даже в европейской части геологическими исследованиями охвачено всего лишь около 40% территории, а созданные геологические карты недостаточно детальны, – Гудков обращает внимание коллег на проблемы Сибири, где изучены, с составлением геологических карт, лишь отдельные небольшие участки. Говорит он и о трудностях исследования Сибири, где правительственных учреждений пока еще мало, а промышленники, эксплуатирующие различные месторождения, помешаны на коммерческой тайне и не ведут никакой регистрации получае-

мых при разработке месторождения данных. Даже там, где подобные записи ведутся, не принимается должных мер по сохранению этих материалов. В результате, «о громадном большинстве даже давно работающих месторождений мы знаем очень мало или не знаем ничего», – делает вывод геолог¹.

Он доказывает, что для рациональной организации экономики страны необходимо располагать как можно более точными и полными сведениями обо всех естественных ресурсах государства, в том числе горных богатствах. Лишь то месторождение может быть отнесено к действительным богатствам, считает геолог, если оно позволяет извлекать полезный продукт с экономической выгодой, т.е. «расходы по извлечению какой-нибудь единицы этого продукта будут меньше рыночной стоимости его». Он считает целесообразным установить размер ежегодных государственных субсидий на геологическое исследование страны («применительно к общему состоянию государственных финансов»). Признает он желательным и широкое использование частной инициативы и частного капитала при производстве этих работ, при этом замечает, что «можно только гадать, будут ли оставлены в частных руках хотя бы некоторые предприятия, занятые разработкой месторождений, или все они будут национализированы»².

В этой работе Гудков проявил себя незаурядным экономистом. Рассуждая о вопросах учета минеральных ресурсов, он то и дело отклоняется в сторону экономики, обосновывая то или иное положение. «Не следует думать, – писал геолог, – что должны учитываться и регистрироваться только такие месторождения полезных ископаемых, которые допускают выгодную их разработку. На самом деле выгодность эксплуатации месторождений любого полезного ископаемого зависит не только от природных качеств данного месторождения – его размеров, глубины залегания, относительного содержания полезного вещества, характера вредных примесей и т.п., но и от общеэкономических условий того района, в котором находится месторождение (расстояния его до крупных

¹ Гудков П.П. К вопросу об организации учета минеральных ресурсов // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Востока. 1920. Вып. 2. – Владивосток: Типогр. Гос. Дальневост. ун-та, 1921. – С. 3.

² Там же. – С. 4.

рынков сбыта, путей сообщения, стоимости рабочих рук, наличности разных необходимых для эксплуатации материалов и т.п.). А так как все условия последней категории почти для любого района не могут считаться неизменными, то ясно, что многие месторождения, которые в данное время нельзя признать обеспечивающими выгодную эксплуатацию, могут оказаться таковыми позднее, когда район их месторождения сделается населённым или соединится с другими районами хорошими путями сообщения. Кроме того, может измениться значение какого-нибудь месторождения или даже целого ряда их и благодаря совершенствованию техники добычи и обработки ископаемых. Так, с появлением драг во многих местах Сибири стали разрабатываться россыпи, до того считавшиеся непромышленными, а с введением т.н. томасирования сделались предметом интенсивной переработки фосфористые железные руды, из которых раньше железо извлекать не могли»¹.

Своими идеями Гудков делился не только с коллегами, он стремился увлечь ими и представителей других профессий. Так, 10 февраля 1920 г. он выступил на собрании Общества сибирских инженеров с докладом «Горная промышленность Сибири в ее историческом развитии, современном состоянии и перспективах будущего развития». В июле 1920 г. он прочитал доклад «Значение геологии в разведочном деле» на собрании секции прикладной геологии Владивостокского отделения Русского технического общества.

Гудков отчетливо представлял, какие трудности предстоит преодолеть при выполнении задачи учета «чрезвычайного разнообразия» минеральных ресурсов огромной страны, многие районы которой оставались труднодоступными из-за сурового климата и отсутствия каких-либо путей сообщения. С другой стороны, эта территория отличалась «величайшим разнообразием геологического строения», к тому же, ввиду недостатка топографических карт, была мало подготовлена к систематическому изучению. 8 декабря 1920 г. на заседании Присутствия Дальгеолкома профессор Гудков знакомил коллег с проектом разработанной им инструкции для собирания и регистрации сведений о коренных рудных

¹ Гудков П.П. К вопросу об организации учета минеральных ресурсов... – С. 2.

месторождениях. В основу проекта была положена одна из программ, которые он вместе со Стратановичем готовил по заданию Сибгеолкома в 1919 г. для организованного там Бюро учета минеральных ресурсов. Воспользоваться в полной мере этими разработками сибирским геологам помешало наступление Красной армии, зато они пригодились во Владивостоке.

Гудков считал, что регистрации подлежат все месторождения – как эксплуатирующиеся в настоящее время, так и те, которые могут явиться предметом разработки в будущем. «В таких малоисследованных и слабо развитых в горно-промышленном отношении странах, как Азиатская Россия, – доказывал он коллегам, – учет минеральных ресурсов не может ограничиваться т[ак] н[азываемыми] определенными и вероятными запасами, но должен касаться и возможных запасов, ибо количество разведанных месторождений в таких странах – ничтожно сравнительно с числом известных, но не разведанных, а эти последние, в свою очередь, не могут считаться исчерпывающими всю сумму горных богатств страны»¹.

Для объективной и уверенной оценки возможных запасов ископаемых какого-либо района, делал вывод Гудков, необходимо иметь обоснованное представление о способах образования каждого месторождения и о причинах, обусловивших присущие этим месторождениям свойства. «В настоящее время мы имеем возможность на основании геологических исследований, нередко даже без всяких специальных разведочных работ, не только определить, где и какие можно найти полезные ископаемые, и указать признаки, которыми следует руководствоваться при поисках, но и предсказать многие особенности месторождений этих ископаемых. И в таких предсказаниях о полезных ископаемых какого-либо района можно дойти до тем большей уверенности и тем большей детальности, чем лучше выяснена геология данного района и чем более подробными сведениями мы располагаем об уже разрабатываемых или хорошо разведанных месторождениях этого же рай-

¹ Гудков П.П. Проект инструкции для собирания и регистрации сведений о коренных рудных месторождениях // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Вост. / Геологич. комитет Дальн. Вост. 1921. Вып. 16. – Владивосток: Типогр. ГДУ, 1921. – С. 2.

она. Наоборот, по отношению к району, в котором еще не открыто никаких месторождений или мы о них ничего не знаем, наши предсказания должны будут ограничиться самыми общими чертами и для оценки ископаемых района дадут очень мало, а то и совсем не смогут быть использованы.

Необходимость сведений об открытых уже месторождениях данного района для суждения о тех, какие в нем можно предполагать, определяется, во-первых, тем, что месторождения каждого отдельного района почти всегда обладают некоторыми особенностями, отличающими их от аналогичных по своему типу и условиям образования месторождений другого района; во-вторых, при разведке и разработке месторождений неизбежно получаются такие данные о геологическом строении района, которые не могут быть добыты при геологических исследованиях, касающихся только пород и отложений, обнажающихся на поверхности земли»¹.

Исходя из этого, Гудков постарался охватить в проекте инструкции все аспекты характеристики, как самого месторождения, так и местности, на которой оно находится: рельеф, климатические особенности, геологическое строение местности и геологическую характеристику месторождения, историю его эксплуатации и ее результаты, данные разведочных работ. Общая сводка данных позволяла определить перспективы будущей эксплуатации месторождения. Гудков делал вывод о необходимости систематической регистрации всех проводимых и намечаемых исследований, поисков и разведок и последующего предоставления копий отчетов об этой работе. Пунктами же сосредоточения этих сведений, по его мнению, должны стать кабинеты-музеи, к организации которых в 1919 г. приступил Сибирский геологический комитет, продолжая работу, начатую членами Дальневосточной, Сибирской и специальной секций Российского Геолкома.

«Цель учреждения таких кабинетов, — пишет Гудков, — установление более живой и тесной связи с местами, достижение возможно более полной осведомленности о нуждах каждого данного района в отношении геологического изучения его, а также облегчение местному населению ознакомления с результатами всех

¹ Гудков П.П. К вопросу об организации учета минеральных ресурсов... — С. 3.

работ по познанию местных минеральных ресурсов»¹. Задачей кабинетов-музеев, по его мнению, должно стать не только собирание и систематизация образцов горных пород данной местности и материалов по изучению полезных ископаемых (литературы, отчетов об исследованиях, разведках и разработках), но и широкое консультирование на местах по вопросам прикладной геологии, помощь местным школам и общественным организациям в создании музеев.

С помощью Гудкова Музейный кабинет был создан на базе горного факультета Владивостокского политехнического института, куда поместили все учебные коллекции по минералогии, петрографии, палеонтологии, а также личные минерало-петрографические коллекции профессоров А.И. Козлова, М.А. Павлова, И.А. Преображенского, Н.Н. Павлова, Б.С. Домбровского. Передал в дар музею свою личную коллекцию и сам Гудков.

Сложное финансовое положение Дальгеолкома заставило геологов значительно сократить первоначально составленную программу работ, тем не менее, им удалось охватить исследованиями наиболее важные в геологическом отношении районы Дальнего Востока. Месторождения углей изучали М.К. Елиашевич (в окрестностях Владивостока и Сучанское), М.А. Павлов (Верхнесуйфунское), П.И. Полевой и А.Н. Криштофович (на Сахалине). Исследования железорудных районов проводили В.М. Дервиз (Ольгинский район) и А.И. Педашенко (Сергеевско-Ипполитовский район). Криштофович проявил себя и как палеонтолог, один из первых на Дальнем Востоке, изучая третичную флору Сахалина, бухты Посъет и реки Амгу.

Выполняя задание Дальгеолкома по учету минеральных ресурсов, Гудков начал знакомство с месторождениями вокруг Владивостока, и одним из первых мест, посещенных им, были золотые рудники на острове Аскольд, которые начали разрабатываться в 1898 г. владивостокским купцом А.К. Вальденом, а в дальнейшем переходили из рук в руки. 22 февраля 1920 г. он докладывал коллегам результаты поездки. Гудков обнаружил, что месторождение золота на острове эксплуатировалось наобум: никаких разведоч-

¹ Гудков П.П. К вопросу об организации учета минеральных ресурсов... – С. 5–6.

ных работ не проводилось, поэтому не приходилось говорить ни о точных, ни даже о вероятных запасах ценного металла. Тем не менее, основания для определения возможных запасов, по мнению исследователя, имелись, а содержание золота в руде допускало безубыточную ее обработку. «Остров Аскольд, – сообщал Гудков коллегам, – представляет широкое поле для исследования и подает довольно значительные надежды на то, что может стать основой для возникновения нескольких золотопромышленных предприятий»¹.

Он высказал и предложения об усовершенствовании эксплуатации рудника, в частности, предложил применять к кварцево-пиритово-свинцовым рудам флотационный способ обогащения, а кварцево-пиритово-медные руды обрабатывать плавкой. Он предложил ввести во всех штольнях потолкоуступную систему работы вместо применяемой системы колодцев, а также усовершенствовать откатку руды по штольням и доставку ее на фабрику. Вместе с тем, геолог заметил и препятствия, которые могут затруднить работу рудников: недостаток на острове пресной воды и отсутствие удобных площадей для расположения обогатительных фабрик. «Геологические условия, которым подчинены золоторудные месторождения на острове Аскольд, – делал вывод Гудков, – могут служить руководящими и при поисках золота на материке. При самих же поисках надо иметь в виду, что жилы даже небольшой мощности могут оказаться промышленными – это показывает пример Аскольдовского рудника, поэтому они также должны подвергаться опробованию»².

Итогом работы Гудкова по учету минеральных ресурсов стали его статьи-обзоры, опубликованные в 1922 г. в «Докладах Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока» (Владивосток): «Золото» (с. 100–103), «Железо» (с. 103–106), «Серебро-свинцовые-цинковые руды» (с. 106–107), «Медные руды» (с. 107–109),

¹ Гудков П.П. Аскольдовский рудник и другие месторождения золота на о. Аскольде // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Востока / Геологич. комитет Дальн. Востока. 1921. № 20. – Владивосток: типогр ГДУ, 1921. Карта, 1 табл.

² Там же. – С. 24–25.

«Месторождения марганца, редких металлов, сурьмы, мышьяка, серы, плавикового шпата, графита и пр.» (с. 110–112), «Минеральные источники» (с. 112–113).

Из Владивостока – в Америку. К времени опубликования этих материалов Гудкова во Владивостоке уже не было. Сведения о переезде его с семьей в Америку противоречивы. По одним источникам, в 1921 г. Гудков возглавил делегацию Владивостокской торгово-промышленной палаты в столицу США Вашингтон, где намечались переговоры об использовании американского капитала для разведки и добычи полезных ископаемых в Сибири и на Дальнем Востоке, и не вернулся из этой командировки¹. По другим данным, Гудков поехал в США вместе с женой и дочерью в начале 1922 г. по приглашению американских научных обществ для чтения лекций и не смог (не захотел?) вернуться в Россию из-за окончания Гражданской войны². Так или иначе, а 25 января 1922 г. он прочел доклад на английском языке (согласно источникам, он знал несколько иностранных языков: помимо английского еще немецкий, французский, польский) о геологии основных рудных областей Сибири в Геологическом обществе Вашингтона³.

Можно долго рассуждать о причинах отъезда множества талантливых людей из революционной России. Одни принимали решение спонтанно, поддавшись общему состоянию тревоги и неуверенности, охватившему население. Другие не могли смириться с житейскими проблемами, возникшими в ходе Гражданской войны: разрухой, нехваткой продовольствия, неустроенностью быта. Но еще страшнее была духовная неустроенность, которую сильнее других ощущала интеллигенция.

«Что же было причиной этого исхода? Во всяком случае, не потеря своего благосостояния и не страх грядущих лишений. За годы революции, за годы гражданской войны нас, русских, не удивишь материальными лишениями. Знает Бог, среди нас нет ни

¹ Павел Павлович Гудков [Некролог] // Согласие. – 1955. – № 45 (июль).

² Гудков Павел Павлович // Профессора Томского политехнического университета... – С. 67.

³ Павел Павлович Гудков [Некролог] // Согласие. – 1955. – № 45 (июль).

одного, кто бы их не изведal. Ушли мы потому, что, когда борьба окончилась, когда мы были побеждены, нам стало ясно, что оставаться бесполезно. Ни наши знания, ни работа не имели применения в условиях хаотического применения в жизни беспримерным насилием утопических доктрин и не оправдываемых ими безумных экспериментов коммунизма»¹. Так описывал настроение многих представителей российской научно-технической интеллигенции соратник Гудкова по общественной работе в США генерал-майор Иван Николаевич Лосев, Георгиевский кавалер, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн.

Этим словам созвучны и воспоминания Ивана Ивановича Манухина, известного петербургского врача, ученого и общественно-го деятеля: «Годы 19–20 были периодом все нарастающего – из недели в неделю, из месяца в месяц – тягчайшего для нормального человека состояния какой-то моральной смертоносной духоты, которую даже трудно определить точным словом, разве термином “нравственной асфиксии”. Люди были поставлены в условия, когда со всех сторон их обступала смерть, либо физическая, либо духовная. Все делается лживо, обманно, враждебно, озлоблено вокруг вас и безмерно – беспредельно, интегрально – незаконно. Декреты сыплются на обывателя без счета, а закона нет, и самый принцип его вообще не существует. Нет ничего удивительного, что русские люди устремились к границам, – кто куда: в Финляндию, на Украину, в Польшу, Белоруссию. Хотелось жить как угодно: в бедности, в убожестве, странником, пришельцем, лишь бы не быть принуждаемым жить не по совести»².

Поначалу Гудков жил и работал в Нью-Йорке, где выступил с лекциями по геологии и минеральным богатствам России в Колумбийском университете и напечатал две статьи о полезных ископаемых азиатской части России, в частности, запасах угля

¹ Коллекция Русско-Американского культурно-просветительского общества (РАКПО). Музей русской культуры (МРК), Сан-Франциско. Box 1, folder 6, l. 9 (Лосев И.Н. Краткий исторический очерк Русского инженерного кружка в г. Лос-Анджелес. 1924–1934).

² Цит. по: Ульянов Т.И. Этот неизвестный известный Иван Манухин // Вопросы истории естествознания и техники. – 1993. – № 3.

в Сибири¹. В Калифорнию он попал благодаря случайной встрече с О.И. Катлер, бывшей слушательницей Сибирских высших женских курсов. Ее муж, американский геолог В.В. Катлер в 1923 г. находился на федеральной службе в г. Бейкерсфилд (Bakersfield) в Калифорнии. Он-то и организовал приглашение Гудкова на работу местной нефтяной компанией, «Синдикатом Мак-Кинли» (McKinley Syndicate), в качестве консультанта по геологии и микропалеонтологии. Приехав в Калифорнию в марте 1923 г., геолог до осени проводил разведочные работы в долине Сан-Хоакин (San Joaquin), изучая вероятность месторождения нефти и дав в результате положительное заключение.

В 1924 г. Гудков переехал в Лос-Анджелес и стал работать геологом и палеонтологом в компаниях, занятых разведкой нефти. В этот период он прочел несколько лекций в Стэнфордском университете и напечатал ряд статей в научных геологических журналах, которые «послужили к лучшему пониманию геологии южной части Сан-Хоакинской долины и в конечном результате способствовали открытию нефтяных полей в Кэттлемен Хиллс»².

С 1926 г. Гудков работал самостоятельно в качестве консультанта и независимого эксперта, выполняя различные заявки, как крупных нефтяных компаний Калифорнии, так и небольших фирм. В 1927 г. он принял гражданство США, а еще через десять лет, в 1937 г., открыл собственную геологическую консультационную контору, в которую нефтяные компании присылали образцы пород, полученных при бурении нефтяных скважин, для геологических и палеонтологических определений. Большая первоначальная эрудиция и опыт, приобретенные Гудковым за годы работы в Калифорнии, создали ему репутацию одного из выдающихся нефтяных геологов Америки, и дела его конторы шли блестяще. В ней нашлась работа и для других русских: именно бывших соотечественников, чаще всего инженеров, Гудков предпочитал нанимать в качестве помощников для подготовительной обработки присылае-

¹ Goudkoff, P.P. Economic Geography of the Coal Resources of Asiatic Russia [Siberia] // Geographical Review. – NY, 1923. – Vol 13, No 2. – Pp. 283–293.

² Павел Павлович Гудков [Некролог] // Согласие. – 1955. – № 45 (июль).

мых образцов, хорошо оплачивая их труд. Встречались они и в частной жизни, часто – в доме Гудковых, который всегда был центром встреч для друзей и коллег, и русских, и американцев.

В Русском инженерном кружке. В русской общине Лос-Анджелеса Гудкова знали не столько по его научной работе, сколько по Русскому инженерному кружку, или, официально, Обществу русских инженеров Лос-Анджелеса (Russian Engineering Society of Los Angeles). Эту организацию, в создании которой вновь проявился талант Гудкова как общественного деятеля, можно с полным основанием назвать любимым детищем геолога. Основанный в феврале 1924 г., Русский инженерный кружок оказался наиболее крупным и долговечным профессиональным объединением русских американцев¹. Русский инженерный кружок помог установить более тесные связи между инженерами, живущими в Лос-Анджелесе, содействовать развитию их технических и научных интересов. Он также поддерживал их в финансовом отношении и способствовал организации культурного досуга. Инженеры собирались на свои встречи ежемесячно, чаще всего по пятницам, нередко их сопровождали жены, допускались и гости, в том числе американцы. На собраниях читали доклады, делали сообщения о новинках науки и техники, регулярно проводили тематические вечера, а по праздникам устраивали чаепитие с культурной программой.

В первый год работы Кружка основная лекторская нагрузка легла на основателей, и профессор Гудков прочитал в 1924 г. четыре доклада. Он был первым, кто открыл 20 февраля заседания кружка докладом «Современное воззрение на генезис рудных месторождений». В том же году Гудков выступил с докладами о задачах и методах геологии, геологическом прошлом Калифорнии и о развитии жизни на Земле². В дальнейшем он читал доклады и делал сообщения на заседаниях кружка ежегодно. В сентябре 1925 г., когда в центре внимания были последствия разрушительного землетрясения в Санта-Барбаре, геолог рассказал о причинах сейсмологической активности, сделав обзор землетрясений в Калифорнии. В марте 1926 г. он делился с коллегами впечатле-

¹ О Русском инженерном кружке см. 8. «Дело их живо и жизненно»: Русский инженерный кружок в Лос-Анджелесе и его деятели.

² МРК. Box 1, folder 6, ll. 14–15.

ниями о заседании Американского геологического общества по вопросу о происхождении кремнистых сланцев. В июне 1927 г. Гудков называл свой доклад «История с географией», в феврале 1929 г. его выступление было посвящено истории техники нефтяного дела, а через год – исследованиям Луны. Он также рассказывал о топографических съемках с аэроплана, минеральных ресурсах Земного шара и, более подробно, о богатствах недр европейской России и сибирского Севера. В 1933 г. Гудков выступил с большой публичной лекцией по истории России, назвав ее «Россия в прошлом и будущем».

«Постоянные выступления Павла Павловича с докладами в Инженерном кружке, на собраниях, посвященных русской культуры и др., всегда были прекрасными по форме и глубокими по содержанию. Чувствовался докладчик большой культуры, хорошо владевший словом», – так отзывались о Гудкове современники¹.

Доходы от публичных лекций давали кружковцам основные средства для благотворительности. Они особенно были востребованы в годы депрессии, когда некоторые инженеры остались без работы. Кружок оказывал помощь не только выдачей ссуд, но и оплатой труда безработных инженеров, которых привлекали в качестве помощников при организации различных мероприятий, тех же публичных лекций. Сами лекторы, в том числе Гудков, предоставляли свои услуги бесплатно. Его несколько раз избирали и председателем объединения, а в 1934 г. за выдающуюся общественную работу выбрали почетным членом Кружка русских инженеров².

Наряду с другими кружковцами Гудков участвовал и в организации бесплатных уроков английского языка для новых иммигрантов, число которых возросло во время Второй мировой войны и особенно после ее окончания. По его инициативе в Кружке появился и Фонд помощи русским студентам в США, из которого стали назначать стипендии и выдавать ссуды молодым людям для получения образования¹. Средства Фонда составлялись главным образом из добровольных пожертвований членов Кружка русских

¹ Ф.В. Светлой памяти профессора П.П. Гудкова // Русская жизнь. Сан-Франциско. – 1955. – 21 июня.

² МРК. Box 1, folder 6, l. 11.

¹ МРК. Box 1, folder 8, l. 9.

инженеров и других общественных организаций русской общины. Профессор Гудков был одним из тех, кто всегда охотно откликался на призыв правления Клуба помочь нуждавшимся и часто жертвовал деньги на благотворительность.

DEPARTMENT OF SOCIAL SERVICE

РУССКИЙ ИНЖЕНЕРНЫЙ КЛУБ
г. Лос-Анжелес.

в пользу ФОНДА ПОМОЩИ РУССКИМ СТУДЕНТАМ
имени проф. П.П. ГУДКОВА

у с т р а и в а е т

В СУББОТУ 2 июня 1956 г.

в залах "ПАРК МАНОР", 607 С.Вестерн авеню
(607 South Western Ave)
К О Н Ц Е Р Т - Б А Л .

НАЧАЛО в 8 час. 30 мин. ВЕЧЕРА.

- - 000 - -

Сбор с этого бала пойдет на оказание помощи русским студентам и студенткам, которые мечтают получить высшее образование, но по разным причинам экономического или семейного характера бывают вынуждены отказаться от этой своей мечты, а часто бывают даже принуждены бросить уже начатую и хорошо идущую работу в высшей школе.

Поможем же нашей даровитой русской молодежи, которая уже завоевала одно из первых мест в американских высших школах, и дадим ей возможность развернуть свои силы и способности в еще большей степени.

ПРИХОДИТЕ ВСЕ НА БАЛ!

ЖЕРТЕВУЙТЕ НА ДОБРОЕ ДЕЛО!

ОКАЖИТЕ ПОМОЩЬ НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ!

Заказы на столики принимает: З.А. Леонард тел. WE 3-0759
И.Н. Антонова пл 3-1092

Помощь принимают:

Для буфета	В.С. Ворд	тел. NO 2-0986
Для лотереи	И.Н. Антонова	пл 3-1092
" " "	М.А. Шохина	пл 3-7917
Общая помощь и справки	И.С. Свицов	тел. NO 4-5922.

Фото. Объявление Фонда помощи русским студентам имени П.П. Гудкова (Из коллекции РАКПО, МРК, Сан-Франциско)

Финансовое положение Гудкова было устойчивым. В 1951 г. он объединил усилия с известным американским геологом Эденом

В. Хьюзом (Aden W. Hughes), создав совместную фирму-лабораторию «Гудков и Хьюз» (Goudkoff and Hughes), которая быстро заняла одно из ведущих мест в нефтяной промышленности Калифорнии. Прогнозы компаньонов о перспективности месторождений и их рекомендации по бурению скважин, основанные на обширных знаниях и интуиции, всегда были точны и пользовались большим спросом¹. Плодотворной была и научная работа исследователя в этот период. Он собрал и систематизировал обширную картотеку различных видов фораминифер, открыв при этом ряд новых, которые были названы его именем.

Русская община Лос-Анджелеса по праву гордилась своим соотечественником, подчеркивая это при каждом удобном случае. В частности, в газетной публикации о торжествах по поводу 30-летия Русского инженерного кружка отмечалось: «Имя профессора П.П. Гудкова, нашей гордости как большого авторитета по нефтяным изысканиям, хорошо известно ученым американцам, а нам, русским, и говорить об этом не приходится. Все знают, кто такой Павел Павлович. В своей интереснейшей речи проф. Гудков указал на все достижения в науке за 30 лет. Из его доклада видно, что он не только знаток геологии, но и химия, физика, биология, агрокультура также хорошо ему известны. Как всегда, речь Павла Павловича была интересной и увлекательной по содержанию».

Гудков состоял членом Калифорнийской академии наук и нескольких других американских научных обществ: геологического, практической палеонтологии и т.д., где встречался и с другими русскими геологами, оказавшимися в США, в частности, с Максимом Конрадовичем Елиашевичем, которого хорошо знал еще по Владивостоку. Гудков поддерживал связь и с коллегами в Советском Союзе, в том числе из Академии наук СССР. В 1947 г. по просьбе редколлегии геологической серии «Известий Академии наук СССР» Гудков подготовил обзор работ американских геологов по генезису нефти, который был опубликован². «Изучая в течение 25 лет геологию месторождений нефти в штате Кали-

¹ Павел Павлович Гудков [Некролог] // Согласие. – 1955. – № 45 (июль).

² Гудков П.П. Исследования по геологии нефти США // Изв. Академии Наук СССР. Серия геологич. / Академия наук СССР (АН СССР), Отделение геологии, геофизики, геохимии и горных наук (ОГГГиГН). 1947. – № 4. – С. 131–154.

форния, – сообщала редакция, – П.П. Гудков составил по просьбе редакции обзор новейших работ американских геологов по генезису нефти и современных морских отложениях для выяснения условий, благоприятствующих накоплению органического вещества в качестве материала для образования нефти»¹.

В этой статье Гудков упоминает и работы русских исследователей, работавших в США, – своего земляка, уроженца Красноярска профессора Пенсильванского университета Павла Дмитриевича Крынина (Paul D. Krynin) и М.К. Елиашевича, называя его, правда, американским именем, М. Elias, и не раскрывая подлинного.

Помнили о Гудкове и во Владивостоке. С открытием в 1932 г. Дальневосточного государственного горного института там отпечатали учебник геолога по петрографии, изданный в свое время в Томске, сообщая, что «переиздать “Петрографию” заставила насущная потребность, так как издаваемые в Ленинграде научные руководства на Д[альний] В[осток] доходят в недостаточном количестве, чтобы удовлетворить непрерывно растущую массу учащихся и работающих в этой области, и то, что “Петрография” Гудкова является одним из лучших руководств по петрографии, особенно в разделе “изверженные породы”»².

Редактором издания выступил Николай Николаевич Павлов, бывший студент и коллега Гудкова. В 1910 г. он окончил горное отделение Томского технологического института, после чего работал там лаборантом кафедры кристаллографии и минералогии. Как и Гудков, Павлов по совместительству преподавал на Сибирских высших женских курсов и вместе с ним работал в Сибгеолкоме, Дальгеолкоме и Владивостокском политехническом институте. После окончания Гражданской войны Павлов остался во Владивостоке. С 31 января 1923 г. наряду с другими преподавателями, не уехавшими в эмиграцию, он был зачислен на штатную должность доцента кафедры кристаллографии и петрографии горного отделения технического факультета Государственного дальневосточного университета (ГДУ). В 1930 г., с открытием Дальневосточного политехнического института, Павлов преподавал в нем в качестве

¹ Гудков П.П. Исследования по геологии нефти США... – С. 131.

² Гудков П.П. Петрография / под ред. проф. Н.Н. Павлова. – Владивосток: Типогр. Дальневост. политехн. ин-та, 1932. – С. 1.

профессора, а в 1932–34 гг. работал в этой же должности в недолго существовавшем Дальневосточном государственном горном институте¹.

В Русском инженерном кружке Гудков тоже встретил людей из российского прошлого. Иван Павлович Чернышев был студентом Томского технологического института в период работы там Гудкова. Окончив вуз в 1912 г., Чернышев служил инженером на железной дороге, сначала в России, а потом в Румынии, а в США попал вместе с семьей через Германию после Второй мировой войны, в 1948 г. Инженерное образование, уже за границей, получил и его сын Николай. Совместное заявление о вступлении в Русский инженерный кружок они подали 5 апреля 1954 г., указав Гудкова как поручителя².

Профессор Гудков мог бы встретиться и со своим бывшим студентом Дмитрием Марьяшевым (D. Mariash). Получив в 1910 г. в Томском технологическом институте диплом горного инженера, тот 15 лет работал на каменноугольных рудниках Донецкого бассейна и три года на железорудных предприятиях Кривого Рога, занимался научными исследованиями в Угльном институте г. Харькова и проектных организациях, преподавал в технических вузах и три года провел в заключении по обвинению в экономической контрреволюции. Во время Великой Отечественной войны Марьяшев оказался в Германии (1944), а оттуда перебрался в США. Он подал заявление на вступление в РИК 3 июня 1955 г., через десять дней после смерти Гудкова. Рекомендации ему дал И.П. Чернышев, который написал: «Знаю инженера Д.М. Марьяшева 50 лет и рекомендую с самой лучшей стороны»³.

По результатам исследований нефтяных полей Калифорнии Гудков написал и издал более десяти работ. Некоторые вошли в число классических, на которые периодически ссылаются американские исследователи. «After ...1928 the Kettleman Hills were studied by many geologists and many reports on the general geology of the

¹ Турмов Г.П., Хисамутдинова Н.В. У истоков высшей технической школы на Дальнем Востоке России: материалы к биографиям (1899–1941). – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010. – С. 85.

² МРК. Box 1, folder 7, l. 146.

³ МРК. Box 1, folder 7, l. 149.

area or on particular aspects of the geology have been published, the most comprehensive of which are those by Gester and Galloway on the general geology and by Goudkoff on the subsurface stratigraphy» (После ...1928 г. многие геологи изучали район Кетлмен Хилз, и опубликовано много сообщений по общей геологии района и по конкретным аспектам геологии, наиболее полными из которых являются работы Жестера и Галлоуэя по общей геологии и Гудкова по подземной стратиграфии)¹.

Осенью 1953 г. русский геолог выступил в Американском обществе геологов-нефтяников с докладом «Изучение долины Сакраменто в четырех измерениях», в котором изложил результаты совместных исследований с другим бывшим соотечественником, А.И. Сафоновым. Увидеть эти материалы изданными ему уже не удалось. Гудков ушел из жизни 24 мая 1955 г. во время операции на почке, которая считалась несложной и совсем не опасной. Современники отмечали, что до этой последней кратковременной болезни геолог всегда отличался крепким здоровьем, выносливостью и хорошим зрением, хотя на протяжении всей жизни ежедневно работал с микроскопом².

«Внезапная кончина Павла Павловича поразила не только его близких, но и вообще всех его знавших. Ведь никто, даже пользовавшие его врачи, не предвидел столь близкого конца, а сам покойный до последних дней продолжал заниматься делами и оптимистично смотрел на предстоящую операцию, которую ему не суждено было перенести»³. На смерть геолога откликнулся и Русский инженерный кружок: «Все, кто знали Павла Павловича по его научной или общественной деятельности, или кто где-либо встречались с ним, никогда не забудут его проницательного ума, его

¹ Woodbing, W.P., R. Steward, and R.W. Richards. Geology of the Kettleman Hills oil Field, California. Stratigraphy, Paleontology and Structure. Washington : US Govern. Print. Office, 1940. (US Dept. of Interior. Geological Survey. Professional Paper 195). – P. 3.

² Paul Pavel Goudkoff (1891–1955): Memorial // Bull. of AAPG [American Association of Petroleum Geologists]. – 1955, Oct.

³ Ф.В. Светлой памяти профессора П.П. Гудкова // Русская жизнь. – Сан-Франциско. – 1955. – 21 июня.

глубокого понимания жизни, его тонкого юмора, его отзывчивости и готовности помочь ближнему»¹.

Панихида и отпевание состоялись в церкви иконы Божьей Матери «Взыскание погибших» по улице Мичелторена, 650, в помещении которой обычно проходили и встречи Русского инженерного кружка. Церковь буквально утопала в венках и цветах: проводить русского геолога в последний путь пришло множество народа, были и коллеги, приехавшие из других городов. С 1955 г. «в целях достойного сохранения памяти о профессоре П.П. Гудкове» Фонд помощи русским студентам стал носить его имя², а вскоре рамки деятельности Фонда расширили: он стал оказывать помощь не только студентам, но и другим категориям нуждавшихся, в частности, русским инженерным организациям в Европе.

Фото. Могила П.П. Гудкова на Голливудском кладбище Лос-Анджелеса (фото автора)

¹ Павел Павлович Гудков [Некролог] // Согласие. – 1955. – № 45 (июль).

² Фонд помощи русским студентам имени проф. П.П. Гудкова // Рус. жизнь. – Сан-Франциско, 1955. – 25 окт.

Валентина Петровна Гудкова (Goudkoff, Valentina P., 1880–1968), пережила мужа на 13 лет. После полувековой совместной жизни – золотую свадьбу супруги отпраздновали за полгода до кончины геолога – они не расстались и в дальнейшем: на Голливудском кладбище (Hollywood Forever Cemetery) они похоронены рядом.

След, оставленный Павлом Павловичем Гудковым, огромен – и в России, и в США. Сибирский и Дальневосточный геологические комитеты, у основания которых он стоял, заложили основы собственно региональной геологической науки. Результаты многочисленных исследований геолога, сохраненные в публикациях, до сих пор востребованы. В США Гудков стал одним из крупнейших специалистов в области геологии нефти, оставив как теоретическое наследие, так и практические наработки, способствующие развитию нефтяной промышленности, а Русский инженерный кружок, во многом благодаря организаторским способностям геолога, стал мостиком для знакомства американцев с русской культурой и наукой.

Труды П.П. Гудкова

Гудков, П.П. Рудник «Богомдарованный» в Ачинском горном округе (Предварительный отчет о летней командировке 1908 г.) // Изв. Томского технологич. ин-та Императора Николая II. – Томск, 1910. – Т. 20. № 4. – С. 1–20.

Гудков, П.П. Рудник «6-я Берикульская площадь» в Мариинском горном округе // Журнал Общества сибирских инженеров. – Томск, 1910. – Т. 2, № 1–12. – С. 283–293.

Гудков, П.П. Рудник «6-я Берикульская площадь» в Мариинском горном округе // Горные и золотопромышленные известия. – Томск, 1910. – № 20. – С. 190–191; № 21. – С. 199–201.

Гудков, П.П. Заметка о Богомдарованном руднике К.И. Иванниченко (в Красноярско-Ачинском горном округе) // Журнал Общества сибирских инженеров. – 1910. – Т. 2, № 1–12. – С. 14–17.

Гудков, П.П. Рудник «6-я Берикульская площадь» // Изв. Томского технологич. ин-та. – Томск: Типолитограф. Сибир. Т-ва Печатного Дела, 1911. – Т. 21. – № 1.

Гудков, П.П. Физическая геология. Конспект лекций, читанных на Сибирских высших Женских курсах в 1913–1914 и 1914–1915 уч. гг. – Томск: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914. – 62 с.

Мушкетов, И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 гг.: Т. 1–3. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. Т. 3: Описание горных пород / сост. П.П. Гудковым по материалам коллекции, собранной И. В. Мушкетовым. 1914 г. I, 338 л.; 22 л. ил.

Гудков, П.П. Рецензия на статью Обручева В.А. «Ильинское золоторудное месторождение в Восточном Забайкалье» (Матер. для геологии России. 1918. Т. 26, вып.1. С. 193–287 // Вестник сибирских инженеров. – Томск, 1917. – № 1–2. – С. 62–66.

Гудков, П.П. Район золотых приисков А.С. Антонова и О.П. Вишневецкой в Орском уезде Оренбургской губернии // [Изв. Томского технолог. ин-та]. – Томск: Типогр. Дома Трудолюбия, 1918. [Т. 39, № 3] Отд. отд. 37 с., карта.

Гудков, П.П. Об организации геологических исследований в Сибири: краткое содержание доклада // Труды съезда по организации Института Исследования Сибири / под ред. Б.П. Вейнберга. – Томск, 1919. Ч. 1. – С. 84–87.

Гудков, П.П. К вопросу об организации учета минеральных ресурсов // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Вост. / Геологич. комитет Дальн. Вост. 1920. Вып. 2. – Владивосток: Типогр. ГДУ, 1921. – 9 с.

Гудков, П.П. Годовой отчет за 1920 г. геолога-сотрудника профессора П.П. Гудкова // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Востока / Геологич. комитет Дальн. Востока. 1921. № 24: Отчет о состоянии и деятельности Геологич. комитета Дальн. Востока. – С. 25–28.

Гудков, П.П. Некоторые результаты геологических исследований в Тельбесском железорудном районе // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Вост. / Геологич. комитет Дальн. Вост. 1921. № 17.

Гудков, П.П. Проект инструкции для собирания и регистрации сведений о коренных рудных месторождениях // Материалы по

геологии и полезным ископаемым Дальн. Вост. / Геологич. Комитет Дальн. Вост. 1921. Вып. 16. Владивосток: Типогр. ГДУ, 1921.

Гудков, П.П. Аскольдовский рудник и другие месторождения золота на о. Аскольде // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Востока / Геологич. комитет Дальн. Востока. 1921. № 20. – Владивосток: топогр ГДУ, 1921. Карта, 1 табл.

Гудков, П.П. По поводу статьи «Новые взгляды на геологию главных рудоносных районов» // Горный журнал. – М., 1922. – № 1–12. – С. 517–518.

Гудков, П.П. Золото // Доклады Примор. окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики Русского Дальн. Востока. – Владивосток, 1922. – С. 100–103.

Гудков, П.П. Железо // Доклады Примор. окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики Русского Дальн. Востока. – Владивосток, 1922. – С. 103–106.

Гудков, П.П. Серебро-свинцовые-цинковые руды // Доклады Примор. окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики Русского Дальн. Востока. – Владивосток, 1922. – С. 106–107.

Гудков, П.П. Месторождения марганца, редких металлов, сурьмы, мышьяка, серы, плавикового шпата, графита и пр. // Доклады Примор. окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики Русского Дальн. Востока. – Владивосток, 1922. – С. 110–112

Гудков, П.П. Минеральные источники // Доклады Примор. окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики Русского Дальн. Востока. – Владивосток, 1922. – С. 112–113.

Гудков, П. П. Медные руды // Доклады Примор. окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики Русского Дальн. Востока. – Владивосток: 1922. – С. 113–115.

Goudkoff, P.P. Economic Geography of the Coal Resources of Asiatic Russia [Siberia] (Pamphlet) // Geographical Review. – NY, 1923. – Vol. 13, No 2. – Pp. 283–293+ FoldOut Map.

Goudkoff, P.P. Correlative value of the microlithology and micro-paleontology of the oil-bearing formations in the Sunset-Midway and

Kern River oil fields // Amer. Assoc. Petroleum Geologists Bull. – 1926. – Vol. 10. – PP. 485–490.

Goudkoff, P.P. Microscopic Correlation of Oil-Bearing Formation (1927).

Goudkoff P.P. Geology and Oil, Southern San Joaquin Valley, California // Contribution to economic geology (Short papers and preliminary reports). – 1929. – Part II. (US Dept. of Interior. Geological Survey. Bull. 811).

Goudkoff, P.P. Age and producing horizon at Kettleman Hills // Amer. Assoc. Petroleum Geologists Bull. – 1931. – Vol. 15. – PP. 839–842.

Гудков, П.П. Петрография / под ред. проф. Н.Н. Павлова. – Владивосток: типогр. Дальневост. политехн. ин-та, 1932. – 176 с. 1 табл.

Goudkoff, P.P. Subsurface stratigraphy of the Kettleman Hills oil field, Calif. // Amer. Assoc. Petroleum Geologists Bull. – 1934. – Vol. 18. – PP. 435–475.

Гудков, П.П. Исследования по геологии нефти США // Химия твердого топлива. – 1935. – № 5. – С. 459–471.

Goudkoff, P.P. Correlation of oil field formations on west side of San Joaquin Valley. State of California, Division of Mines. Bull. – 1941. – 118. Preprint. Pt.2. – Pp. 247–252, 1 chart, 1 plate.

Goudkoff, P.P. and Porter, W.W. Amoura Shale, Costa Rica // Bull. Amer. Assoc. Petrol. Geo. – 26:10. – P. 1647–1655.

Goudkoff, P.P. Correlation of oil field formations on west side of San Joaquin Valley, in Jenkins, O.P., ed., Geologic formations and economic development of the oil and gas fields of California: San Francisco, Calif., 1943. State of California, Department of Natural Resources, Division of Mines Bulletin. – No. 118. – P. 247–252.

Cushman, J.A. and Goudkoff, P.P. Some Foraminifers from the Upper Cretaceous of California: Cushman Lab Foram. Research. Contr[ibutions]. – 1944. – Vol. 20. Pt. 3. – P. 53–64. Pls. 9, 10.

Goudkoff, P.P. Stratigraphic relations of Upper Cretaceous in Great Valley, California: Bulletin of the American Association of Petroleum Geologists. – 1945. – V. 29. – No. 7. – P. 956–1007

Гудков, П.П. Исследования по геологии нефти США / П.П. Гудков // Изв. Академии Наук СССР. Серия геологическая / Академия наук СССР (АН СССР), Отделение геологии, геофизики, геохимии и горных наук (ОГГГиГН). – 1947. – № 4. – С. 131–154.

Гудков, П.П. Петрография: экзаменац. пособие и руководство для определения горн. пород: в 2 ч.: курс лекций / факсимил. Копия оригинала рукописи 1916 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2008. – 718 с. (Издание подготовлено к международному научно-практическому форуму «Минерально-сырьевая база Сибири: история становления и перспективы», посвященному 100-летию первого выпуска горных инженеров в Сибири и 90-летию создания Сибирского геологического комитета, первым директором которого был П.П. Гудков.

2. В ПОИСКАХ АМЕРИКАНСКОЙ НЕФТИ

М.К. Елиашевич-Илайас

Петербург–Урал–Владивосток. Начало зимы в 1919 г. выдалось холодным и снежным. Снег выпал рано и против обыкновения не растаял через день-другой, а плотным слоем накрыл берега Амурского залива. Лишь местами, на продуваемых ветром участках, оставались бесснежные проплешины, но они нисколько не облегчали дорогу путнику. Добираться из города до района исследований было нелегко, а Елиашевич проводил там каждый свободный день. Не все извозчики соглашались ехать по бездорожью, чаще всего они высаживали геолога сразу же у тракта, и оставшиеся километры пути тому приходилось преодолевать пешком, то проваливаясь в снег, то карабкаясь по прибрежным камням. В ноябре управляющий и совладелец компании «Николаевские угольные копи» Пашковский пригласил его для геологического исследования западного берега Амурского залива в районе рудников компании. Заказчиков, конечно же, прежде всего интересовали вопросы практического характера: следовало уточнить запасы угля и его качество, но геолог решил использовать эту возможность и для научных наблюдений.

Прошло всего три месяца, как Максим Конрадович Елиашевич приехал во Владивосток вместе с женой Еленой Григорьевной, и два года, как он окончил Горный институт в Петрограде сразу по двум отделениям: горному и геологическому. В институт он поступил в 1907 г., вскоре после окончания общих классов Морского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге. Материальное положение юноши было не из лучших. После смерти отца, статского советника Конрада (Кодрата) Адамовича Елиашевича, служившего старшим врачом в минском лазарете, семья переехала в Петербург. Из

шестерых детей заработок имел лишь старший брат-офицер. Младшие дети и бабушка находились на иждивении матери, получавшей 60 руб. пенсии за мужа. Поэтому в первый же учебный год студент подавал прошение на выплату ему стипендии из Эмеритальной кассы Государственного казначейства, полагавшейся ему как сыну человека, верой и правдой служившего отечеству в течение многих лет¹.

В Горном институте юноша учился успешно, в 1910 г. по результатам летних практических работ он получил премию имени профессора П.В. Еремеева по минералогии, но незадолго до окончания вуза занятия пришлось прервать. Архивные документы умалчивают, был ли он срочно призван на военную службу или добровольно встал в строй, но 28 октября 1913 г. в канцелярию Горного института пришла телеграмма: «Прошу выслать мне аттестат Морского корпуса. Необходим для немедленного отбывания воинской повинности»².

На период службы, а она продолжалась ровно год, Елиашевича из института исключили, и после возвращения в Петербург ему пришлось похлопотать по поводу восстановления в качестве студента. Директор Горного института тоже ходатайствовал за него перед Министерством торговли и промышленности, которому подчинялось учебное заведение. В ноябре 1914 г. Елиашевича вновь зачислили в институт «с условием, что вопрос о его пребывании там будет решен в зависимости от его успешности». Ему предстояло в течение года наверстать упущенное и сдать все необходимые зачеты, но даже при изрядном старании он не смог справиться со всеми заданиями в назначенный срок. Дело в том, что молодой человек решил не ограничиваться только одной специальностью и проходил курс сразу по двум отделениям, горному и геологическому, а учебная программа будущих геологов и специалистов горного дела была весьма насыщенной.

Вернувшись в институт, Елиашевич возобновил и научные исследования, начатые во время летних практик на Урале, и получил разрешение «заниматься обработкой своих минералогических и петрографических коллекций в помещениях Музеума при Горном

¹ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 111741. Л. 66–66 об.

² Там же. Л.15.

институте»¹. Прилежание и способности студента не остались незамеченными: руководство института сочло возможным вновь ходатайствовать за него перед Министерством торговли и промышленности – на этот раз о предоставлении отсрочки: «За истекший 1915 г. он сдал 16 зачетов на сумму 102 коэффициента, что превышает обычную успешность. До окончания курса осталось сдать 19 зачетов и два дипломных проекта (на сумму 153 коэффициента), на что потребуется два семестра, т.е. до 1 января 1917 г.»²

На этот раз сроки оказались вполне реальными. В качестве темы дипломного проекта по геологии Максим Елиашевич выбрал анализ горных пород одного из отрогов Уральского хребта, хорошо знакомого ему по летним практикам. Дипломную работу он выполнял под руководством К.И. Богдановича, директора Геологического комитета России и одновременно профессора Горного института по кафедре геологии и рудных месторождений. Студент Елиашевич считал большой честью иметь в учителях такого известного человека и пользовался каждым удобным случаем, чтобы расспросить профессора о его экспедициях и узнать секреты геологических изысканий.

Диплом Горного института был получен в феврале 1917 г., и 27-летний Елиашевич вместе с женой Еленой Григорьевной (урожденная Зиновьева), на которой женился весной 1915 г., отправился на Урал. Он устроился геологом Верх-Исетских заводов в окрестностях Екатеринбурга, где видел для себя широкое поле деятельности, а вскоре одновременно стал доцентом Уральского горного института (УГИ). Молодой вуз, начинавший второй учебный год, был озабочен подбором научно-педагогических сил. Скорее всего, Максима Конрадовича Елиашевича как перспективного исследователя пригласил туда ректор УГИ П.П. Веймарн, знавший его способным студентом Горного института.

Вместе с другими преподавателями УГИ Елиашевич с энтузиазмом включился в организацию учебного процесса, в частности, занялся созданием институтского геолого-минералогического музея. Вскоре его избрали на должность исполнявшего дела профессора по кафедре кристаллографии. Не оставлял он и практическую

¹ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 111741. Л. 76.

² Там же. Л. 17.

деятельность, уже в качестве главного геолога Верх-Исетских заводов. Но работа молодого исследователя и специалиста Елиашевича на Урале оказалась недолгой: в сентябре 1919 г. после решения правительства А.В. Колчака эвакуировать Уральский горный институт на Дальний Восток он оказался во Владивостоке вместе с группой преподавателей и студентов.

К этому времени Владивосток уже был наводнен беженцами, начавшими прибывать в 1918 г. и во много раз увеличившими население Владивостока. Жилья катастрофически не хватало. Считалось большой удачей снять отдельную комнату, многие же семьи довольствовались углом. Уральцы после почти двухмесячного пути еще две недели оставались в вагонах-теплушках: местный политехнический институт, для усиления которого и был отправлен УГИ, из-за отсутствия средств не смог своевременно отремонтировать помещения для приезжих. Ректору Веймарну пришлось немало похлопотать, пока его коллектив не разместили в зале одной из городских гимназий. Вузу же выделили для начала три комнаты в здании Владивостокского коммерческого училища.

Во Владивостоке УГИ поначалу старался сохранять самостоятельность, но имея совместные площади с Политехническим институтом, рациональнее было и учебный процесс проводить совместно, тем более что специализация во многом совпадала: главной задачей владивостокского вуза, как и УГИ, была подготовка инженерно-технических работников для горной промышленности. Институты окончательно объединились в апреле 1920 г., когда постановлением Временного правительства Дальнего Востока (Приморской земской управы) Владивостокский политехнический институт стал государственным, и все расходы по его содержанию были приняты на счет государственного казначейства.

Из 28 штатных преподавательских должностей Политехнического института 15 оказались занятыми преподавателями УГИ. Елиашевича сразу же включили в штат в качестве исполняющего обязанности профессора и заведующего кафедрой геологии, но Гражданская война не способствовала стабилизации учебного процесса. В результате принудительных мобилизаций число студентов значительно сократилось. После того, как военные власти выселили вуз из выделенных ему помещений, занятия проводились в помещениях, которые удавалось арендовать. Значительная

часть бюджета Дальневосточной республики использовалась на военные нужды. Средства на содержание института поступали нерегулярно и в недостаточном количестве: их хватало только на оплату хозяйственных расходов. Занятия со студентами хотя и шли, но доходов не приносили, и преподаватели получали зарплату крайне нерегулярно. К тому же деньги с каждым днем обесценивались: дорожали и продукты, и жилье, и топливо. Выручали случайные заработки, главным образом, работа по заявкам то одной, то другой компании.

Изучая геологию Дальнего Востока. Дальневосточный регион в тот период представлял собой слабо изученную в геологическом отношении территорию, несмотря на то, что исследования здесь начались еще в середине XIX века. Основными объектами изучения были местные сырьевые ресурсы, прежде всего каменный уголь, необходимый для нужд Тихоокеанской эскадры, а затем Уссурийской и Китайско-Восточной железных дорог. Первые находки были связаны с окрестностями бухты Экспедиции (бухта Посьета), но запасы угля там оказались небольшими, и разработка их была признана неперспективной.

После того, как владивостокский учитель и краевед В.П. Маргаритов обнаружил в 1888 г. залежи каменного угля в районе Сучана (ныне г. Партизанск), туда из Петербурга была направлена Южно-Уссурийская экспедиция под руководством горного инженера Д.Л. Иванова, организованная Горным департаментом. В 1888–1893 гг. она произвела предварительную разведку и пробную добычу угля, доказав промышленное значение Сучанского месторождения и оценив его как наиболее серьезное на Дальнем Востоке. После этого было решено приступить к разработке месторождения средствами казны.

Летом 1908 г. из Петербурга во Владивосток для изучения полуострова Муравьева-Амурского в геологическом отношении был командирован уроженец этих мест геолог П.В. Виттенбург. Через несколько лет, будучи главным геологом на строительстве Владивостокской крепости, он продолжил исследования, составив карту геологического строения полуострова и выпустив в 1916 г. комплексный труд «Геологическое описание полуострова Муравьева-Амурского и архипелага императрицы Евгении». Большая заслуга в изучении дальневосточных месторождений полезных ископае-

мых принадлежит и Э.Э. Анерту, начавшему исследования в 1895 г. на посту старшего инженера по горно-геологическим изысканиям Амурской железной дороги. В 1915–1917 гг. по поручению Геологического комитета он исследовал окрестности Сучанского рудника, изложив выводы в «Годовом отчете за 1917 год по геологическим исследованиям в Южно-Уссурийском крае».

Несмотря на такое внимание к изучению угольных залежей Приморья, оставалось много вопросов относительно качества и запасов углей разных месторождений. Поскольку основные научно-технические силы были в то время сосредоточены во Владивостокском политехническом институте, туда и поступали заявки от предприятий и организаций на проведение экспертных исследований. Занимался ими и Елиашевич, включившись в эту работу с первых месяцев жизни во Владивостоке. Помимо того, что выполнение заявок давало дополнительный заработок, столь необходимый семье, он увидел в этом возможность досконально изучить новый для него район, о котором до сих пор мог судить лишь по работам других геологов.

Елиашевич поставил своей задачей дополнить геологические исследования, которые проводились здесь раньше, и исправить неточности, обнаруженные в процессе разработки угольных пластов. В частности, он задумал повторить все маршруты Виттенбурга в окрестностях Владивостока, чтобы самому убедиться в справедливости наблюдений предшественника. Уже осенью 1919 г., сразу же по приезде во Владивосток, он начал совершать исследовательские экскурсии, в одиночку или со студентами, изучая петрографический состав и отпечатки ископаемой флоры, сверяя полученные данные с наблюдениями геологов, работавших здесь до него. Больше всего времени и энергии Елиашевич посвятил изучению отложений на берегах Амурского залива, где в основном велись разработки угольных месторождений.

Окрестности Владивостока, как оказалось после первых же поездок, представляли для геолога обширнейшее поле деятельности. «Резюмируя современные достижения в области изучения осадочных отложений Дальнего Востока (в особенности угленосных осадочных отложений), – писал Елиашевич, – укажу на замечательно удачную, для интересов геологии, скученность здесь отложений самого разнообразного возраста на ничтожной сравни-

тельно территории полуострова Муравьева-Амурского и сопредельных берегов залива Петра Великого. Обилие обнажений вдоль сильно развитой здесь береговой линии, (а также иногда и в глубине материка) вместе с достаточными (для опытного геолога) различиями этих отложений и по петрографическому их составу, и по находимым почти во всех этих отложениях то флористическим, то фаунистическим остаткам, — позволяют изучить все эти отложения (при условии настойчивости и детальности наблюдений) со всей той полнотой, которая позволяет:

1. Ясно и недвусмысленно охарактеризовать каждый ярус осадочных отложений, как со стороны литологической, так и со стороны ископаемой флоры или фауны.

2. Подсчитать мощность этих ярусов.

3. Установить их стратиграфическое взаимоотношение.

Одним словом, здесь возможно, не разбрасывая геологических наблюдений на обширную территорию, к тому же почти не тронутой культурой, составить в короткое сравнительно время полную (или, скажем, для осторожности, почти полную) шкалу местных осадочных отложений, с которой возможно будет сопоставлять отдельные наблюдения и исследования в различных пунктах местного края, и которую, с другой стороны, можно будет с уверенностью сопоставлять с подобными же шкалами осадочных отложений соседних стран»¹.

Выполнять задание «Николаевских угольных копей» Елиашевич закончил весной 1920 г., после чего владельцы компании предложили геологу руководить разведочными работами в том же районе. Поиски каменного угля на западном берегу Амурского залива велись в течение всего лета. К двум рукописным отчетам Елиашевич приложил подробные геологические карты изученной территории, схему геологических профилей, планы разведок и другой графический материал, который свидетельствовал о добросовестной и кропотливой работе геолога.

¹ Елиашевич М. К. Возраст и качество Южно-Уссурийских ископаемых углей: Объяснительная записка к «Идеальному геологическому разрезу земной коры в районе побережья Амурского залива». — Владивосток: Типолитограф. И. Коротя, 1922. — С. 6.

Как и большинство геологов и горных инженеров, волею судьбы оказавшихся в тревожное время на далекой окраине России, Елиашевич вошел в состав Дальгеолкома. В начале 1920 г. по заданию этой организации он распространил свои исследования на северный берег Амурского залива, остававшийся к тому времени неизученным, что позволило ему связать все угленосные районы этой территории. Одновременно геолог изучил юрские угленосные отложения на восточном берегу залива около станции Океанской, впервые описанные Виттенбургом. Возвращаясь в город после работы в поле, Елиашевич немедленно приступал к обработке наблюдений: составлял на основе их геологические карточки, сопоставлял полученные им данные с теми, что уже имелись. То и дело ему приходилось сомневаться в выводах, сделанных предшественниками, или вовсе опровергать их, и тогда исследователь заново сопоставлял материалы, проверяя уже себя. Попутно перед ним возникали новые вопросы, на основании которых он разрабатывал план дальнейших действий.

Уже весной 1920 г. Елиашевич докладывал Дальгеолкому об основных результатах работы и демонстрировал составленную им геологическую карту и схему разрезов части западного берега Амурского залива, на которой он изобразил напластования отложений юрского и триасового периодов, а также продемонстрировал образцы пород, характерных для каждого горизонта. При этом он дал подробное описание петрографического состава напластований, на основании чего и произвел разделение на горизонты. Главнейшим практическим результатом этой работы стало установление в юрских напластованиях двух продуктивных горизонтов, тогда как согласно заключениям предшествующих исследователей в юре считался продуктивным только один горизонт.

Осенью 1920 г. по поручению горнорудной компании Б.Ю. Бринера Елиашевич приступил к исследованию Монгугайского антрацитового рудника и его окрестностей на юге Приморья (ныне район п. Барабаш) в поисках коксующихся углей. Задача была успешно выполнена к середине лета 1921 г., после чего ученый до зимы руководил дальнейшей разведкой. Исследователь столкнулся с немалыми трудностями, связанными со сложным геологическим строением местности, наличием целого ряда угленосных горизонтов, запутанной тектоникой, большим количеством

изверженных пород. Вместе с тем, именно эти особенности подсказали геологу единственный, по его мнению, «путь к разрешению некоторых жизненных для местных угольных предприятий вопросов – это наивозможно подробное изучение района с точной привязкой всех геологических данных»¹.

Стиль работы М.К. Елиашевича хорошо характеризуют следующие строки: «Прослеживание осадочных отложений района шаг за шагом, как вкрест их простираения, так и по простираению, производилось мною везде, где только была к этому малейшая возможность. Немедленная обработка полевых наблюдений, как-то: составление на основании их геологических карточек и разрезов, сопоставление новых данных со старыми данными и со сделанными на основании их выводами служили хорошей проверкой этих выводов, опровергали, подтверждали или дополняли их, ставили новые вопросы, сообразно которым составлялся план новых исследований, как в новых, так и в старых, казалось бы, уже изученных районах. Некоторые, наиболее запутанные (со сложной стратиграфией и тектоникой) места, с трудом поддававшиеся увязке с соседними районами, подверглись соответственно особенно упорному и многократному изучению моему, и, в конце концов, при накоплении фактического материала, мне удалось наконец с ними справиться и уложить их отложения в общую схему. Для таких районов мною были составлены геологические карточки в масштабе $\frac{1}{2}$ версты в дюйм»².

На основании этого и предыдущих исследований геолог подготовил в рукописном виде общую геологическую карту западного, северного и части восточного берегов Амурского залива, передав ее затем в контору компании «Бринер и К».

Работа на Сучанском месторождении. Одновременно по поручению Дальгеолкома Елиашевич провел огромную работу на крупнейших в крае Сучанских угольных копях, открытых в 1888 г. В начале 1920-х годов добыча угля там велась на нескольких шахтах, но многие сведения об особенностях месторождения, запасах угля и его качестве устарели и нуждались в корректировке.

¹ Елиашевич М.К. Возраст и качество Южно-Уссурийских ископаемых углей... – С. 6.

² Там же.

В 1919 г. управление рудника обращалось к Э.Э. Анерту, уже производившему по поручению Геологического комитета исследования этого района, с предложением продолжить изыскательские работы, охватив весь бассейн реки Сучан (ныне р. Партизанская). Поскольку Анерт в то время был занят в другом районе, он рекомендовал вместо себя Елиашевича, и тот приступил к работе весной 1920 г.

Управление копиями поставило перед ним вполне конкретные вопросы, без разрешения которых было трудно планировать дальнейшие работы по эксплуатации месторождения, но в поисках ответа на них Елиашевичу пришлось изучить всю Сучанскую угленосную свиту и составить полный ее разрез. В распоряжении геолога был архив маркшейдерского отдела Сучанских копей, где хранились все сведения о разведочных и эксплуатационных работах на месторождении, а также результаты изучения его геологического строения предшественниками. На первый взгляд, архив находился в прекрасном состоянии: все планы, карты, чертежи, упомянутые в описи, имелись в наличии, были сложены в порядке номеров и содержались в полной исправности. К большой досаде Елиашевича порядок оказался только внешним.

Ни точных маркшейдерских разрезов эксплуатационных работ, ни планов и других материалов, полученных в результате последних разведок, он в архиве не обнаружил. На большинстве чертежей отсутствовали даты их составления и подписи составителей. На многих забыли проставить масштаб, указать ориентировку относительно сторон света, а некоторые чертежи не имели и названия. Плохо обстояло дело и со связью отдельных планов и разрезов между собой: в сводных планах из-за этого было трудно разобраться. Елиашевич сделал вывод, что работы эти выполнялись людьми, не имевшими соответствующей специальности. Материалы, не имевшие подписи автора и составленные без достаточных геологических и фактических оснований, он безоговорочно забраковал: ввиду сложного строения Сучанского месторождения они не могли быть положены в основу серьезных выводов и подсчетов.

Ученый с горечью отмечал: «Весь этот перечень дефектов не является специфически присущим ни казенным рудникам вообще, ни Сучанскому в частности. Они в большей или меньшей степени повторяются на всех рудниках, где дело разведок и геологии счи-

тается допустимым передавать в руки неспециалистов, или этим делом вовсе пренебрегают. Результат всегда един: к специалисту вынуждены прибегнуть задним числом, и при этом, как, например, сейчас, на Сучане, работа такого специалиста оказывается чрезвычайно осложненной этим отсутствием хотя бы просто аккуратно собранных фактических геологических данных, вовремя, при разведках и проходках эксплуатационных работ не отмеченных, а значит, утерянных по большей части безвозвратно»¹.

Предварительная работа по изучению месторождения – поиск необходимых фактических данных, проверка правильности их перевода с плана на план, составление сводных планов и разрезов – все это потребовало от Елиашевича много времени, терпения и настойчивости. Правда, он нашел добросовестных помощников в лице маркшейдера М.П. Якушева, хорошо знакомого с работой Сучанских угольных копей, и студентов-практикантов. В результате упорной и кропотливой работы геолог смог не только ответить на вопросы, поставленные перед ним эксплуатационниками, но и дать общую картину тектоники месторождения, составив точные геологические разрезы районов добычи угля, определить мощность и качество угленосных отложений в районе каждой шахты, а также произвести подсчет запасов всего Сучанского месторождения. В ходе исследований и разведок Елиашевич собрал обширную коллекцию углей, пород, ископаемых растений и животных, которую передал в Дальгеолком вместе с копиями своих дневников, схем, зарисовок. Часть этих материалов сохранилась: ныне они хранятся в Приморском государственном объединенном музее имени В.К. Арсеньева во Владивостоке, но многое, увы, было утеряно во время Гражданской войны.

«Идеальный геологический разрез земной коры». Окончательные результаты своих исследований в окрестностях Владивостока Максим Конрадович Елиашевич отразил на цветной схеме-таблице «Идеальный геологический разрез земной коры в районе побережья Амурского залива», подготовленной к изданию в двух вари-

¹ Елиашевич М.К. Отчет по изучению Сучанского каменноугольного месторождения в районе современных эксплуатационных работ // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Востока. – 1921. – № 23. – С. 5.

антах: на русском и английском языках. Своей основной задачей он видел перечисление всех местных угленосных формаций и указание признаков, по которым их можно было бы отличить друг от друга.

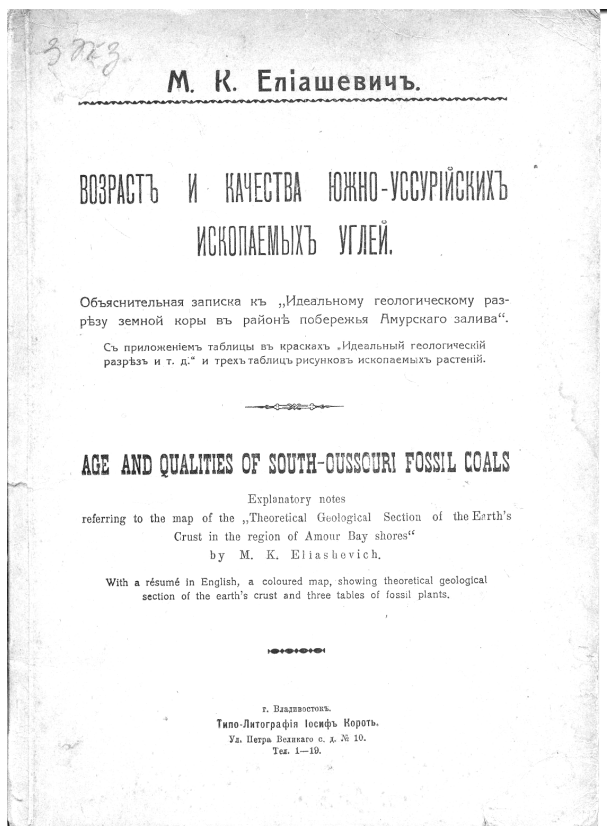

Фото. Обложка последней работы М.К. Елиашевича, вышедшей во Владивостоке (хранится в Обществе изучения Амурского края, Владивосток)

«Для того чтобы нагляднее выразить порядок в напластовани-ях местных осадочных и изверженных формаций и относительную их мощность, — писал геолог в предисловии к работе, — я решил составить схематический разрез с показанием, по возможности, всех отложений. Первый вариант такой схемы был составлен

мною осенью 1920 г. С рукописной схемы этой вскоре были сделаны копии почти всеми местными геологами, а затем последовала и первая проверка ее на практике, в соседних, еще неисследованных мною районах. Так, проф[ессор] П.П. Гудков, который еще на докладе моем высказал лестное о работе моей мнение, имел в руках схему эту при своем исследовании юрских отложений северной части полуострова Мур[авьева]-Ам[урского], в районе заявок наследников Скидельского по р. Песчанке, т.е. тех самых мест, где до него экскурсировали сперва Д.И. Мушкетов и затем П.В. Виттенбург»¹.

Хотя Елиашевич со студенческих лет увлекался палеонтологией, первые находки растительных отпечатков на берегах Амурского залива носили случайный характер. Он был мало знаком с азиатскими растениями юрского периода, а соответствующей литературы и специалистов-палеонтологов во Владивостоке не имелось. Из-за этого Елиашевич не мог точно определить ни растительные отпечатки, ни известковые ракушки, которые обнаружил в большом количестве в некоторых породах. Задача упростилась с приездом во Владивосток с Сахалина осенью 1920 г. палеофитолога А.Н. Криштофовича. «Г[осподи]н Криштофович любезно взялся определить большое количество собранных мною отпечатков юрских растений, причем нашел среди них несколько новых для местного края и интереснейших видов...»².

Позднее геолог уже сам брался определять найденные отпечатки, но, не вполне доверяя своему пока еще небогатому опыту палеонтолога, каждый раз делал оговорку об этом. В схеме «идеального геологического разреза земной коры в районе побережья Амурского залива» Елиашевич привел подробные списки растений, отпечатки которых были собраны разными исследователями, чтобы читатель сам мог сравнить определения и сделать собственные выводы. В качестве приложения он также поместил три таблицы с изображением ископаемых растений, обнаруженных им во время исследований, и подробную библиографию.

В целом схема-таблица Елиашевича давала наглядное представление о порядке напластований различных горных формаций в

¹ Елиашевич М. К. Возраст и качество Южно-Уссурийских ископаемых углей... – С. 11.

² Там же. – С. 12.

указанном районе. Поскольку форма таблицы допускала лишь самую лаконичную, зачастую условную характеристику этих горизонтов, ученый снабдил работу подробным комментарием о характере формаций, их взаимоотношениях между собой, а также максимальной мощности отложений согласно собственным подсчетам. Пояснение к схеме было отпечатано по его инициативе и на собственные средства в 1922 г. тиражом 200 экземпляров. Часть тиража так и осталась нераспроданной и долгое время хранилась в Обществе изучения Амурского края (Владивосток). Саму же схему издать, видимо, не успели: осенью 1922 г. после установления в Приморье советской власти Максим Конрадович Елиашевич вместе с женой Еленой Григорьевной и сыном Максимом уехал сначала в Японию, а оттуда в США.

В одной из американских статей сообщается, что поездка геолога в Японию и Америку была связана с исследованиями по заданию Географического общества¹. Скорее всего, собираясь покинуть Дальний Восток, Елиашевич заручился рекомендацией Общества изучения Амурского края (отделения Русского географического общества), с которым поддерживал тесную связь, как и большинство дальневосточных исследователей. Намерение же его отправиться с семьей в эмиграцию подтверждают дневниковые записи его коллеги, профессора И.А. Преображенского².

Русский геолог в Новом Свете. Елиашевич с семьей прибыл в США в ноябре 1922 г. Сначала они остановились в Сан-Франциско, где Максим Конрадович устроился чертежником в Тихоокеанскую газозлектрическую компанию (Pacific Gas and Electric Co). Немалую роль сыграли способности геолога к рисованию: он всегда сам иллюстрировал свои работы зарисовками отпечатков ископаемых растений. Зато с английским языком дела обстояли неважно. Еще во Владивостоке, готовя к изданию свое объяснение к «Идеальному геологическому разрезу земной коры», он встал перед необходимостью сопроводить некоторые фрагменты текста переводом на английский язык. Тогда ему помогли коллеги по

¹ Lesnikowska A. Maxim Konrad Elias (1889–1982) // Geological Society of America. Memoir 185. 1995. P. 169.

² Ремизовский В.И. Первый состав Дальгеолкома и становление геологического образования на Дальнем Востоке. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 1999. С. 160.

Политехническому институту, и Елиашевич отметил это в предисловии к работе. Сейчас же предстояло обходиться своими силами. Мало-помалу иностранный язык был освоен, и это значительно расширило круг общения русского геолога. Вскоре Академия наук Калифорнии уже привлекала его к изучению окаменелостей на местных угольных месторождениях.

Окончательно на работу по специальности Елиашевич перешел в 1928 г., устроившись в геологоразведочную компанию «Etnyge Exploration Co», работавшую на территории штатов Канзас и Колорадо. Через год он уже числился геологом и фитопалеонтологом Геологической службы штата Канзас (Kansas Geological Survey), организации, которые начали создаваться в различных штатах США во второй половине XIX века.

Геологическая служба Канзаса, существовавшая фактически с 1864 г., в 1889 г. была закреплена за Канзасским университетом в г. Лоренсе (Lawrence) с задачей «a complete geological survey of the state of Kansas, giving special attention to any and all natural products of economic importance (полное геологическое исследование штата Канзас с особым вниманием тем природным ресурсам, которые представляют интерес для экономики)»¹. Первая мировая война заставила геологов еще пристальнее сосредоточить внимание на исследовании экономически важных ресурсов, особенно нефти и газа. Закономерным итогом этих усилий можно считать открытие нефтяных полей Эльдорадо (El Dorado) и начало добычи нефти. Благодаря этому Геологической службе Канзаса увеличили штат и бюджет, что позволило значительно расширить деятельность. На конец 20-х – начало 30-х годов XX века пришелся расцвет этой организации, который и застал Елиашевич. Информацию о геологических находках и открытиях охотно печатали местные газеты: ею интересовалось все население штата, видевшее в добыче нефти залог будущего процветания, а публикации сотрудников Геологической службы, отражавшие результаты полевых работ, были особо востребованы предпринимателями.

Будучи государственной организацией, Геологическая служба требовала от своих сотрудников прикладных разработок, которые

¹ Buchanan R.C. «To bring together, cooperate and preserve»: a history of the Kansas Geological Survey, 1864–1989. – Lawrence, Kansas, 1989. – P. 5.

можно было немедленно использовать на производстве. С другой стороны, нахождение при университете давало возможность проводить теоретические научные исследования. Такое сочетание вполне устраивало Елиашевича, который помимо всего прочего стал читать студентам курс палеонтологии. Вскоре после устройства на работу его направили на запад Канзаса для исследования отложений мелового и третичного периодов округа Уэллис (Wallace County). По результатам этой поездки он подготовил свою первую американскую публикацию. Она появилась в 1930 г. в «Бюллетене Американской ассоциации геологов-нефтяников» (Bulletin of the American Association of Petroleum Geologists). Этот год примечателен еще одним важным событием в жизни Елиашевича: весной он принял американское гражданство. Именно тогда он и сократил свое имя, став Максимом Конрадом Илайасом (Maxim Conrad Elias)¹.

После 1930 г. работы ученого из России выходили практически ежегодно. Он напечатал подробный геологический обзор округа Уэллис (The geology of Wallace County, Kansas), материалы о растениях третичного периода штатов Канзас и Колорадо (Grasses and Other Plants from Tertiary Rocks of Kansas and Colorado), о пермской флоре района древнего моря, когда-то находившегося на территории Канзаса (Depth of deposition of the Big Blue (late Paleozoic) sediments in Kansas). По свидетельству современников, этими материалами до сих пор пользуются все, кто проводит геологические работы в этом районе². Вклад русского геолога в науку был признан в США: в 1933 г. он получил грант Национальной академии наук (National Academy of Science) на продолжение исследований.

В Канзасе Елиашевич-Илайас работал под руководством Р.К. Моора (R.C. Moore), государственного геолога и директора Геологической службы с 1916 г. Это был человек, широко известный не только научными достижениями в области геологии, но и талантом организатора. «Если требовался руководитель для какого-нибудь научного подразделения, им становился Моор. Если нужно было редактировать журнал, он соглашался быть редакто-

¹ Американцы произносят фамилию Elias как Илайас с ударением на втором слоге. Это одно из произношений имени пророка Ильи, и можно предположить, что Елиашевич думал об этом, сокращая свою фамилию при натурализации в США.

² Merriam D.F. Memorial to Maxim Konrad Elias (1889–1982) // Geological Survey of America Memorials. – 2000. – Vol. 31, Dec. – P. 74.

ром. Если какая-то научная идея требовала обсуждения, он оказывался в центре дискуссии. Его запомнили как человека, никогда не сидевшего на месте и всегда находившегося в движении», – так отзывались о нем коллеги¹.

Елиашевича и Моора многое объединяло, и они тесно сблизились, даже подружились семьями. В середине 1930-х годов, когда на территории Западного Канзаса была обнаружена пермская флора, они активно сотрудничали, но потом отношения с американским коллегой разладились. По одной из версий, причиной стал развод Моора с женой и его новый брак – со своей секретаршей. Супруги Илайас, питавшие теплые чувства к жене Моора, расценили его уход из семьи как предательство и не захотели прощать ему этого.

В 1937 г. Елиашевич уехал из Канзаса в Южную Америку и в течение года работал в нефтяной компании «Сокони» (Socony Vacuum Oil Co) в Колумбии на разведке месторождений нефти. В США он вернулся с твердым намерением защитить диссертацию по теме «Tertiary Grasses of the High Plains and Their Relations to the Geology of the Region» (Травы третичного периода высокогорных равнин и их связь с геологией района). Материал для нее собирался раньше, и в России, и во время работы в Канзасе. На его обработку у геолога ушло около года, который он провел на факультете геологии Йельского университета, и в 1939 г. диссертация на степень доктора философии была успешно защищена.

По-разному складывались судьбы русских людей, оказавшихся с эмигрантской волной в Америке. Оставим в стороне тех, кто не мог забыть пережитое и, не найдя себе места на чужбине, коротал дни в тоске по утерянной родине. Многие приезжали с желанием начать все с нуля, и США предоставляли возможности для этого. Большинство русских, как и Елиашевич, не знали английского языка, а потому на новом месте предпочитали держать синицу в руках и не думать о журавлях в небе. Найдя подходящую работу и обретя материальное благополучие, они на этом успокаивались и забывали о былых устремлениях. Надо отдать должное Елиашевичу-Илайасу: он избрал другой путь. Несмотря на трудности, которых, надо полагать, ему немало встретилось при обустройстве в США, он не отступил от своих планов посвятить жизнь геологии и сделал все для того, чтобы осуществить их.

¹ Merriam D.F. Memorial to Maxim Konrad Elias ... – P. 61.

Фото. Музей штата Небраска при Небраскинском университете (г. Линкольн), где хранятся палеонтологические коллекции М.К. Елиашевича

Вскоре после защиты диссертации по приглашению государственного геолога штата Небраска Дж. Кондры (G. Condra) Елиашевич стал работать палеонтологом в Геологической службе этого штата (Nebraska Geological Survey), переехав с семьей в г. Лиинкольн. Его исследования на новом месте явились продолжением работ в Канзасе, правда, здесь ученый стал еще более углубленно заниматься вопросами палеоботаники и палеоэкологии. Так, большая часть его публикаций начала 1940-х годов относится к области бриологии и посвящена ископаемым мхам. Ряд исследований он провел совместно с Дж. Кондрой. М. Илайас также преподавал в местном университете в должности профессора и консультировал по вопросам палеонтологии различные американские компании, занимавшиеся разведкой и добычей полезных ископаемых, в частности, «Standart Oil Co».

Как признанного специалиста в области геологии и палеонтологии его привлекали и к работе в ряде крупных американских организаций: Национальном научно-исследовательском совете (National Research Council), Комитете по проблемам генетики, палеонтологии и систематики (Committee on Common Problems in Genetics, Paleontology and Systematics), Комитете по проблемам морской экологии и палеоэкологии (Committee on a Treatise on Marine Ecology and Paleoeecology).

С сентября 1950 г. Елиашевич стал сотрудничать с Музеем русской культуры в Сан-Франциско. Эта общественная организация была создана в 1948 г. русскими эмигрантами для сбора и хранения всевозможных культурно-исторических материалов о родине. К этому времени стало очевидным, что сталинская Россия устояла и возможности вернуться туда скорее всего не будет. Тогда-то и было решено собрать в одном месте вывезенные из России реликвии и документы. 7 марта 1948 г. состоялось организационное собрание нового объединения. Председателем избрали П.Ф. Константинова, на чьи плечи легли все заботы по сбору материалов и формированию коллекций музея.

Фото. Музей русской культуры (Сан-Франциско)

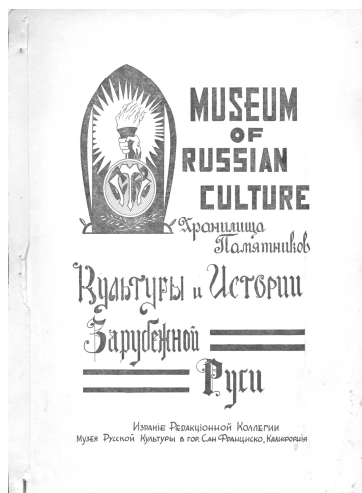
Провозглашались следующие цели: «1. Сбор и хранение всевозможных культурно-исторических материалов о нашей родине-России; 2. О жизни и истории русской эмиграции в разных странах и творчестве выдающихся деятелей в разных областях духовной и материальной культуры; 3. Об истинном и современном положении нашей родины и жизни ее народа; 4. О выдающихся моментах жизни, культуры и истории США как страны, где значительная доля российской эмиграции нашла себе приют, интересных и важных с точки зрения русской культуры и русской истории»¹.

¹ От правления музея // Museum of Russian Culture. Хранилища памятников культуры и истории зарубежной Руси: сб. / Памяти П.Ф. Константинова. – Сан-Франциско: Изд. ред. коллегии Музея Русской культуры, (1955). – С. 18.

«Музей-архив, – писал Константин, – не есть только наш центр, куда мы должны нести все документы о прошлом нашей родины, о заслугах наших выдающихся людей, он является не только нашей книжной, журнальной и газетной Палатой, но он – хранилище и приют всего, что говорит о быте и жизни эмиграции»¹.

В 1965–91 гг. председателем правления МРК и заведующим его архивом был инженер-электромеханик Николай Александрович Слободчиков (1911, Самара – 1991, Сан-Франциско). Он получил инженерное образование, окончив Льежский университет в Бельгии и колледж Хилдс в Сан-Франциско, где жил с 1948 г. Сначала он работал инженером-проектировщиком в компании «Pacific Gas and Electric», затем – инженером в Комиссии по коммунальному обслуживанию штата Калифорнии (California Public Utilities Commission). Уйдя в 1976 г. в отставку, он всецело занялся общественной работой в Музее русской культуры и многое сделал для сохранения сведений о русских в Америке.

Чтобы собрать материалы о русской культурной элите в США, организаторы Музея распространили среди выходцев из России специальную анкету. «Правление Музея-архива просит отнестись к ней с полным вниманием и доверием, – сообщалось на бланке. – Правление заверяет, что, как и к самой анкете, так и ко всем тем культурным ценностям, которые вы пожелали бы предоставить Музею, оно отнесется с максимумом бережливости, уважения и будет хранить их ради наших общих интересов и целей»². Заполнил эту анкету и Елиашевич, сообщив в ней биографические данные и приложив подробный список трудов. Про род занятий он написал: «Изучение окаменелостей и их применение в геологии».

¹ Константинов П. Памяти А.А. Мартынова // Рус. жизнь. – 1957. – 8 авг.

² МРК (Сан-Франциско). Коллекция анкет. Анкета Елиашевича М.К. от 25 сентября 1950 г.

АНКЕТА МУЗЕИ-АРХИВА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В Г. САН ФРАНСИСКО, КАЛИФОРНИЯ

- [illegible]

Ваша подпись *M. K. Elias*.....

Месяца IX числа 25-го года 1950

Примечание 1-ое: Если не хватает места для ответа на этой странице, благополучите воспользоваться ее другой стороной.

2-ое: Единственная цель настоящей анкеты - желание собрать некоторые данные о культурной элите русской эмиграции. Правление Музея-Архива почтительно просит отнестись к ней с полным вниманием и доверием. Правление гарантирует, что, как и самой анкете, так и во всем тем культурным ценностям, которые Вы пожелаеи бы предоставить Музею, оно отнесется с максимумом бережливости, уважения и будет хранить их ради наших общих интересов и целей.

Фото. Анкета М. Елиашевича для Музея русской культуры
(Из коллекции МРК, Сан-Франциско)

В 1958 г., на пороге своего 70-летия, геолог из России вышел в отставку, получив статус почетного профессора Небраскинского университета, однако от научной работы не отказался. Он продолжил ее в исследовательском институте Оклахомского университета (г. Норман), где получил должность адъюнкт-профессора и хорошие условия для занятия наукой. Его последние работы вышли в свет в 1960-е годы.

В 1962 г. Геологическое общество Канзаса организовало поездку в горы на юго-востоке штата. Был приглашен и профессор Максим Илайас. 73-летний, он сохранял отличную физическую форму: первым из участников экскурсии добрался до вершины горы и не успокоился, пока не осмотрел все отложения, выходящие на поверхность. В автобус он вернулся последним. Руководителем группы был Р. Моор, но Елиашевич старался держаться от него подальше на протяжении всех трех дней поездки. Через семь лет, когда русский профессор вновь посетил Лоренс, коллеги организовали встречу двух ученых. Моор и Елиашевич оказались рядом впервые после 35-летнего перерыва, и, как выяснилось, старые разногласия были давно позабыты.

Елиашевич-Илайас отличался разносторонними интересами и состоял во многих общественных научных организациях: Геологическом и Палеонтологическом обществах Америки, Американской ассоциации по развитию науки (American Association for the Advancement of Science). Периодически он посещал встречи в Ботаническом обществе Америки и Небраскинской академии наук, где выступал с сообщениями о результатах своих исследований и участвовал в дискуссиях. Современники отмечают, что он обладал критическим складом характера и не упускал случая упрекнуть маститых ученых, если считал их работы слабыми. Особенно же доставалось от него молодым исследователям, склонным делать скороспелые выводы. Сам профессор Елиашевич-Илайас работал очень тщательно, особенно по биостратиграфии, не терпел ни малейшей небрежности в описаниях и неточности в использовании стратиграфических терминов. Вместе с тем, он всегда поддерживал начинающих ученых и охотно давал им рекомендации для вступления в научные общества¹.

¹ Lesnikowska A. Maxim Konrad Elias... – P. 171.

Часто участвовал русский геолог и в международных научных форумах. Его последнее выступление относят к 1971 г., когда он побывал в Германии на 7-м конгрессе по проблемам каменноугольного периода (7th Carboniferous Congress). На международных конференциях ему доводилось встречаться и с другими геологами из России, теми, кто уехал после революции в эмиграцию, и теми, кто остался на родине. Известно, что он сохранял связи с коллегой по Владивостокскому политехническому институту П.П. Гудковым, который жил в Лос-Анджелесе.

На встречах Американского геологического общества Елиашевич встречал и другого

Фото. М.К. Елиашевич-Илайас в 1960-е годы (фото любезно предоставлено Даниелем Мерьямом (Daniel Merriam), почетным профессором Канзасского университета)

коллегу, знакомого еще по Владивостоку, – Иннокентия Павловича Толмачева (1872, Иркутск – 1950, Пенсильвания). Во Владивостоке Толмачев занимал должность вице-директора Дальгеолкома и одновременно преподавал в Политехническом институте. Это был разносторонне образованный ученый, окончивший физико-математический факультет С.-Петербургского университета и работавший после этого на кафедре геологии Юрьевского университета (г. Тарту, Эстония), в университетах Лейпцига и Мюнхена, ряде европейских музеев. С 1914 г. Толмачев был секретарем постоянной Полярной комиссии при Российской академии наук, а с 1919 г. председателем комиссии по изучению и практическому использованию русского Севера. В США русский геолог также нашел применение своим знаниям: был сотрудником Музея Карнеги (г. Питсбург, Пенсильвания), читал лекции в Питсбургском и Техасском университетах, написал ряд работ на английском языке по проблемам геологии и палеонтологии.

Поддерживал Елиашевич научные контакты и с коллегами из СССР, даже принимал их у себя во время командировок в Америку. Рассказывают, что однажды он сопровождал нескольких советских ученых из Линкольна, куда вернулся летом 1972 г., в Канзас. Стояла зима, и дорога была покрыта льдом. Профессор же, ведя машину, так углубился в беседу с гостями, что совсем позабыл о руле и чуть было не попал в аварию. Пассажиры испугались и отказались продолжать путь, пока не выручил студент-помощник, пересевший за руль.

По воспоминаниям коллег, Елиашевич был довольно замкнутым человеком и оживлялся, только когда речь шла о геологии, которой он посвятил всю долгую жизнь. Вместе с тем все отмечают его надежность как друга и соратника, преданного тем, кому он доверял¹. Русская семья вырастила троих детей: младшие, Григорий (Грег) и Роксана, родились уже в США. По воспоминаниям детей, отец был настоящим трудоголиком. Когда они приезжали домой на летние каникулы, он привлекал их к сбору окаменелостей, а по вечерам они в основном видели его склоненным над микроскопом в своем кабинете. В Линкольне Елиашевич провел почти десять лет, работая в музее штата (Lincoln State Museum) при Небраскинском университете. Ухудшение здоровья заставило его уйти на покой, и в 1981 г. ученый перебрался в г. Эллайанс (Alliance), штат Небраска. Там он и умер 6 мая 1982 г.

Оба сына М.К. Елиашевича тоже стали геологами, как хотел отец. Старший, Максим, погибший молодым в автокатастрофе, работал в Вашингтоне, столице США. Он имел талант скульптора и вместе с женой-художницей устроил несколько выставок. Работа Григория была связана с разведкой и добычей нефти. В звучании имени дочери тоже можно услышать геологические мотивы: rock – по-английски «гора, камень, скала». Она по-прежнему, но уже под фамилией мужа, живет с США – по последним данным, в том СА-мом Эллайансе, где находятся могилы родителей.

Американские исследователи, работавшие рядом с русским геологом, считают, что его вклад в науку остался в США не до конца оцененным: он не получил никаких наград, хотя считается инициатором нескольких новых направлений в геологических ис-

¹ Merriam D.F. Memorial to Maxim Konrad Elias... – P. 73–75.

следованиях, вклад в каждое из которых достоин особого признания. Его называют одним из немногих, кто досконально изучил огромное количество ископаемых окаменелостей, относящихся к разным эрам геологической истории. Считая основным периодом своих исследований поздний палеозой, он отлично знал и другие: кембрий, ордовик, силур, девон, меловой, третичный, каменноугольный и пермский периоды¹. Можно только удивляться и тому объему работы, которую геолог успел провести за три года на Дальнем Востоке – при бездорожье, отсутствии связи и техники, в нестабильной обстановке Гражданской войны. Видимо, помогли огромная работоспособность, присущая исследователю с молодости, хорошая школа, увлеченность и преданность любимому делу, которую он сохранял в течение всей жизни, и в России, и в Америке.

Труды М.К. Елиашевича

Елиашевич, М.К. О некоторых замечательных двойниках из музея Уральского горного института // Известия Уральского горного института в Екатеринбурге. Т. I (I–II). 1918/19 акад. г. Владивосток, 1920. Отдел I. – С. 113–119.

Елиашевич, М.К. Исследование кристаллов тиаангидрида фенилксантогеновой кислоты // Известия Уральского горного института в Екатеринбурге. Т. I (I–II). 1918/19 акад. г. Владивосток, 1920. Отдел I. – С. 120–128.

Елиашевич, М.К. Отчет по изучению Сучанского каменноугольного месторождения в районе современных эксплуатационных работ // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Востока. – Владивосток, 1921. – № 23. – 37 с.: 8 табл.

Елиашевич, М.К. Возраст и качество Южно-Уссурийских ископаемых углей: Объяснительная записка к «Идеальному геолог. разрезу земной коры в районе побережья Амурского залива». – Владивосток: Типолитограф. И. Коротя, 1922. – 43 с. (Общество изучения Амурского края).

¹ Lesnikowska A. Maxim Konrad Elias... – P. 172.

Елиашевич, М.К. Заметка о возрасте угленосных отложений Кузнецкого бассейна // Бюллетень Общества испытателей природы. – М., 1927. Т. 55. – С. 61–65.

Елиашевич, М.К. О перми и нижнем триасе в Южно-Уссурийском крае // Геологический вестник. – 1928. – Т. 6, № 1–3. – С. 75–81.

Elias, M.K. Origin of cave-ins in Wallace County, Kansas // Amer. Assoc. Petroleum Geologists Bull. – 1930. – Vol. 14. – P. 316–320.

Elias, M.K. The geology of Wallace County, Kansas // Kansas Geological Survey Bulletin. – 1931. – № 18. – 254 p.

Elias, M.K. Grasses and other plants from the Tertiary rocks of Kansas and Colorado // Kansas University Science Bulletin. – 1932. Vol. 20, pt. 2. – P. 333–367.

Elias, M.K. Tertiary grasses and other prairie vegetation from High Plains of North America // American Journal of Science, 5th ser. – 1935. – Vol. 29. – P. 24–33.

Elias, M.K. Depth of deposition of the Big Blue (late Paleozoic) sediments in Kansas // Geological Society of America Bulletin. – 1936. – Vol. 48. – P. 403–432.

Elias, M.K., Moore R.C., and Newell N.D. A «Permian» flora from the Pennsylvanian rocks of Kansas // Journal of Geology. – 1936. – Vol. 44. – P. 1–31.

Elias, M.K. Stratigraphic significance of some late Paleozoic fenestrate Bryozoans // Journal of Paleontology. – 1937. – Vol. 11. – P. 306–334.

Elias, M.K. Studies of late Paleozoic ammonoids. P. 1. Methods of drawing sutures, bibliography // Journal of Paleontology. – 1938. – Vol. 12. – P. 86–90.

Elias, M.K. Studies of late Paleozoic ammonoids. P. 2. Revision of *Goniolobaceras* from late Paleozoic rocks of the Medcontinent region // Journal of Paleontology. – 1938. – Vol. 12. – P. 91–100.

Elias, M.K. Studies of late Paleozoic ammonoids. P. 3. *Properinites plummeri* Elias, n. gen. and sp., from late Paleozoic rocks of Kansas // Journal of Paleontology. – 1938. – Vol. 12. – P. 101–105.

Elias, M.K. Tertiary prairie grasses and other herbs from the High Plains // Geological Society of America Special Paper. – 1941. – № 41. – 176 p.

Condra, G.E., Elias, M.K. Study and revision of *Archimedes* (Hall) // Geological Society of America Special Paper. – 1944. – № 53. – 243 p.

Elias, M.K. La Geological calendar (indications of periodicity in nature and succession of geologic periods) // American Association of Petroleum Geologists Bulletin. – 1945. – Vol. 29. – P. 1035–1043.

Elias, M.K. Fossil symbiotic algae in comparison with other fossil and living algae // American Midland Naturalist. – 1946. – Vol. 36. – P. 282–290.

Elias, M.K. Taxonomy of Tertiary flowers and herbaceous seeds // American Midland Naturalist. – 1946. – Vol. 36. – P. 373–380.

Elias, M.K. Paleozoic *Ptychocladia* and related Foraminifera // Journal of Paleontology. – 1950. – Vol. 24. – P. 287–306.

Elias, M.K. New data on Dinantian-Namurian equivalents in America // 3 Congres pour l'avancement des etudes de stratigraphie et de geologie du Carbonifere. – Heerlen, 1951: Compte Rendu. Heerlen, 1952. T. 1. – P. 189–201.

Elias, M.K. Marine Carboniferous of N[orth] America and Europe // Quatrieme Congres pour l'avancement des etudes de stratigraphie et de geologie du Carbonifere. Heerlen, 15–20 sept. 1958: Compte Rendu. – Maestricht, 1960. T. 1. – P. 151–161.

Elias, M.K. Upper Mississippian and Lower Pennsylvanian formations of south-central Oklahoma // Petroleum geology of southern Oklahoma: symposium. 1956. Vol. 1. – Ardmore, Oklahoma, Ardmore Geological Society. – P. 56–134.

Condra, G.E., Elias, M.K. *Fenestella* from the Permian of West Texas // Geological Society of America. – Memoir. – 1957. – № 70. – 158 p.

Elias, M.K. Late Mississippian fauna from the Redoak Hollow formation of southern Oklahoma. P. 1 // Journal of Paleontology. – 1957. – Vol. 31. – P. 370–427.

Elias, M.K. Late Mississippian fauna from the Redoak Hollow formation of southern Oklahoma. P. 2. Blachiopoda // Journal of Paleontology. – 1957. – Vol. 31. – P. 487–527.

Late Mississippian fauna from the Redoak Hollow formation of southern Oklahoma. P. 3. Pelecypoda // Journal of Paleontology. – 1957. – Vol. 31. – P. 737–784.

Elias, M.K. Late Mississippian fauna from the Redoak Hollow formation of southern Oklahoma. P. 4. Gastropoda, Scaphopoda, Cephalopoda, Ostracoda, Thoracica and Problematica // Journal of Paleontology. – 1958. – Vol. 32. – P. 1–57.

Elias, M.K. Marine Carboniferous of N. America and Europe // Etudes de Stratigraphie et de Geologie du Carbonifere: 4th Congress (Heerlen), Compte Rendu. – 1960. T. 1. – P. 151–161.

Elias, M.K. Stratigraphy and paleoecology of some Carboniferous bryozoans // 5th Condress international de stratigraphy et de geologie du Carbonifere, Paris, 1963: Compte Rendu. – Vol. 1. – P. 375–382.

Elias, M.K. Depth of late Paleozoic sea in Kansas and its megacyclic sedimentation. Merriam D.F., ed. / Symposium on cyclic sedimentation. Champaign–Urbana, Illinois, 1964 // Kansas Geological Survey Bulletin. – 1966. – № 169. – P. 87–107.

Elias, M.K. Living and fossil algae and fungi, formerly known as structural parts of marine bryozoans // Palaeobotanist. – 1966. – Vol. 14, №№ 1–3. P. 5–18.

Elias, M.K. Late Paleozoic Conodonts from the Ouachita and Arbuckle Mountains of Oklahoma. – 1966. – 30 p.: 2 pl.

Condra, G.E., Elias, M.K. Study and Revision of *Archimedes* (Hall), GSA SP 53. – Baltimore, 1944, – 243 p.s, 41 pl., 6 figs.

Elias, M.K. Late Mississippian Fauna From the Redoak Hollow Formation of Southern Oklahoma. Part I. Undescribed Fauna of the Goddard Shale of the Ardmore Basin, Reprint of the J. Paleontology. – Vol. 31, # 2, 1957. – Pp. 370–427, pl 39–50.

Elias, M.K. Late Mississippian Fauna From the Redoak Hollow Formation of Southern Oklahoma. Part II. Brachiopoda, Reprint of the J. Paleontology. – Volume 31, # 3, 1957. – Pp. 487–527, pl. 51–58.

Elias, M.K. Late Mississippian Fauna From the Redoak Hollow Formation of Southern Oklahoma. Part III. Pelecypoda, Reprint of the J. Paleontology. – Volume 31, # 4, 1957. – Pp. 737–784, pl. 89–97.

Elias, M.K. Late Mississippian Fauna From the Redoak Hollow Formation of Southern Oklahoma. Part IV. Gastropoda, Scaphopoda, Cephalopoda, Ostracoda, Thoracica, and Problematica, Reprint of the J. Paleontology. – Volume 32, # 1, 1958. – Pp. 1–57, 4 pl., 4 figs.

3. ОТЕЦ АМЕРИКАНСКОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ МЕХАНИКИ.

С.П. Тимошенко

Степана Прокофьевича Тимошенко, доктора инженерных наук и заслуженного профессора Стэнфордского университета в русской прессе Америки называли отцом инженерной механики в США¹. Он родился 11/23 декабря 1878 г. в селе Шпотовке Черниговской губернии. Его отец-землемер не был богатым человеком, но семья имела небольшое имение и не нуждалась. Среднее образование Степан получил в г. Ромны, где с золотой медалью окончил реальное училище. Его любимым предметом была математика, и среди соучеников он пользовался большой популярностью как человек, способный доходчиво объяснить самые сложные понятия. Талант учителя пригодился будущему инженеру и в дальнейшем.

Реальное училище открывало юношам дорогу в высшую школу, и Степан мечтал о профессии инженера на железной дороге. Подавая в 1896 г. документы в Институт инженеров путей сообщения в С.-Петербурге, единственный тогда транспортный вуз России, он все же решил подстраховаться и написал еще одно прошение – в Институт гражданских инженеров. Беспокойство оказалось излишним: вступительные испытания он прошел успешно в обоих институтах. В Путейском институте, как еще называли Институт инженеров путей сообщения, по результатам испытаний Тимошенко оказался в числе первых сорока абитуриентов из семисот и был зачислен в состав студентов.

¹ Калугин Н.П. Памяти большого русского инженера Степана Прокофьевича Тимошенко: (Некролог) // Рус. жизнь. – 1972. – 2 ноября.

Поездка в Петербург, в которой Степана сопровождала мать, произвела на него огромное впечатление. После деревенского детства и учебы в небольшом городке он, казалось, попал в необычный мир сказочных мостов, строгих проспектов и прекрасных зданий. Возможно, именно в то лето у юного Тимошенко родилась тяга к путешествиям, сохранившаяся на всю его долгую жизнь. Пять лет в институте прошли в напряженных занятиях, но в России назревала революция, и среди студентов то и дело возникали беспорядки. Хотя Тимошенко придерживался либеральных взглядов, все студенческие волнения он воспринимал как помеху в учебе и избегал участия в них.

Во время летних каникул он дважды побывал в Европе. Первый раз это случилось после четвертого курса, в 1900 г. Министерство путей сообщения Российской империи принимало участие во всемирной выставке в Париже, и несколько студентов, владеющих иностранными языками, были привлечены для обслуживания путейского отдела. Увы, Степан Тимошенко не отличался хорошим знанием языков и не мог рассчитывать на командировку в Париж, но побывать за границей ему очень хотелось. Как студент-путеец он имел право бесплатного проезда до границы, к тому же у него накопилась небольшая сумма денег от летней практики. Помог и отец, дав на поездку сто рублей. Путешествие произвело на юношу огромное впечатление. Тщательно обработанные поля, добротные кирпичные дома фермеров, чистота и порядок на станциях, густая сеть различных путей сообщения с туннелями – все было не так как в России.

На выставке Тимошенко заинтересовался моделью большого арочного виадука, строительство которого в то лето началось на юге Франции, и отправился туда вместе с товарищем. На стройке студентов из России приняли очень радушно, рекомендательные письма, которыми они запаслись на выставке, даже не понадобились. Им разрешили посещать все работы, производившиеся на мосту, изучать и копировать все чертежи. Увы, из-за слабого знания французского языка он не мог получить подробных разъяснений от работников, но выручила наблюдательность. Часть дня Тимошенко следил за ходом работ, а в остальное время изучал и копировал чертежи. Помимо массы впечатлений от этого путешествия будущий инженер приобрел ценные знания: о том, как состав-

лать план производства работ, где располагать подъемные механизмы, в каком порядке ставить соединительные болты и заклепки. В отчет о летней практике он включил детальное описание сборки виадука во Франции и был удостоен за эту работу премии.

На последнем, пятом курсе никаких лекций студенты не слушали, но выполняли четыре дипломных проекта (по мостам, железным дорогам, портам и паровым машинам) и готовились к выпускному экзамену. Тимошенко окончил институт в числе десяти лучших студентов и был оставлен при кафедре сопротивления материалов в качестве ассистента, но в сентябре 1901 г. его призвали на военную службу, и в течение года он служил в саперном батальоне.

До службы, сразу же после окончания института, Тимошенко успел совершить вторую поездку в Европу в компании сокурсника. К этому времени он подучил французский язык – на уроках с репетитором и занимаясь самостоятельно. Первая поездка за границу показала, что знание языка необходимо не только для путешествий, но и для чтения книг, на которые нередко ссылались профессора Института инженеров путей сообщения, считавшие французскую инженерную школу передовой. Расширив познания языка, Тимошенко уже мог без затруднений читать книги и объясняться по-французски.

Молодые инженеры наблюдали за постройкой городской железнодорожной сети в Берлине, знакомились с сооружениями более чем 250-километрового канала «Дормунд-Эмс», осматривали гидравлические установки и редкие в то время железные дороги с электрической тягой. Эти поездки укрепили Тимошенко во мнении о необходимости постоянного расширения кругозора и знакомства с техническими новинками. С них началось его знакомство и сотрудничество с европейскими инженерами, которых он очень ценил.

Вернувшись со службы, он женился на Александре Архангельской, слушательнице Рождественских фельдшерских курсов, с которой был знаком со студенческих лет, и приступил к работе в механической лаборатории своей alma mater. В 1903 г. он перешел в С.-Петербургский политехникум (также – Политехнический институт), куда его пригласили для организации механической лаборатории. Политехникум находился за городом, и большинство преподавателей жили при учебном заведении. Тимошенко тоже

предоставили небольшую казенную квартиру, а жалования хватало не только для скромной жизни молодой семьи, но и для летних поездок за границу. Все время, свободное от преподавания, инженер посвящал исследованиям в области сопротивления материалов. Вспоминая этот период, он писал: «Я больше никогда в моей жизни не имел таких благоприятных условий для научной работы. Мне пришлось посетить впоследствии немало инженерных школ в Европе и в Америке, но я не встречал школы, где постановка преподавания была бы на такой высоте, как в нашем институте в первые годы его существования»¹.

Действительно, открытый в октябре 1902 г., Политехнический институт в С.-Петербурге считался символом экономического развития Российской империи, ее вступления в век технического прогресса. В институте Тимошенко познакомился с профессором В.Л. Кирпичёвым, выдающимся ученым в области прикладной механики и автором нескольких трудов. Его книгой «Беседы о механике» Тимошенко воспользуется позднее, когда сам станет профессором. К тому же Кирпичёв был замечательным лектором, у которого молодой преподаватель многому научился. В своих воспоминаниях Тимошенко упоминает и других преподавателей, запомнившихся ему. Князь А.Г. Гагарин, например, один из основателей и первый ректор Политехнического института, вел занятия по английскому языку, используя в качестве примеров отрывки из работ по теории упругости английского математика О. Лава (Augustus Love).

Самому Тимошенко для научной работы недоставало знаний и опыта. Если пополнить математические познания помогли лекции известных специалистов в России, то набраться практического опыта в механике он мог только за границей. Лето 1904 г. он провел в Мюнхене, где в Высшей технической школе (ныне Мюнхенский технический университет) слушал лекции известного механика профессора Августа Фёппля и посещал занятия в его лаборатории прочностных исследований. «Многому я научился у Фёппля во время шестинедельного моего пребывания в Мюнхене, – вспоминал это время Тимошенко, – и понял, что лабораторные занятия приносят студентам пользу лишь тогда, когда они ведутся опыт-

¹ Тимошенко С.П. Воспоминания. – Киев: Наукова думка, 1993.

ным преподавателем, который непрерывно во время опыта дает объяснения и обращает внимание студентов на различные стороны явления»¹.

Революционные события 1905 г. прервали занятия в Политехническом институте на продолжительное время, и Тимошенко воспользовался неожиданной паузой, чтобы снова побывать в Германии: при Гёттингенском университете открыли Институт прикладной механики, где стал работать ученик Фёппля физик и механик Людвиг Прандтль. Его помощь очень пригодилась русскому инженеру при исследовании проблемы устойчивости балок, которая занимала тогда все его мысли. Результаты работы он использовал при подготовке диссертации. «Дело было не в том, что я изучил что-либо новое, а в том, что я увидел, как наука творится, и это имело большое психологическое влияние на всю мою последующую деятельность», – этот вывод Тимошенко сделал также после поездки в Германию. В это время вышла его первая научная работа – «О явлениях резонанса в валах». Ее напечатал научный журнал С.-Петербургского политехнического института.

Пребывание в Германии было полезно и в другом отношении. Начало работы при Гёттингенском университете Институтов прикладной математики и прикладной механики ознаменовало важное событие: поворот от чистой науки к ее практическому применению. Это было именно то, к чему стремился Тимошенко: использовать математические методы для инженерных расчетов. Всю жизнь он с большим уважением относился к математике, считая ее необходимой наукой для инженерного дела. «Инженер не может погрузиться в изучение математики для математики, – считал он. – Для него математика – только инструмент для решения практических задач. Инженер должен знать, как соответствующее учение может быть приложено на практике. Этому математики в своих курсах не учат и при бывшей у нас системе преподавания не могли учить, так как их математический интерес был совершенно оторван от областей приложения математики»².

Осенью 1906 г., пройдя конкурс, Тимошенко стал профессором кафедры по сопротивлению материалов в Киевском политех-

¹ Тимошенко С.П. Воспоминания... – С. 18.

² Там же.

ническом институте, продолжив работу научной школы теории прочности и сопротивления материалов, заложенной В.Л. Кирпичёвым в период работы его в институте в 1898–1902 гг. На выбор научного направления могла повлиять катастрофа, которая случилась в августе 1907 г. в Канаде: обрушился строящийся Квебекский мост через реку Св. Лаврентия, унеся жизни 75 рабочих. Разбираясь в проблеме, Тимошенко стал работать над теорией устойчивости сложных балок. В 1908 г. он защитил диссертацию на соискание степени адъюнкта и на следующий год был избран деканом инженерно-строительного факультета.

Административные обязанности отвлекали инженера от исследований, для которых он был вынужден выкраивать время в плотном рабочем графике, и об этом он не переставал сожалеть. Тем не менее, научные занятия шли успешно. За 1908–1909 учебный год он подготовил к печати статью на немецком языке, которая содержала результаты работы по устойчивости. Тимошенко считал очень важным публиковать статьи на немецком языке, так как работы, выходившие в России, оставались малоизвестными западным исследователям. В 1910 г. он был награжден медалью и денежной премией (2500 золотых рублей) имени профессора Д.И. Журавского, которую Институт инженеров путей сообщения выдавал один раз в десять лет за лучшие работы по строительной механике. Тимошенко получил ее за исследования стержней на продольный изгиб, балок на боковую устойчивость и устойчивость пластинок.

В Киеве Тимошенко провел немногим более четырех лет, читая в Политехническом институте лекции по разработанному им курсу сопротивления материалов. Позже эти лекции были изданы, став классическим учебником по этой дисциплине¹. Еще раньше в свет вышло его учебное пособие по теории упругости², но в 1911 г. Тимошенко уволили из института наряду с другими профессорами, выступившими против лишения вузов права самоуправления – того, что он считал неотъемлемым условием существования выс-

¹ Тимошенко С.П. Курс сопротивления материалов. – Киев: Изд-во кн. маг. Л. Идзиковского, 1911. – 519 с.

² Тимошенко С. П. Курс теории упругости: лекции, читанные в Киев. политехникуме 1908–1909 учеб. г. – Киев: «Прогресс», 1909. – 238 с.

шей школы. Инженер оказался сразу и без жалования, и без занимаемой семьей казенной квартиры. Увольнение со службы имело тогда и другие серьезные последствия: большинство учебных заведений и промышленных предприятий России были правительственными и не могли принять на штатную службу уволенного профессора.

Тимошенко продал киевскому издателю право на издание курса сопротивления материалов и вернулся в С.-Петербург, где было легче найти работу и прокормить семью, в которой подрастали дети. С осени 1911 г. он стал преподавать в качестве почасовика в петербургских Политехническом и Электротехническом институтах, совмещая занятия с консультационной деятельностью. Знания и опыт инженера-механика по вопросам прочности были востребованы в судостроительном производстве, что помогало обеспечить финансовую стабильность семьи. Тем не менее, после независимого положения, которое 32-летний ученый занимал в Киеве, его угнетали необходимость бегать по городу в поисках заработка и отсутствие времени на научные занятия. Ему уже казалось, что научной карьере пришел конец, и он никогда не сможет вновь достичь независимого положения.

Эти настроения оказались временными. К 1912 г. положение вещей значительно улучшилось. Нашлось время для исследований, и Тимошенко выступил перед инженерами Петербурга с рядом докладов, собравших большую аудиторию из инженеров-практиков. Докладчик же опубликовал этот материал в книге «Вопросы прочности в паровых турбинах» (1912). Летом того же года он совершил вместе с женой путешествие в Швейцарию и Италию, совместив отдых с поездкой в Кембридж на математический конгресс.

В начале 1913 г. период опалы закончился, и Тимошенко с полным основанием смог вернуться в высшую школу. Его утвердили в должности профессора сразу в двух столичных вузах: Институте инженеров путей сообщения и Электротехническом институте. Преподавание, подготовка к печати курса лекций, научные исследования по теории упругости заполняли день с утра и до поздней ночи. Разработки инженера вскоре нашли практическое применение: с началом Первой мировой войны обнаружилось, что прочность железнодорожных рельсов недостаточна для интенсив-

ных перевозок военного времени. Теоретический расчет, выполненный Тимошенко, позволил усилить железнодорожные пути и обезопасить тем самым транспортировку грузов. В 1915 г. за эту работу инженер был удостоен Министерством путей сообщения премии имени Салова. Его консультациями пользовались также в Морском ведомстве и Военно-Воздушном управлении.

Октябрьская революция не сразу повлияла на жизнь инженера и ученого. Правда, как только в Петербурге / Петрограде начались перебои с продовольствием, он отправил семью в Киев, где жили родители и было гораздо спокойнее, чем в столице. Сам он продолжал читать лекции студентам, которых в Петербурге оставалось все меньше и меньше. Встал вопрос и об эвакуации Института инженеров путей сообщения. Подбирая место для переселения вуза, Тимошенко заехал в Киев навестить семью и задержался там надолго: началась Гражданская война и уехать в Петроград не было никакой возможности.

В Киеве Тимошенко вместе с академиком В.И. Вернадским, оказавшимся в таком же положении, участвовал в создании Украинской академии наук. При обсуждении устава и структуры Академии инженер предлагал организовать при физико-математическом отделении отдел прикладных наук, которой мог бы объединить усилия ученых, деятелей техники и производственников. «Времена, когда наука и техника шли разными путями, уже прошли, — писал он, излагая взгляды на роль математики и физики в инженерных науках, — и теперь для решения сугубо технических заданий пользуются могучим орудием, какое дают нам математика и механика».

Отдел прикладных наук создан не был, но Тимошенко стал организатором и первым директором академического Института технической механики, которым руководил до марта 1920 г. Возобновил он чтение лекций и в Киевском политехническом институте, которые вскоре пришлось прервать из-за отсутствия отопления. В критическом положении находилась и Академия наук, хотя ее деятельность продолжалась: многим ученым работа в Академии представлялась некоторой защитой в тревожное время Гражданской войны.

Воспоминания Тимошенко не дают основания полагать, что он планировал эмиграцию. Киев то занимали большевики, то Добровольческая армия, а он вместе с Вернадским пытался решать

вопросы Академии: хлопотал о финансировании, добывал бумагу, согласовывал командировки. Долго такое положение продолжаться не могло, и работа Академии, лишенной средств, в конце концов остановилась. В поисках заработка Тимошенко обратился в Добровольческую армию и был зачислен в Военно-инженерный совет, но надежда на победу над большевиками таяла с каждым днем. Если многие профессора колебались и выжидали, как повернутся события, то Тимошенко принял решение быстро: «нужно ехать в Югославию, которая объявила о готовности принять русских беженцев»¹.

Фото. С.П. Тимошенко
в период работы в Загребе
(Из коллекции МРК,
Сан-Франциско)

Задерживаться в Белграде, столице Югославии (в то время – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС)) Тимошенко не стал и подал прошение о приеме на работу в Хорватии, где в Загребе открылся Политехнический институт. В апреле 1920 г. он стал профессором по кафедре сопротивления материалов. К осени, началу учебного года, он перевез в Загреб и семью – жену Александру Михайловну и детей, сына Григория и дочерей Анну и Марину. Самый болезненный вопрос, с жильем, решился просто: семье разрешили поселиться в помещениях института, предназначенных для будущей механической лаборатории. Отсутствие нужной мебели тоже не поставило инженера в тупик. Выручили табуретки: связанные по несколько штук,

штук, они заменили детям кровати. Об отношении Тимошенко к бытовым проблемам говорят такие строки его воспоминаний: «Во время революции страховка не помогает. Не помогает и накопленная собственность – ее отбирают. Но когда собственность доведена до минимума и остается только ручной багаж, приобретается

¹ Тимошенко С.П. Воспоминания... – С. 38.

большая подвижность, очень полезная для устройства жизни на новых местах»¹.

Преподавание в институте велось на хорватском языке, которого Тимошенко не знал, и ректор выделил ему ассистента, знающего русский язык: он помогал инженеру переводить его лекции на хорватский язык. Но читать лекции по бумаге было не в характере профессора, и никакими записками он обычно не пользовался. «Отложил в сторону хорватский перевод моих лекций и решил читать лекции без всяких записок, как делал это в России, – вспоминал он. – Старался говорить короткими, простыми фразами и пользоваться по возможности хорватскими словами. Позже я выяснил, что вначале слушателям было трудно меня понимать, но скоро они привыкли к моей смеси русских и хорватских слов и понимали лекции без особых затруднений. Параллельно лекциям я вел практические занятия и тут сразу выяснил, что мои слушатели не только понимают лекции, но умеют применять изложенную на лекциях теорию к решению практических задач»². Вскоре институт заполнили русские студенты – они составляли до половины аудитории, и профессор перестал беспокоиться об изучении хорватского языка.

Летом 1921 г. Тимошенко выхлопотал заграничную командировку для подготовки к организации лаборатории механических испытаний строительных материалов. Он посетил подобные лаборатории в Мюнхене, Штутгарте, Карлсруэ и Париже, а затем провел некоторое время в Англии и Шотландии. В ходе поездки он принял участие в двух международных встречах: конгрессе Британской ассоциации развития науки, проходившем в Эдинбурге, и съезде Общества немецких естествоиспытателей в Иене. Научные дискуссии и дружеские контакты с коллегами из разных стран, включая Россию, были очень кстати: всего этого инженер был лишен в Хорватии.

Еще раньше, бывая в Англии, Тимошенко обнаружил, что его знание английского языка, которого вполне хватало на чтение технической литературы, не настолько стабильно, чтобы свободно обсуждать с коллегами проблемы механики. Он планировал

¹ Тимошенко С.П. Воспоминания... – С. 24.

² Там же. – С. 45.

исправить эту досадную ошибку, но мешали более неотложные дела. На этот же раз он взялся за английский всерьез: нашел учительницу и старательно занимался с ней. Стал он переводить на английский язык и свои статьи, которые посылал профессору Лаву, а тот, в свою очередь, размещал в английских журналах. Благодаря этому имя Тимошенко, хотя и с большим опозданием, стало знакомо английским специалистам.

Карьера в Загребе неожиданно окончилась, когда Тимошенко получил письмо из США от своего бывшего студента Зелова. Как оказалось, некий русский инженер Акимов, владелец небольшой компании в Филадельфии, был знаком с работами Тимошенко и хотел видеть его в числе своих сотрудников. Рвать связи с Хорватией Тимошенко не решился и летом 1922 г. поехал в США один, оставив семью в Загребе. Компания Акимова занималась устранением вибрации в машинах и механизмах. Ее основным заказчиком в то время являлось Морское ведомство, для которого компания изготовляла проект газового двигателя, и разработки Тимошенко там действительно пришлись кстати. Сам же он не мог решить, стоит ли связывать свое будущее с Америкой и покидать Загреб.

«За сорок лет скитаний, – писал он, – мне пришлось побывать и пожить во многих странах, но только в Югославии я не чувствовал себя чужим. Два года жизни в Югославии представляются мне теперь самыми счастливыми в моей жизни. И профессора и студенты относились ко мне с добрым чувством. Прощали мне мой ужасный хорватский язык, которого я так и не постиг за два года преподавания. Во время позднейших посещений Югославии я убедился, что некоторые выражения, смесь русского и хорватского, употреблявшиеся мной тогда на лекциях, остались и поныне в памяти моих бывших учеников»¹.

Америка же инженеру, как он признавался, «определенно не нравилась». «Здесь инженерной наукой никто не интересовался, – вспоминал он, – я чувствовал, что придется жить в научном одиночестве. Оставаясь в Загребе, я был ближе к научным центрам. Я мог иногда участвовать в научных съездах. Мог печатать свои работы в наилучших европейских изданиях. Но если обратиться к материальной стороне дела, картина полностью менялась».

¹ Тимошенко С.П. Воспоминания... – С. 69

К осени в США переехали и жена с младшей дочерью. Старшие дети, Анна и Григорий, к этому времени поступили по совету отца в Берлинский политехнический институт. Тимошенко все же не был полностью доволен своим положением, тем более что в компании начинались финансовые проблемы. Он стал подыскивать новое место и вскоре нашел: в 1923 г. после некоторых хлопот получил должность инженера в г. Питсбурге, в крупной компании «Вестингауз» (Westinghouse Electric and Manufacturing Company), выпускавшей электротехническое оборудование. Он стал работать в исследовательском отделе компании и спустя непродолжительное время получил известность и как грамотный специалист, и как смелый экспериментатор. Сам Тимошенко считал, что он имел преимущество перед американскими инженерами благодаря наличию основательных знаний по математике и техническим дисциплинам, позволявших ему легче и быстрее американских коллег решать нестандартные задачи.

Это подтверждают и современники инженера: «Приезд в 1922 г. Тимошенко стал значительным событием в развитии американской инженерии. В стране в это время не было инженеров, способных квалифицированно решать проблемы вибрации, которые возникали все чаще в связи с распространением высокоскоростных механизмов, прочности и устойчивости конструкций и другие вопросы прикладной механики. Подход к этим задачам требовал наличия в одном человеке талантов великого ученого и великого учителя. Тимошенко в полной мере совмещал эти качества»¹.

Уже в первые дни пребывания в США инженер отметил низкий уровень технической грамотности здешних специалистов. В частности, в Нью-Йорке его внимание привлекла городская наземная железная дорога. «Меня поразили металлические конструкции, – вспоминал Тимошенко. – Внешний вид их был безобразен. Конструкции поражали своей технической безграмотностью и были, по моему мнению, опасны для движения. При прохождении поездов, а особенно при их торможении на станциях, раскачивания этих конструкций достигали совершенно недопустимых пределов. О безграмотности американских инженеров я уже раньше составил

¹ Soderberg, R.C. Stephen P. Timoshenko. December 23, 1878 – May 29, 1972 // Biographical Memoirs. – V. 53 (1982). – Pp. 323.

себе некоторое представление, изучая провалившийся мост в Квебеке. Но все же не предполагал, что надземная железная дорога Нью-Йорка построена настолько безграмотно»¹.

В скором времени ему самому довелось заняться исправлением ошибок, допущенных американцами. Начиная электрификацию железных дорог США, отдел железнодорожных сообщений обратился к Тимошенко за консультацией, и тот разработал программу для сопоставления степени прочности рельсового пути и размеров электровоза. К нему за консультациями часто обращались и инженеры из различных отделов «Вестингауза». Тимошенко, судя по его воспоминаниям и отзывам современников, отличался прямым и независимым характером и не стеснялся указывать коллегам на ошибки. В 1925 г. на съезде инженеров-механиков в Милуоки он резко, не стесняясь в выражениях, отчитал одного почтенного профессора, который выступил с необоснованной критикой его доклада.

Это было время, когда американская промышленность получала много заказов и интенсивно развивалась, а потому нуждалась в технических кадрах. Ежегодно «Вестингауз» принимал на работу до трехсот молодых инженеров. Поступив на работу, Тимошенко оказался в компании очень способных молодых людей, имевших дипломы крупных учебных заведений, но слабо знакомых с заводским проектированием. Большинство из них прошли 4-годичный курс обучения инженерному делу по обычной для тех лет схеме, которая не предусматривала глубоких знаний математики и прикладной механики. Как писали очевидцы, «прирожденный учитель, Тимошенко собрал этих птенцов под свое крыло, чтобы продолжить их обучение»². По воскресеньям утром в окрестностях Восточного Питсбурга можно было видеть продолжателей легендарной системы обучения Аристотеля, который любил читать лекции своим ученикам не в аудитории, а во время прогулок по полям и лесам. Тематика занятий Тимошенко с молодыми инженерами была тесно связана с практическими вопросами, которые то и дело возникали на производстве, и постоянно расширялась.

¹ Тимошенко С.П. Воспоминания... – С.48

² Soderberg, R.C. Stephen P. Timoshenko...

«Я получил около тридцати отборных слушателей, выпускников различных американских университетов, – вспоминал Тимошенко. – Большинство из них имели записи лекций, которые им читались в вузах, и по этим записям я получил полную картину положения преподавания сопротивления материалов в Америке. Программы были, определенно, значительно ниже наших русских требований. Удивлял полный отрыв теории сопротивления материалов от экспериментальных исследований. Большинство моих студентов никаких работ по механическим испытаниям материалов с измерением их упругих свойств никогда не делали. Повидимому, студентов не учили получать решения задач сначала в алгебраической форме и затем производить вычисления с заданной точностью. При такой слабой подготовке не могло быть и речи о каком-либо курсе повышенного типа. Я прочитал им курс, обычный для русских студентов второго курса»¹. Лекции, с которыми Тимошенко выступал перед своими учениками, легли в основу книги «Applied Elasticity», написанной совместно с инженером-механиком Дж. Лессельсом (J.M. Lessels)². Она была издана не только в США, но и других странах, включая СССР³.

Состояние технического образования в Америке Тимошенко нередко обсуждал с другими инженерами из России, работавшими в «Вестингаузе», например, И.Э. Муромцевым, которого Тимошенко знал еще по Петрограду, и В.К. Зворыкиным. «Невольно сравнивали мы условия для докторантских экзаменов в Америке с русскими экзаменами и удивлялись низкому уровню американских, – вспоминал он. – Позже, когда я ближе познакомился с американским образованием, я понял, что все начинается со школы. Оканчивающий среднюю школу американец знает по математике не больше того, что преподается в первых четырех классах русских реальных училищ»⁴.

¹ Тимошенко С.П. Воспоминания... – С. 54.

² Timoshenko S.P., Lessels J.M. Applied Elasticity. Pittsburg: Westinghouse Techn. – Night School Press, 1925. – 544 p.

³ Тимошенко С.П., Лессельс Д. Прикладная теория упругости / пер. с англ. инж.-мех. А.И. Дымова. – Ленинград: Гос. технич. изд-во, 1930. – 392 с. с 391 рис. и 96 табл.

⁴ Тимошенко С.П. Воспоминания... – С. 52.

Многие американцы очень удивлялись, узнав от Тимошенко, что инженерная школа в России появилась гораздо раньше, чем в Америке. Между тем, это действительно было так. Развитие высшего технического образования в России по сравнению с другими странами не просто шло опережающими темпами, но было и более прогрессивным. Несмотря на более раннее в целом появление в США высших учебных заведений технического профиля, там оно уходило своими корнями в ремесленно-практическое обучение, сохранившееся до второй половины XIX века. В США, например, до 1840 г. техническим специальностям обучали только в военных учебных заведениях – Военном училище в Вестпойнте (строительство дорог и мостов) и Школе морских инженеров в Аннаполисе (инженер-механик). Несколько позже, с 1849 г., получить специальность инженера-строителя стало возможно в частном Институте Репсселера (г. Троя)¹. В основном же инженеров готовили в этот период не столько учебные заведения, сколько крупные специалисты-практики. В России же подготовка инженеров с самого начала базировалась на прочной общенаучной основе благодаря ориентации на университеты, появившиеся в стране гораздо раньше высших технических учебных заведений. Это способствовало повышению теоретического уровня обучения и преодолению узкопрофильного подхода к подготовке специалистов.

Развитие технического образования в США фактически началось после 1862 г., когда был принят Закон о школах. Согласно ему каждый штат в течение пяти лет был обязан открыть на своей территории хотя бы одно учебное заведение «для сельского хозяйства и промышленности». Это требование было выполнено, но в течение долгого времени техническое образование в США развивалось под влиянием частной инициативы, без какой-либо определенной системы. Оно, как делают вывод исследователи, «двигалось наудачу и отставало от темпов индустриализации»². «Понятно, – писал очевидец, – что никакая школа не станет "высшей"

¹ Мачосс К. Духовные средства технического прогресса Соединенных Штатов северной Америки // Бюлл. Политехн. Общества, состоящего при Императорском Техническом Училище. – М., 1914. – № 3. – С. 135.

² Hans N. Comparative Education. A Study of Educational Factors and Traditions. – London: Kegan Paul, 1949. — P. 280–281.

только вследствие того, что она заявляет претензию быть таковой, и вследствие этого в Соединенных Штатах существуют школы с одинаковыми названиями, но самые разнообразные по роду преподавания, учебным планам и даваемым результатам. Существуют “высшие училища”, институты, как бы мы сказали, которые ни по обстановке, ни по учебным силам своим, ни по даваемым ими результатам не подходят к тому, что мы называем теперь высшими машиностроительными институтами»¹.

В 1927 г. Тимошенко принял приглашение Инженерной школы Мичиганского университета в г. Энн-Арборе (Ann Arbor) перейти на работу на только что открытую кафедру механики. Это как нельзя лучше отвечало интересам инженера: он уже утвердился во мнении, что хочет посвятить себя преподаванию и подготовке книг. Кроме того, он надеялся получить больше свободного времени для научной работы. Он стал профессором докторантуры, в чьи обязанности входила организация курса лекций по прикладной теории упругости для лиц, готовившихся к получению докторского звания. Отдавая часть времени работе в университете, остальное ученый посвящал науке. Две его статьи были напечатаны в американской «Энциклопедии технической механики». В одной давался обзор работ по вопросам деформации упругих тел, а вторая касалась применения теории упругости и сопротивления материалов в машиностроении. Вот где пригодились многочисленные разработки Тимошенко, в том числе и доклады, подготовленные в свое время для компании «Вестингауз». Он не терял с ней контактов, приезжая туда периодически для консультаций и выполняя ее поручения при поездках в Европу.

В Энн-Арборе Тимошенко смог осуществить свою давнюю мечту о совмещении фундаментальных и прикладных наук. Он предложил организовать при Мичиганском университете летние лекции по разным отделам механики и математики, которые могли бы заинтересовать студентов и преподавателей других американских университетов. Объявление об этом и программа летних курсов были разосланы по всем американским университетам. Помимо Тимошенко читать лекции на курсах согласились и другие профессора.

¹ Мачосс К. Духовные средства технического прогресса...

S. Timoshenko

Фото. С.П. Тимошенко –
профессор Мичиганского
университета
(из коллекции МРК,
Сан-Франциско)

Успех этого предприятия поразил даже их организатора: к началу занятий собралась группа около пятидесяти человек со всех концов Америки, включая заводских инженеров. Теоретические лекции Тимошенко сопровождал примерами и задачами из своей богатой практики. Ряд слушателей потом вернулись в Энн-Арбор для подготовки докторской диссертации по проблемам механики. Поскольку подходящих учебников для занятий с докторантами не существовало, Тимошенко занялся их подготовкой. В 1930 г. он закончил курс сопротивления материалов, напечатанный в двух томах: для начинающих студентов и для докторантов с инженерами. Вторым учебником стал курс теории упругости.

В феврале 1935 г. по приглашению Инженерной школы Калифорнийского университета в Беркли Тимошенко прочитал там ряд лекций, побывав за это время и в Стэнфордском университете в г. Пало-Альто, где тоже выступил с докладом перед преподавателями. Калифорния ему очень понравилась: по сравнению с Мичиганом там было необычно тепло и в феврале уже зацветали деревья. Он не раздумывал поэтому, когда получил приглашение организовать в Стэнфордском университете курсы, подобные тем, что он вел в Энн-Арборе. Другим доводом для переезда стало отсутствие в Калифорнии крупной индустрии: Тимошенко хотел отойти в сторону от консультационной деятельности и больше времени посвящать подготовке книг. Что касается лекторской работы, от нее инженер отказаться не мог. На его лекции по теории упругости и истории сопротивления материалов приходили не только студенты, но и молодые преподаватели. Курс по элементарной механике,

который он читал первокурсникам Стэнфорда, привлекал в ряды его последователей новых и новых лиц.

В 1935 г. Американское общество инженеров-механиков наградило Тимошенко медалью Вустера Рида Уорнера (Worcester Reed Warner Medal). Эту награду учредили в 1930 г. наследники В.Р. Уорнера, основателя Общества инженеров-механиков, за выдающийся вклад в литературу по инженерному делу. Осенью 1938 г. в этом Обществе устроили чествование Степана Прокофьевича по случаю его 60-летия. Тимошенко очень не любил официальные мероприятия, но игнорировать приглашение на годовое собрание Общества не мог и встретил там множество своих учеников и знакомых, в том числе бывших соотечественников.

Начало Второй мировой войны не нарушало обычного порядка в Стэнфордском университете, правда, профессор Тимошенко с большим трудом и опасностью для жизни смог вернуться из Европы к началу занятий. Время, свободное от лекций и семинаров, он использовал для научных дел, на этот раз для подготовки книги по статике сооружений. «Американские книги по этому вопросу казались мне мало удовлетворительными, – писал он. – Американские авторы учили “как” нужно вести расчет, но вопрос “почему” этот расчет приводит к нужным результатам оставался невыясненным»¹.

В годы войны опыт Тимошенко в инженерном деле вновь оказался востребованным. Исследования устойчивости сжатых пластин, которые он проводил еще в России, стали актуальными в связи с проектированием больших аэропланов, а Морское ведомство обращалось за консультациями по вопросам, касавшимся кораблестроения. Занимаясь ими, инженер встретился со многими коллегами по компании «Вестингауз» и Мичиганскому университету: все работали на оборону. В 1940 г. его избрали в Национальную академию наук США (United States National Academy of Sciences), считавшуюся ведущей научной организацией в стране. Тимошенко стал пятым русским ученым (после Д.И. Менделеева, И.П. Павлова, О.Л. Струве, В.Н. Ипатьева), включенным в состав Академии.

Тимошенко ушел в отставку в 1944 г., но продолжал читать лекции в Стэнфорде, а в 1946 г. составил проект организации при Инженерной школе Стэнфордского университета специального

¹ Тимошенко С.П. Воспоминания... – С. 75.

отделения для исследований и подготовки докторов в области механики. Принимал он приглашения и от других американских университетов выступить там с лекциями или провести летнюю школу. «Война ясно доказала всю отсталость Америки, – вспоминал он, – в деле организации инженерного образования и в деле организации исследовательских институтов, приспособленных для экспериментального решения различного рода технических задач. Правительство поняло это и решило действовать энергично. Были ассигнованы средства для расширения исследовательской деятельности и для подготовки докторов в области инженерных наук»¹. В 1951 г. его именем была названа новая прекрасно оборудованная лаборатория инженерной механики в Стэнфорде – в благодарность за его труд и богатую коллекцию редких книг, подаренных университету. Увы, эту радость не могла разделить с ним жена: она ушла из жизни в 1946 г.

Весной 1947 г. Тимошенко смог побывать в Европе – впервые после войны. Британское Общество инженеров-механиков (Institution of Mechanical Engineers) наградило его престижной медалью имени Дж. Ватта, присуждаемой один раз в пять лет за наивысшие достижения на инженерном поприще, и просило лично явиться для получения медали и доклада о работах. Он воспользовался этой возможностью, чтобы побывать и в Германии. Инженера поразило состояние университетов: полуразрушенные, они не имели ничего общего с тем, что он видел в довоенные годы. По результатам поездки он составил отчет для оккупационных властей.

Педагогическую деятельность Тимошенко закончил 75-летним после 53 лет работы в университетах. Он решил всецело заняться подготовкой новых изданий своих книг, заручившись поддержкой бывших учеников. К этому времени он имел почетную докторскую степень от ряда высших учебных заведений: Цюрихского политехникума, университетов Глазго и Загреба и др.

Американское общество инженеров-механиков, в котором Тимошенко состоял в течение всех лет жизни в США, учредило в честь него в 1957 г. медаль (Timoshenko Medal) за лучшие работы в области прикладной механики, которую присуждает ежегодно. Первым этой медали был удостоен сам Степан Прокопьевич. Су-

¹ Тимошенко С.П. Воспоминания... – С. 76.

ществовала и Стипендия русского студента в честь профессора Тимошенко – ее выдавало Объединение инженеров-выпускников ХПИ (Харбинского политехнического института – Н.Х.) в Австралии¹.

Фото. Медаль Тимошенко (Timoshenko Medal) – научная награда Американского общества инженеров-механиков за выдающиеся достижения в области прикладной механики.
Учреждена в 1957 г. в честь С.П. Тимошенко

В 1958 г. Тимошенко побывал в Советском Союзе. Поводом к этому, как он сам писал, послужил запуск первого искусственного спутника Земли, вызвавший у американцев резкий подъем интереса к российской науке и культуре. Спустя 36 лет после эмиграции инженеру было любопытно увидеть, что стало со страной, как живут люди, в каком состоянии находится техника. Как писали современники, Тимошенко принимали по-царски. Это резко контрастировало с отношением к нему в предыдущие годы, когда все попытки связаться со старым отцом и сестрой оставались безуспешными. Знаменитому профессору из Америки организовали посе-

¹ Калугин Н.П. Памяти большого русского инженера Степана Прокофьевича Тимошенко...

чение Института механики в Киеве, Политехнического института в Ленинграде, Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана, Московского государственного университета, академического Института полупроводников, основателем и директором которого был друг детства Абрам Федорович Иоффе, окончивший, как и Тимошенко, Ромненское реальное училище.

Результатом поездки стала небольшая книга, в которой Тимошенко изложил мысли о высшем техническом образовании России и рассказал о впечатлении от посещения советских вузов, которое в целом было благоприятным¹. Он отмечал хорошую подготовку студентов по техническим дисциплинам, наличие среди них девушек. Импонировало ему и то, что в советских вузах все еще пользовались его собственными разработками и наглядными пособиями, изготовленными до отъезда в эмиграцию. Сравнивая системы высшего технического образования в СССР, Европе и США, которые он знал не понаслышке, он отдавал должное советским достижениям в этой области, замечая в то же время и недостатки.

После этой поездки Тимошенко решил написать автобиографическую книгу. Она вышла в Париже в 1963 г. с предисловием Евгения Вечорина, в свое время председателя Парижского объединения окончивших С.-Петербургский политехнический институт. Примечательно, что автор описывал свою жизнь на русском языке, и лишь позднее книгу перевели на английский и издали в США². Еще одну поездку в СССР, уже прощальную, он совершил в 1967 г. в возрасте 89 лет. Он попросил отвезти его в Ромны и побывать в бывшем реальном училище, ставшем школой. В Москве и Ленинграде прошли его встречи с советскими учеными. Узнав, что в Советском Союзе продолжают издаваться его книги, Тимошенко написал письмо в Академию наук СССР, в котором отказался от всех гонораров в пользу премии за лучшие труды по строительной механике. Членом-корреспондентом Академии наук СССР инженера избрали еще в 1928 г. по рекомендации А.Ф. Иоффе, П.П. Лазарева и А.Н. Крылова.

¹ Timoshenko S. Engineering Education in Russia. – New York: McGraw-Hill, 1959. – 47 p.

² Timoshenko S. As I Remember (Vospominanija). – Princeton (New York), 1968.

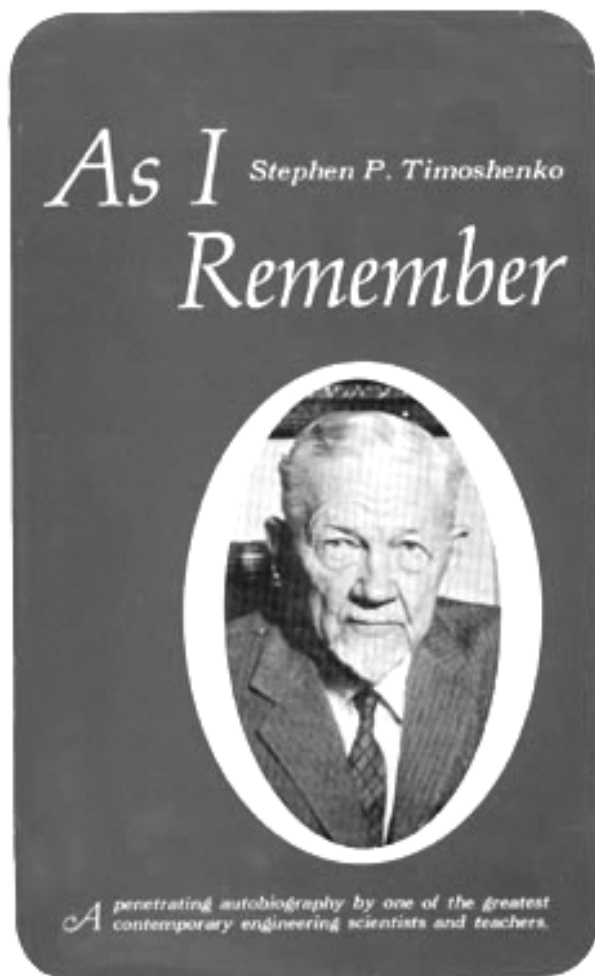

Фото. Американское издание воспоминаний С.П. Тимошенко

В Америке оказались и два младших брата С.П. Тимошенко. Один переселился в США в 1928 г. и работал как профессор сельскохозяйственной экономики, а другой приехал через Германию из Польши после Второй мировой войны, спасаясь от насильственной репатриации. О первом Тимошенко писал: «К концу лета (1936 г. – Н.Х.) приехал в Пало-Альто и мой младший брат Владимир. В по-

следнее время он служил в Вашингтоне в министерстве земледелия и совершенно неожиданно получил приглашение от Станфордского университета. Университет имеет специальный институт (Food Research Institute), занимающийся мировым распределением продовольственных продуктов, и брату предложили одну из кафедр этого института. Таким образом, два брата, почти одновременно, сделались профессорами Станфордского университета»¹.

До 1964 г. Тимошенко жил в Пало-Альто, а затем, повредив ногу во время очередного путешествия по Европе, остался в Германии, в г. Вупперталь, где жила с семьей дочь Анна. Там он и умер 29 мая 1972 г. в возрасте 93 лет. До последних дней он продолжал интересоваться наукой и вел переписку об издании своих трудов. Прах инженера и ученого был перенесен на кладбище Альта-Меса в Пало-Альто, в могилу его жены.

В некрологе, опубликованном в 1973 г. в «Известиях АН СССР», писали: «Умер один из крупнейших ученых нашего времени в области механики деформируемого твердого тела... С.П. Тимошенко был человеком совершенно исключительного инженерного чутья. Его методы, решения, книги иллюстрируют это неоценимое качество. Он умел схватить самое главное в рассматриваемых явлениях и решить поставленную задачу, используя минимальный математический аппарат. Трудно указать направление в области строительной механики, где бы им ни были получены результаты, оставившие неизгладимый след...».

Действительно, 70 лет активной творческой деятельности Тимошенко составили целую эпоху в развитии прикладной механики. Он решал принципиально новые задачи, выдвигаемые техническим прогрессом, и учил этому студентов и молодых коллег – лекциями, семинарами, беседами, статьями и книгами. Библиография его трудов, составленная Е.А. Вечориным, заняла десять печатных страниц: двадцать широко известных инженерных пособий и более ста научных статей.

¹ Тимошенко С.П. Воспоминания... – С. 71.

4. ОТ ИНЖЕНЕРА-ПУТЕЙЦА ДО АРТ-ДИРЕКТОРА ГОЛЛИВУДСКОЙ КИНОСТУДИИ. *А.А. Толубеев*

«Отличительной чертой его характера была настойчивость: какой бы удар ни наносила ему судьба, когда, казалось, почва уходила из-под ног, все в жизни было потеряно и невозможно было оправиться, он никогда не терялся и не приходил в уныние. Он снова начинал работу, иной раз с самых низов и вскоре достигал выдающегося положения»¹ – так можно было бы охарактеризовать многих русских инженеров-эмигрантов, но в данном случае эти слова относятся к Александру Анатольевичу Толубееву (Alexander Toluboff) (1881, Люблин, Польша – 1 июля 1940, Блумфилд Хилз / Bloomfield Hills, штат Мичиган, США).

Выпускника С.-Петербургского института инженеров путей сообщения Толубеева революция застала на постройке Туркестано-Сибирской магистрали, где он был начальником участка и заместителем начальника работ на строительстве железнодорожной ветки Ташкент – Верный (с 1918 г. – г. Алма-Ата), первого звена Турксиба. Увы, после октября 1917 г. инженер обнаружил, что созидательная работа стала невозможна: вместо нее начались митинги. Конторы участков превратились в политические клубы, рабочие-путейцы митинговали, игнорируя все распоряжения инженеров, а то и угрожая им. Подобную ситуацию описывал и В.К. Зворыкин, в будущем изобретатель телевидения: «Что было характерным для первых дней революции? Впечатление было такое, что в

¹ Лосев И.Н. А.А. Толубеев // Русская жизнь. – 1940. – 9 июля.

большей части города наступил праздник. Все высыпали на улицу. Никто не работал. Остановилось все, что требовалось для повседневной жизни. Поскольку предполагалось, что все теперь равны, в те дни ни с кого ничего нельзя было спрашивать или в чем-то ограничивать»¹. Остановилось и строительство Турксиба, чтобы возобновиться лишь спустя почти десятилетие – в декабре 1926 г.

Толубеева к этому времени в Туркестане уже не было: он принял решение оставить должность вскоре после революции. Во время Гражданской войны он работал во Владивостоке на постройке железной дороги: в его обязанности входила приемка укладочных материалов. Хотя Владивосток и оставался в этот период сравнительно спокойным и благополучным местом в России, Гражданская война ощущалась в нем сильнее и сильнее. По мере приближения Красной армии все больше и больше людей стремились перебраться за границу, и Толубеев не был исключением. Сначала он уехал в Токио, а уже оттуда эмигрировал в Америку.

В США места для инженера-железнодорожника не нашлось, но он готов был взяться за любую работу, которая могла бы обеспечить существование. В одной архитектурной конторе согласились принять его на испытательный срок чертежником и спросили, какую зарплату Толубеев хотел бы получать.

– В первый месяц – 50 долларов, во второй – сто, в третий – 150. Тем временем увидите, подхожу ли я вам, – ответил инженер.

Его условия были приняты, и Толубеев доказал, что инженер на любом месте остается творцом. Поначалу однообразная работа не вполне его удовлетворяла, а запрошенных денег хватало лишь на то, чтобы едва-едва свести концы с концами. Ради дополнительного заработка инженер стал брать заказы на рекламные эскизы, благо, рисовать он умел и любил. Выполнять архитектурные работы Толубеев начал на добровольной основе – для прихода русской общины в Сан-Франциско, где поселился по приезду в Америку. «Художественный вкус у Александра Анатольевича был изумительный, – писал современник. – Я видел его скетч для греческой церкви в Сан-Франциско. Как тонко был им схвачен стиль

¹ Цит. по: Борисов В.П. Российская научная эмиграция первой волны // Российские ученые и инженеры в эмиграции. – М.: ПО «Перспективы», 1993. – С. 5.

греческих храмов, с их плоскими куполами, трудно передать словами, это надо было видеть»¹.

Архитектурные способности Толубеева были оценены по заслугам, и заказы не преминули последовать, существенно поправив материальное положение инженера. Он оказался особенно востребованным после землетрясения в июне 1925 г. в Санта-Барбаре, городе на берегу Тихого океана в 140 километрах от Лос-Анджелеса. Практически все городские здания оказались тогда разрушенными, и городским властям пришлось заново отстраивать целые кварталы. Работая как архитектор и инженер-строитель, Толубеев по ходу дела не только познавал технику гражданского строительства, но и старался вникать в особенности возведения сейсмостойчивых сооружений. Он предполагал, что эти знания могут пригодиться ему и в дальнейшем, ведь землетрясения в Калифорнии происходили довольно часто. Жизнь распорядилась иначе.

Однажды, посещая Голливуд, Толубеев встретился с одним известным и влиятельным продюсером и в разговоре с ним высказал давно вынашиваемое мнение: американской киноиндустрии, имеющей много талантливых художников, не хватает хороших архитекторов.

– Ваши декорации, – говорил инженер, – похожи на те, что стоят на сценах провинциальных театров. Видимо, никто в кинематографе не заботится о том, чтобы обстановка была если не полностью реальной, то хотя бы максимально приближенной к ней. Вы думаете, зритель вам поверит, если стена большого дома выглядит на экране как картонная перегородка, разрисованная под кирпич, а не как настоящая кирпичная стена?

– Да мы ни в какой бюджет не впишемся, если будем возводить настоящую толстую стену, – пытался возражать продюсер.

– А этого и не требуется, – убеждал Толубеев. – У зрителя должна создаваться иллюзия толщины стены, а достичь этого не так трудно, как кажется...

Архитектор вовсе не думал в то время менять работу: восстановление Санта-Барбары продолжалось, и он был занят на стройках целыми днями, но разговор о низком качестве кинодекораций запал в душу продюсеру. В 1927 г. Толубеева пригласили на работу

¹ Лосев И.Н. А.А. Толубеев // Русская жизнь. – 1940. – 9 июля.

в Голливуд ассистентом арт-директора студии «Metro Goldwyn Mayer», в то время лидера голливудской киноиндустрии, а потом русский инженер стал и полноправным арт-директором киностудии. Современники писали, что все фильмы, в съемках которых он участвовал, отличались не просто качественными, но и высокохудожественными съемочными объектами. Особенно ценились декорации Толубеева к фильмам на темы русской жизни. Никто не мог воссоздать русскую деревню или гостиную в русском доме лучше и точнее него.

О работе Толубеева над фильмом «Казачьи» (Cossacks) по мотивам романа Л.Н. Толстого, который снимала «Metro Goldwyn Mayer», писал в дневнике Сергей Бертенсон, секретарь В.И. Немировича-Данченко во время его пребывания в США в 1926–1927 гг. «Обширная площадь, арендованная Metro Goldwyn Mayer в долине Сан-Фернандо, недалеко от Голливуда, специально для съемок этого фильма, была преобразована в большую казачью деревню (станицу). Сходство с русским пейзажем было поразительным: даже не верилось, что мы находимся в Калифорнии. ...Дом предводителя казаков (атамана) фасадом выходит на улицу. Около дома – сад, окруженный плетнем, за которым растут мальвы и подсолнухи. На улице видим колодец, повозки с волами, выбоины и грязь на дороге. ...Неподалеку кабак, который выглядит совсем как настоящий не только снаружи, но и внутри, где, собственно, и происходит действие. За несколькими хатами вы видите церквушку, построенную в старинном стиле. Вокруг нее сад с кладбищем. Рядом с церковью – маленькая колокольня с четырьмя колоколами. Конечно, это не настоящее Запорожье 17-го века, ... но обстановка воссоздана очень скрупулезно благодаря тому, что художником фильма является Александр Толубов. Директор картины Хилл не имеет ни малейшего представления о жизни казаков и той эпохе, которую он воспроизводит в фильме, поэтому он всецело доверяет художнику и следует его указаниям, что весьма разумно»¹.

В американском кинематографе Толубеев известен и как человек, изменивший технику кинематографии. Вместо господство-

¹ In Hollywood with Nemirovich-Danchenko. 1926–1927. The Memoirs of Sergey Bertensson. Translated by Anna Shoulgut. The Scarecrow Press, Inc. – Lanham, Maryland, Toronto, Oxford, 2004.

вавших прежде прямоугольных очертаний декораций он ввел многоугольные, которые стали носить его имя. После успешного дебюта в кино интерес к Толубееву проявили и другие киностудии Голливуда, известно, например, что некоторое время он работал на четверть ставки у Уолтера Уэнджера (Walter Wanger), снявшего в 1963 г. знаменитую «Клеопатру».

Не все было легко на этом пути. Хотя в американской киноиндустрии было занято немало иностранцев, включая выходцев из России, американцы относились к ним настороженно. К тому же, как и многие эмигранты, Толубеев неважно знал английский язык. Готовя съемочные объекты для фильма, ему приходилось не только делать чертежи будущих строений и их макеты, но и тесно общаться с непосредственными исполнителями его замыслов: плотниками, сварщиками, монтажниками. Сам, по воспоминаниям окружающих, исключительно целеустремленный и добросовестный человек, он требовал этого и от других. «Его цельная художественная натура не мирилась с полумерами, компромиссом, посредственностью, – писали знавшие его люди. – Все, что он ни начинал, он стремился довести до конца, до возможного совершенства. В своей работе, художественной и общественной, он не знал предела, отдавая ей все способности и силы»¹. Современники рассказывали, что однажды после горячего спора с плотниками, которые не понимали, чего именно добивается от них Толубеев, один из рабочих в сердцах назвал его «русским угнетателем».

История не сохранила свидетельств о том, всегда ли видение Толубеевым будущего фильма совпадало с режиссерским замыслом, насколько точно укладывался он в отведенные сроки, не превышал ли бюджет, выделенный постановщикам. Автор одной статьи в популярном американском журнале «Saturday Evening Post» называл Александра Толубеева «самым выдающимся арт-директором в Холливуде», и это говорит само за себя. Русский инженер посвятил американскому киноискусству 13 лет, вынужденно оставив его из-за тяжелой болезни в 1939 г.

Все годы жизни в Америке Толубеев совмещал работу с активной общественной деятельностью. При его непосредственном участии в 1926 г. в Лос-Анджелесе был основан Инвалидный

¹ Лосев И.Н. А.А. Толубеев...

комитет Южной Калифорнии, выполнявший роль координатора деятельности всех русских организаций по оказанию помощи инвалидам. Александр Анатольевич стал и первым председателем Комитета, лично участвуя в большинстве мероприятий благотворительной организации, например, устройстве традиционных ежегодных Инвалидных балов, а также сборе средств и вещей для русских инвалидов.

В большом и гостеприимном доме Толубеева часто собирались русские инженеры, актеры, художники, – все, кого привлекала выдающаяся личность хозяина, его приветливость и отзывчивость, искренность, широта и оригинальность взглядов. Здесь говорили только по-русски и могли обсуждать любые темы. Порой эти обсуждения заканчивались горячими спорами: при всех замечательных качествах характера Толубеев был неуступчив в дискуссиях. Он готов был часами отстаивать свою точку зрения и не отступал от нее в угоду кому бы то ни было. Правда, и убеждать людей в своей правоте он тоже умел, поэтому споры разрешались мирно.

Фото. Строительство Свято-Богородицкого храма в Лос-Анджелесе (проект А.А. Толубеева) (из коллекции МРК. Сан-Франциско)

Во всех городах с русскими эмигрантами центром русской жизни была церковь. Активный прихожанин, Толубеев был среди инициаторов строительства православного храма русской общины Лос-Анджелеса, Свято-Богородицкой церкви (полное название – Русская православная церковь Иконы Божьей Матери «Взыскание погибших»). «Как ни трудно было приходу, – писал современник, – мысль о своем храме лелеяли все прихожане, деятельно подыскивая подходящий участок и изыскивая средства на приобретение земли и постройку здания церкви. После нескольких неудачных попыток с приобретением земельного участка Церковный комитет, возглавляемый тогда большим и ценным работником инженером А.А. Толубеевым, при ближайшем участии отца Михаила, приобрел для постройки своего храма нынешний участок»¹.

Фото. Русская православная церковь Иконы Божьей Матери «Взыскание погибших» (Лос-Анджелес) (фото автора)

¹ Качарский А. Из жизни Русской колонии Лос-Анджелеса // Русская жизнь. – 1924. – 4 янв.

Инженер безвозмездно сделал проект церковного здания, в котором органично соединил русскую архитектуру и южно-калифорнийский стиль, добавив еще и мексиканские мотивы, а затем следил за строительством, которое велось в 1927–1928 гг. Он работал над проектом и постройкой храма с большим энтузиазмом, заражая им всех, кто принимал участие в строительстве. Храм торжественно освятили 22 июля 1928 г. Вокруг него по плану Толубеева был разбит и большой церковный сад.

Несмотря на болезнь, которая все сильнее давала о себе знать, в конце 30-х годов Толубеев занялся новым проектом – строительством при церкви Русского дома, который планировали сделать культурным центром русской общины в Лос-Анджелесе. Он в короткий срок составил чертежи будущего здания и потом руководил строительством. «Как бы предчувствуя скорый конец, он торопился с окончанием этой постройки, отдавая ей свои силы, средства, время. И в результате этих трудов за год с небольшим до его кончины рядом с созданным им Храмом возвысился такой же стильный Русский дом, воплотивший религиозно-национальную идею его строителя»¹.

Умер Толубеев 1 июля 1940 г. в Детройте. «Смерть положила конец его страданиям, – писал современник, – образовав вместе с тем незаполненную пустоту в наших рядах. Мы, русские, живущие на чужбине, вправе гордиться Александром Анатольевичем. Своим талантом, своим упорным трудом он высоко поднял знамя русского строительного искусства в такой трудной условной области как кинематограф и достиг высшего положения. В этой столь космополитической среде служителей экрана он не только не потерял свой русский облик, как это случилось со многими, напротив, он еще ярче выявил его... Ко всякому русскому начинанию он относился с глубоким сочувствием, по мере возможности он помогал молодым русским художникам и инженерам находить работу в студиях, в своей домашней жизни он держался русского уклада, русского языка и обычаев, даже русского стола. Он гордился быть

¹ Голицын А.В. Памяти А.А. Толубеева: Некролог // Новая заря. – 1940. – 6 июля.

русским, не скрывал этого, а подчеркивал свою национальность в среде своих друзей-американцев»¹.

На смерть Толубеева откликнулся и Русский инженерный кружок, в котором он состоял с первых лет работы этой общественной организации русской общины: «Вряд ли приходилось часто встречать более отзывчивого, открытого и более отдающего общественной работе человека, чем был покойный Александр Анатольевич. Церковь в Лос-Анджелесе построена по его проекту, да и сама возможность ее создания в значительной степени обязана его усилиям»².

Архитектурный ансамбль Свято-Богородицкого храма иконы Божьей Матери «Взыскание погибших», который до сих пор украшает Лос-Анджелес, стал памятником таланту и энергии инженера Александра Анатольевича Толубеева.

¹ Голицын А.В. Памяти А.А. Толубеева: Некролог // Новая заря. – 1940. – 6 июля.

² Инженерный кружок – памяти А.А. Толубеева. В русской колонии Лос-Анджелеса // Новая заря. – 1940. – 8 авг.

5. «ГЛАВНЫЙ ХОЛОДИЛЬЩИК АМЕРИКИ»

М.Т. Зароченцев

Способы сохранения скоропортящихся продуктов на естественном холоде знали и использовали с незапамятных времен не только рачительные хозяйки, но и предприниматели. Известно, например, что обширные ледники имелись в местах развития российской рыбопромышленности на Волге, Каспийском, Азовском и Черном морях. Разработка же научных способов охлаждения продуктов началась сравнительно недавно, и среди первых, кто обратился к этой проблеме, были железнодорожники. На рубеже XIX–XX веков именно их стал волновать вопрос, как обеспечить перевозку по огромной российской территории скоропортящихся грузов. Задуматься над этим особенно пристально заставило окончание строительства Транссибирской железной дороги: по ней из Сибири начались поставки в Европу экспортного масла. Первые попытки использовать холод при транспортировке пищевых продуктов были связаны с вагонами-ледниками, обычными товарными вагонами, набитыми льдом. В 1898 г. по российским железным дорогам курсировало 50 таких вагонов, а к 1908 г. их было уже 1900!¹

Дальнейшие разработки технологий охлаждения продуктов также велись при непосредственном участии Управления железных дорог. Не случайно, одним из пионеров холодильного дела в России стал инженер путей сообщения, выпускник Императорского Московского инженерного училища Ведомства путей сообщения (в дальнейшем – Московский институт инженеров путей

¹ Полевой А.А. Холодильная машина появилась на четыре года раньше паровоза // Холодильный бизнес. – 2011. – №. 10. – С. 40.

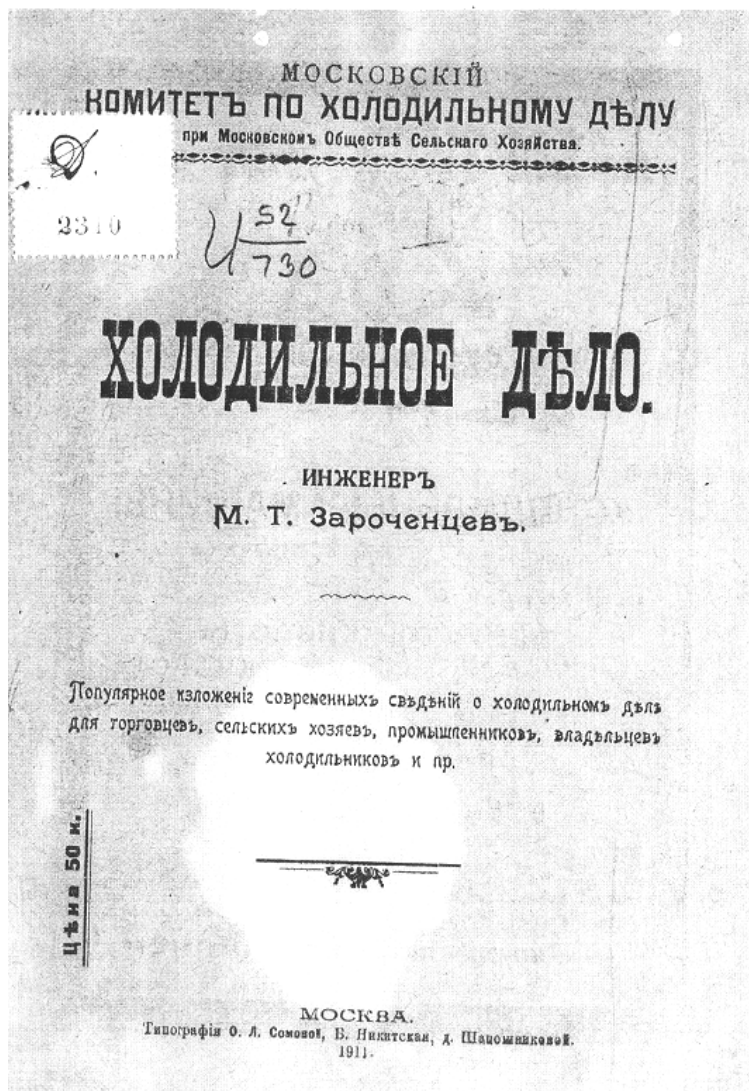
сообщения) Михаил Трофимович Зароченцев (Zarochentsev) (5/18 сентября 1879, Ставрополь – 7 февраля 1964, Лос-Анджелес). Исследованиями в этой области он заинтересовался еще студентом, а вплотную заниматься вопросами искусственного охлаждения и замораживания он начал после окончания вуза в 1907 г., став наряду с другими энтузиастами холодильного дела организатором опытных перевозок скоропортящихся грузов по российским железным дорогам.

В 1908 г. он уже участвовал в первом международном конгрессе по холоду в Париже, который дал толчок развитию исследований в области искусственного охлаждения во всем мире. На этой встрече была основана Международная ассоциация по холоду, целью которой стал широкий обмен опытом, научными достижениями и информацией, а после конгресса общественные организации по холоду стали создаваться в разных странах. Первой такой организацией в России стал Петербургский комитет по холодильному делу, учрежденный в апреле 1909 г., а через год подобный орган был организован, с участием Зароченцева, и в Москве при Московском обществе сельского хозяйства.

Осенью 1910 г. на международном конгрессе по холоду в Вене Зароченцев уже участвовал в составе делегации Московского комитета по холодильному делу. Он же стал и редактором научного журнала «Холодильное дело», который Московский комитет начал издавать с января 1912 г. Несколько работ к этому времени написал и он: «Холодильное дело» (Москва, 1911), «Холод и продовольствие» (Симферополь, 1911), «Ледники» (Москва, 1912).

В предисловии к первой книге, изданной Московским комитетом по холодильному делу, писали: «В труде М.Т. Зароченцева помещены сведения обо всех современных применениях искусственного охлаждения. Данные, послужившие к составлению этой книги, совершенно свежие, так как частью заимствованы из новейшей технической, по преимуществу иностранной литературы, частью из материалов, собранных лично автором в 1910 году за границей во время его летней командировки в Германию, Англию и Францию... Основательные познания инженера Зароченцева позволили ему в исключительно короткий срок весьма удачно справиться с поставленной ему оригинальной задачей, так как он сумел в сжатой и удобопонятной форме изложить все наиболее существ-

венное в деле применения искусственного охлаждения в промышленности»¹.

¹ Зароченцев М.Т. Холодильное дело. – М., 1911. – С. 3.

Во время Первой мировой войны оба Комитета, петербургский и московский, принимали участие в снабжении продовольствием российской армии. Зароченцев был приглашен в качестве консультанта сразу двумя министерствами: земледелия и путей сообщения. В этот период он руководил строительством продовольственных складов, холодильных установок, железнодорожных вагонов-холодильников.

Одно дело – спроектировать надежный вагон-ледник, совсем другое – выяснить, как замораживание влияет на продукты питания. В том, что превращение жидкости в лед влечет за собой изменения в характеристике продуктов, Зароченцев не сомневался. Важно было узнать, насколько эти изменения значительны. Снижает ли замораживание качество продуктов, уничтожает ли микроорганизмы, содержащиеся в них? Ответы на эти и другие вопросы инженер пытался получить во Франции, где провел два года. В этот период производство замороженных продуктов только начиналось, и Зароченцев ставил множество опытов, изучая, какие продукты лучше сохраняются в замороженном виде. Он скоро выяснил, что с мясом, птицей и рыбой проблем почти нет, они не теряют качества при заморозке, разве что срок хранения жирных сортов ограничен даже при низкой температуре. Что же касалось овощей, фруктов и ягод, то оказалось, что далеко не все они годились для замораживания.

Из Франции Зароченцев вернулся на родину, где только что произошла революция, и в 1919–1920 гг. руководил строительством и работой мясоупаковочного завода на юге России. Он продолжал экспериментировать со способами заморозки, выбирая наиболее эффективные, и потратил немало усилий на то, чтобы выявить факторы, влияющие на успех этого процесса. Он пришел к выводу, что при выборе метода замораживания каждому продукту требуется индивидуальный подход, но общее правило таково: чем скорее вода превращается в лед, тем меньше повреждаются ткани продукта.

Самым предпочтительным инженер называл быстрое замораживание. Именно эту технологию он поставил во главу угла, став инициатором строительства завода быстрого замораживания и упаковки ветчины и мяса в Таллине, которым затем и руководил. Свои разработки он успешно использовал и на посту генерального директора Эстонского мясокомбината «А.О. Кюльметус» в 1922–

1927 г., сформулировав оптимальные условия быстрого замораживания продуктов питания. Разработанная им технология получила известность в мире как процесс «Z». Инженер не упускал случая встретиться с коллегами и обменяться новостями. В 1924 г. он побывал на конгрессе по холодильному делу в Лондоне, а в 1928 г. – на международном конгрессе в Риме.

Точных данных о том, когда Зароченцев окончательно перешел за границу, нет. Из советской печати известно, что в 1928 г. российским делегатам на римский конгресс поручалось встретиться с «эмигрировавшим за границу крупным специалистом Зароченцевым, агентом крупной заграничной фирмы»¹. На встрече инженер высказал несколько предложений для советского правительства: развивать холодильное и консервное дело на новой технической базе, поддерживать частные рыбные промыслы и рыбоперерабатывающие предприятия, особенно в таких отдаленных районах, как Дальний Восток. Советские органы расценили эти предложения как «вредительские».

Это было время поиска врага, и вслед за Шахтинским процессом последовал арест большой группы ответственных работников пищевой промышленности. Из 53 лиц, привлеченных по делу о «вредителях – дезорганизаторах рабочего снабжения», 48 были расстреляны в сентябре 1930 г.² Среди жертв репрессий оказались и участники встречи с Зароченцевым в Риме, а возглавляли это скорбный список специалисты холодильного дела профессора А.В. Рязанцев и Е.С. Каратыгин, с которыми Зароченцев был знаком по общественной работе в прежние годы.

Как сообщают историки-исследователи, «в Сибири в результате одной лишь чистки госслужащих в 1929 году аппарат треста “Союзмясо” был совершенно парализован. Из состава этой организации изгнали всех специалистов. Остались только политически благонадежные, но не способные для работы... Никто не в состоянии был что-либо регулировать. Быстро образовавшиеся неимоверные запасы сырья перерабатывать не успевали, и продукция начала гибнуть. Порча была огромной... В Москве, Ленинграде, Иваново и других городах были обнаружены целые составы

¹ Крыленко Н. Снабженцы-вредители и социалистическое строительство. – М., Л., 1930. – С. 43.

² Там же. – С. 4

испорченного мяса и колбас из Сибири, после чего за расследование принялось ОГПУ»¹. Надо ли сомневаться в том, что последовали новые аресты и расстрелы?

Фото. М.Т. Зароченцев (1940 г.)
(Из коллекции М.Т. Зароченцева.
МРК, Сан-Франциско)

Известия, приходившие из СССР, не поддавались никакому логическому объяснению. Новое общественное устройство представляло собой некий парадокс. С одной стороны, страна объявляла своей целью индустриализацию, а с другой жестоко расправлялась с техническими специалистами, так необходимыми для выполнения намеченного. Думается, размышления над событиями в Советском Союзе уже не оставляли у Зароченцева сомнений в том, правильно ли он поступил, эмигрировав.

В 1928–1929 годы инженер работал в области холодильного дела во Франции, затем, в 1930–1931, в Англии. В 1932 г. Зароченцев переехал в США, где,

как писала пресса, «он также применил свои громадные знания в области замораживания по своему знаменитому “Z” способу. Он замораживал мясо, домашнюю птицу, уток Лонг-Айленда, рыбное филе, мясо без костей, фрукты и овощи в сиропе и других растворах [...]»².

Вскоре после приезда в Америку Зароченцев основал корпорацию «Z» (Z Corporation), дела которой пошли очень успешно: замороженные продукты приобретали у американских хозяек все большую и большую популярность. Думается, успеху русского

¹ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Электр. ресурс. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1997Papkov/03.htm>

² Языков Н. Холод – друг человека: к юбилею М.Т. Зароченцева // Новая заря. – 1949. – 17 февр.

инженера в бизнесе способствовали знания, полученные им в Коммерческом институте в Москве (полное название – Коммерческий институт Московского общества распространения коммерческого образования), открытом в феврале 1907 г. для подготовки коммерсантов высокой квалификации для быстроразвивающихся отраслей народного хозяйства страны. Согласно некоторым источникам, Зароченцев окончил его в 1910 г., обратив в конечном счете свой коммерческий потенциал на пользу не российской, а американской экономике.

В 1942–1943 гг. Зароченцев заинтересовался и другими способами сохранения продуктов. Он вплотную занялся изучением вопросов дегидрации (удаления воды) мяса, а также его стерилизации путем нагреванием высоким током. Делал он первые опыты и по электронной обработке мяса. На посту вице-президента «American Z Corporation» и совладельца корпораций «Z-Pack» и «National Frosted Foods Sales Corporation» Зароченцев считался крупнейшим авторитетом в науке замораживания и сохранения пищи и одним из первых лиц в холодильной промышленности США.

В прессе его нередко называли «главным холодильщиком Америки»¹. Обладатель более двухсот патентов по холодильному делу, до выхода на пенсию в начале 1950-х годов он часто выезжал в другие страны, делясь опытом и внедряя свои изобретения. 5 апреля 1936 г., например, он сделал доклад «О новейших успехах холодильного дела в Америке» на объединенном собрании русских инженерных организаций в Париже².

С начала 1940-х годов Зароченцев жил в Лос-Анджелесе, где собралось немало русских инженеров. Он встречался с ними на заседаниях Русского инженерного кружка, в который вступил сразу же по приезде в Калифорнию. В русской общине Лос-Анджелеса его знали как активного общественного деятеля, стремившегося поддержать бывших соотечественников. В частности, после окончания Второй мировой войны он одним из первых поднял вопрос о помощи русским людям, оказавшимся в лагерях для перемещенных лиц в Германии, а также тем, кто стремился перебраться в США из Китая. 27 мая 1947 г. М.Т. Зароченцев выступил

¹ Друг. Похороны М.Т. Зароченцева // Новая заря. – 1964. – 15 февр.

² Новости // Возрождение. – Париж, 1936. – № 3957 (3 апр.).

с докладом об этом на совместном заседании представителей различных русских общественных формирований в помещении Общества ветеранов¹. Он был членом Общества «Humanity Calls» (Гуманность зовет), которая оказала наибольшую помощь русским беженцам из Европы и Китая. Сотрудничал инженер и с Музеем русской культуры в Сан-Франциско.

АНКЕТА

(Просьба заполнить настоящую анкету и переслать ее Правлению Русского Инженерного Общества в г. Лос-Анджелес).

1. а) Имя и фамилия (по английски): ZAROTSCHENZEFF
..... М. И. А. И.
- б) Имя, отчество и фамилия (по русски): М. Т. Зароченцев
..... Профессор М. Т. Зароченцев
2. Специальное звание, полученное при окончании высшего учебного заведения (если таковое состоялось до его окончания):
..... Инженер. Турция Союзница, 1907.
..... Москва
3. Название высшего учебного заведения и факультета (если общество наименования высшего учебного заведения по личным мотивам нежелательно, достаточно указать лишь его тип и форму):
..... Московский Институт
..... Инженер. Турция Союзница
..... Стамбул II & 1907.
4. Точный почтовый адрес с указанием номера почтовой зоны:
..... 821 N. H. A. R. V. A. R. D. B. L. V. D.
..... L. O. S. A. N. G. E. L. E. S. 29 CALIF
5. Номер телефона:
..... NORMANDIE 4-6656

Примечание: если имеются какие-нибудь замечания или особые пожелания касательно деятельности Русского Инженерного Общества, покорнейшей просьба изложить их на отдельном листе и приложить к настоящей анкете.

П р а в л е н и е.

Фото. Анкета М.Т. Зароченцева при вступлении в Русский инженерный кружок (Из коллекции РАКПО. МРК, Сан-Франциско)

¹ М.Т.З. Экстренное собрание русских общественных организаций в Лос-Анджелесе о «Ди-Пи» // Новая заря. – 1947. – 3 июня.

Зароченцев проявил себя в Америке и как журналист, регулярно публикуя в русской прессе свои статьи и заметки. Для журнала «Сеятель» (Буэнос-Айрес), газеты «Новая заря» (Novaya zarya) (Сан-Франциско) он писал о своих поездках по миру¹, членах общины и их делах. Так, в январском номере «Новой зари» за 1948 г. вышел его очерк, посвященный 70-летию русского музыканта профессора А.Ф. Каля из Лос-Анджелеса. В 1961 г. он брал интервью у И.Я. Еловского (Avans) после его десятимесячного путешествия вокруг света, напечатанное в той же газете 7 сентября. Заинтересовала Зароченцева и история молокан, которые одними из первых русских людей стали обживать Лос-Анджелес. Очерк о них «У молокан в Лос-Анджелесе: С Кавказа через Персию в Калифорнию» газета «Новая заря» напечатала в 1947 г.

«Главный холодильник Америки» ушел из жизни в феврале 1964 г. и был похоронен на Голливудском кладбище Лос-Анджелеса.

Фото. Могила супругов Зароченцевых на Голливудском кладбище в Лос-Анджелесе (фото автора)

¹ Зароченцев М.Т. Мои встречи // Новая заря. — 1945. — 20 янв.; М.Т. Зароченцев об Аляске // Новая заря. — 1946. — 25 сент. 20 марта.

6. «ДЕЛАЙ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОТ ТЕБЯ ЖДУТ»

А.М. Понятов

АМП – Александр Матвеевич Понятов. Так, взяв собственные инициалы, назвал русский инженер в Америке свою фирму, «AMPEX Corporation», которая вскоре прославилась на весь мир. Биографы Понятова и исследователи его творчества по-разному трактуют буквы «EX», добавленные к инициалам. Одни считают, что это сокращение от «excellent», что в переводе с английского означает «отличный, превосходный», другие связывают их со словом «experimental» (экспериментальный). Оба варианта выглядят приемлемыми: продукция понятовской компании, открытой в 1944 г., была, действительно, и экспериментальной, и отличной.

Александр Понятов (Alexander Poniatoff), родился 25 марта 1892 г. в селе Русская Айша недалеко от Казани. Его отец, купец первой гильдии, занимался лесоторговлей и имел склады, мельницу, пасеку, поэтому Понятов-младший мог спокойно учиться, не заботясь о хлебе насущном. Он окончил реальное училище в Казани и в 1909 г. поступил на математическое отделение физико-математического факультета Императорского Казанского университета. Там юноша учился там всего год, после чего перевелся в Императорское Московское техническое училище (ныне Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана). Возможно, увлечение техникой перевесило желание заниматься чистой наукой. В одном из интервью Понятов говорил, что семилетним он впервые увидел на железной дороге локомотивы и уже тогда решил, что взрослым будет строить такие машины¹.

¹ Уход в отставку председателя правления «Ампекс» А.М. Понятова // Новая заря. – 1970. – 10 июня.

С возрастом, правда, любовь к локомотивам уступила место интересу к самолетам: в России появилась первая авиационная техника. Среди профессоров Московского технического училища был отец русской авиации Н.Е. Жуковский. Возможно, это обстоятельство тоже способствовало переходу юного Понятова в это учебное заведение.

Студентом Понятов не избегал увлечения политикой и участвовал в студенческих сходках в Москве. Его отрезвил арест нескольких сокурсников. Он решил избежать их участи, продолжив учебу за границей. Заручившись рекомендациями профессора Жуковского, которого считал своим учителем, он отправился в немецкий город Карлсруэ (Karlsruhe), где находился Высший политехникум, старейшее в Германии высшее учебное заведение технического профиля. В нем-то Понятов и получил сразу две специальности: инженера-механика и электротехника.

В 1913 г. ему пришла повестка о призыве на военную службу, и молодой инженер вынужден был вернуться из Германии в Россию. До начала Первой мировой войны он успел окончить летную школу и во время войны служил в морской авиации Российского флота, летая на гидросамолете. Дальнейшей карьере летчика помешало тяжелое ранение, полученное во время аварии, после которого пришлось долго лечиться. В Гражданскую войну Понятов в чине поручика присоединился к белым частям. Он воевал на Восточном фронте и, отступая с армией зимой через Сибирь на Дальний Восток, стал в 1920 г. участником знаменитого Ледяного похода.

В 1920 г. (по некоторым источникам – в 1922) он оказался в Шанхае, где до 1927 г. работал помощником инженера в Шанхайской энергетической компании (Shanghai Power Company), пока не получил возможность эмигрировать – сначала во Францию, где оставался недолго, а затем в Америку. Он нашел работу инженера в научно-исследовательском отделе компании «Дженерал Электрик» (General Electric Company) в промышленном городке Скенектади (Schenectady) штата Нью-Йорк.

К 1932 г., времени получения американского гражданства, Понятов переехал в Калифорнию, где женился на американке Хейзел Гесс (Hazel Hess), которую и он, и друзья звали по-русски Еленой. Супруги поселились в маленьком городке Атертоне в 50 км от

Сан-Франциско. Сначала Понятов работал инженером в Тихоокеанской газозлектрической компании «Pacific Gas and Electric Company», а потом перешел в компанию «Dalmo-Victor Westinghouse», разрабатывавшую электрооборудование для самолетов. И та, и другая должности были связаны с исследованиями, которым инженер посвящал и все свободное время после работы, проводя эксперименты в своем гараже.

В 1944 г. Понятов организовал собственное производство под названием «Ampex Electric and Manufacturing Company» и стал изготавливать оборудование для авиационных радиолокационных станций, которые производила «Dalmo-Victor». Вскоре направление деятельности пришлось поменять: после окончания войны заказы на радарные установки у «Dalmo-Victor» значительно поубавились, и производство комплектующих для них стало совершенно нерентабельным. В 1946 г. компания Понятова, в которой числилось всего несколько человек, переключилась на выпуск электромеханических устройств, электродвигателей и генераторов и стала называться «Ampex Electric Corporation». А еще через год произошло событие, которое заставило вновь коренным образом изменить производство.

Все началось со знакомства Понятова с инженером из «Dalmo-Victor» Гарольдом Линдсеем (H.W. Lindsay), рассказавшем ему, что некий радиолюбитель Джек Муллин (John «Jack» T. Mullin), служивший во время Второй мировой войны в американских войсках связи, привез из Германии два трофейных аппарата, способных записывать звук на магнитную ленту, и демонстрирует их возможности в Голливуде. Сам Линдсей был большим меломаном и еще с 30-х годов интересовался всеми техническими новинками для воспроизведения звука.

Идея магнитофона, кстати, в то время была уже не нова. Впервые принцип магнитной записи был разработан американским инженером Оберлайном Смитом (Oberlin Smith) еще в 1888 г. после того, как он побывал в лаборатории Эдисона и познакомился с его фонографом. Один из образцов этого аппарата Смит приобрел для своей лаборатории и начал с ним экспериментировать. Результатом этих опытов стала статья «Некоторые возможные формы фонографа» (Some Possible Forms of Phonograph), напечатанная в 1889 г. в нью-йоркском журнале «Электрический мир» (Electrical

World). Сам Смит не собирался ничего производить и своими исследованиями надеялся увлечь других изобретателей. Так и случилось. Датский инженер Вальдемар Поульсен, изучив статью, изготовил в 1895 г. первое устройство для магнитной записи, используя в качестве носителя звука стальную проволоку. Он назвал свое изобретение «телеграфоном» и получил на него патент. В 1903 г. немецкий изобретатель Курт Штилле (Kurt Stille) усовершенствовал телеграфон Поульсена, добавив электронный усилитель. В качестве носителя он оставил стальную проволоку, но позднее заменил ее на стальную ленту, которая меньше рвалась и путалась. Одним из первых применять стальную ленту на практике стал британский кинопродюсер и шоумен Л. Блаттнер. Он купил в 1929 г. у Курта Штилле права на его изобретение и выпустил блаттнерфон, который его студия «The Ludwig Blattner Picture Corporation» использовала для озвучивания фильмов.

Британская телерадиовещательная корпорация (British Broadcasting Corporation, BBC) тоже пыталась в 1932 г. применить звукозапись на стальной ленте, но оказалось, что это сопряжено с большими трудностями. Чтобы воспроизвести высокочастотные звуки, лента должна была двигаться относительно записывающей и воспроизводящей головок со скоростью 1500 мм/сек. Поэтому на 30-минутную передачу требовалось три километра ленты, а катушка с ней весила 25 кг. Из-за высокой скорости движения ленты, ее упругости и острых, как бритва, краев, работать рядом с аппаратом было опасно, и управлять им приходилось из отдельной комнаты с помощью пульта управления. К тому же качество аудиозаписи было невысоким.

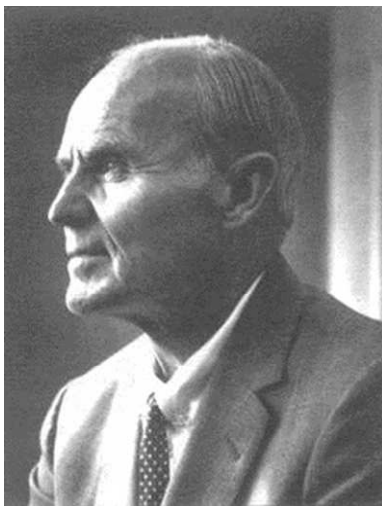

Фото. А.М. Понятов (ноябрь 1968 г.) (из коллекции МРК, Сан-Франциско)

О возможности использовать в качестве носителя не металл, а бумажную ленту, покрытую железным порошком, сообщал еще Поульсен, а претворил эту идею в жизнь в 1927 г. немецкий инженер Фриц Пфлеймер (Fritz Pfeumer). Бумажная лента хорошо намагничивалась и была относительно дешевым материалом, а качество звукозаписи она обеспечивала высокое. Немецкий химический концерн «BASF» стал изготавливать пленку по технологии Пфлеймера, а использовать ее можно было в первом коммерческом приборе для магнитной записи «Магнетофон-K1», выпуск которого начала немецкая фирма «AEG», впервые представив публике в 1935 г. Усовершенствованная модель этого аппарата и попала после войны в Америку, где в то время тоже велись разработки по звукозаписи, но технология отличалась от немецкой. В США отрабатывали запись звука на диск из толстой пластмассовой пленки, и уже все было подготовлено для массового выпуска соответствующей профессиональной и бытовой аппаратуры.

Компания «Амрех» стала одной из первых в США, кто начал конструировать аппаратуру нового типа, основанную на принципе магнитной звукозаписи. В группу из четырех инженеров-разработчиков вошел и Муллин, а в качестве главного конструктора Понятов пригласил Линдсея. Был в этой компании и другой русский инженер, Мирон Столяров (Miron Stolaroff)¹. У «Ампекса» имелись конкуренты. Кроме компании Понятова над звукозаписывающим аппаратом на основе немецкой технологии работала научно-изобретательская фирма «Brush Development Company». Первый катушечный «Soundmirror BK 401», предназначенный для бытового применения, она выпустила уже в 1946 г., когда «Ампекс» только искал подходы к теме.

Наличие конкурентов не смущало Понятова и его единомышленников: «Ампекс» делал расчет не на индивидуальных потребителей, а на широкий рынок профессиональной аппаратуры, где, правда, тоже имелся соперник, инженер-электрик и изобретатель Ричард Хоуланд Рейнджер (Richard Howland Ranger), получивший к тому времени известность разработками электронных музыкальных инструментов и изобретением факсимильной связи. В основу

¹ Hammar, P. In Memoriam. URL: http://www.aes.org/aeshc/docs/jaes.obit/JAES_V30_9_PG691.pdf

его звукозаписывающего аппарата, «Рейнджерфона», тоже легли немецкие технологии, с которыми инженер познакомился во время Второй мировой войны в Германии.

В октябре 1947 г. в Радиоцентре Голливуда компания Понятова впервые представила публике свой магнитофон «Амрех 200А», а в апреле 1948 г. он поступил в продажу. Аппараты под серийными номерами 1 и 2 купил знаменитый американский эстрадный певец и актер Бинг Кросби, который был недоволен качеством записи на диски. Он быстро оценил преимущества магнитной ленты, особенно то, что запись радиопрограммы можно было при необходимости прервать, а потом путем монтажа удалить «пустой» фрагмент пленки. В этом он убедился еще во время демонстрации Муллином трофейных аппаратов и просил Рейнджера изготовить такое же устройство для него, но качество записи его разочаровало. Магнитофон же Понятова ему всем понравился, и он остановил свой выбор на «Амрех 200А» для записи своего телевизионного шоу сезона 1947–1948 годов.

Идея замены прочных и надежных дисков на тонкую магнитную ленту многим казалась весьма сомнительной, хотя сотрудники радио- и телестудий видели в новинке немало преимуществ. Звукозапись на ленте можно было монтировать, вырезая ножницами ненужное и склеивая концы. К тому же ленту можно было использовать неоднократно, так как при записи звука предыдущая запись автоматически стиралась с помощью специальной головки. Тем не менее, скептики долго одерживали верх в спорах о том, какой аппарат лучше. Руководство и инженеры радио- и телевизионных студий осторожничали, и магнитофон Понятова поначалу не нашел широкого спроса. Возможно, одной из причин этого была и высокая цена. «Амрех 200А» стоил 5,2 тыс. долларов, больше, чем среднегодовая зарплата американца того времени.

Отличную рекламу магнитофону «Ампекса» создал Кросби. После успешного выхода в эфир записи программы артиста, его представители обратились в «Ампекс» с крупным заказом на студийные магнитофоны для телевизионных студий сразу нескольких американских штатов. Правда, банки отказали Понятову в деньгах на расширение производства: новая технология все еще вызывала сомнение, да и фирму тогда никто не знал, и тут вновь помог

Кросби, прислав чек на 50 тыс. долларов, большие деньги по тем временам¹.

Гарольд Линдсей понимал, что магнитофон «Ампекса» должен обладать высочайшими характеристиками, чтобы доказать, что магнитная лента не менее надежна, чем диски. Очевидцы утверждают, что главному конструктору приходилось убеждать рачительного Алекса Понятова в том, что при производстве аппарата им следует использовать все самое лучшее: двигатели, металл, бумагу – буквально все, чтобы их магнитофон был прочным, надежным и соответствовал представлениям звукооператоров о высококачественной профессиональной аппаратуре. И это удалось.

Фото. А.М. Понятов (справа) и Г. Линдсей с первым магнитофоном фирмы «Ампекс»

¹ Museum of Magnetic Sound Recording. URL: <http://museumofmagneticsoundrecording.org/CollectionAmpex.html>

Фрэнк Маркс (Frank Marx), главный инженер телекомпании «ABC» (American Broadcasting Company), сообщал в 1948 г., что, записывая концерты Кросби и другие шоу в течение 22 недель на магнитофон фирмы «Ампекс» для повторного воспроизведения их в дневное время, компания достигла существенной экономии и потеряла только три минуты из 2618 часов эфирного времени¹. После подобных заявлений скептицизм быстро растаял, и спрос на магнитофоны «Ампекса» был обеспечен. Вскоре ни одна широко-вещательная компания в США не могла обойтись без них. К маю 1949 г. большинство крупных телевизионных студий США были оборудованы магнитофонами, изготовленными «Ампексом», а через десять лет эти аппараты разошлись и по всему миру.

В Музее магнитной записи «Ампекса» (The Ampex Museum of Magnetic Recording), открытом в Стэнфордском университете, имеется один из тех первых магнитофонов, выпущенных в количестве 112 штук. В течение 31 года он безотказно работал в отделении Национальной широковещательной компании (National Broadcasting Company, NBC) в г. Бурбенке (Burbank) (Калифорния) без крупного ремонта и каких-либо усовершенствований. Он мог обеспечить качественную звукозапись даже после того, как «NBC» заменила эти аппараты на более современную аппаратуру. Как утверждают специалисты, записи, сделанные на «Ampex Model 200» в 1948 г., соответствуют и нынешним основным профессиональным критериям.

Высокое качество магнитофонов Понятова произвело революцию в области звукозаписи и предопределило дальнейшую судьбу «Ампекса». Фирма Понятова стала быстро расти, особенно после того, как наладила выпуск собственной магнитной ленты. Помогли и старые связи с военными заказчиками, которым тоже требовалась надежная аппаратура магнитной записи. Каждый год конструкция магнитофона «Ампекса» совершенствовалась, и он становился все дешевле. В 1949 г. Понятов приступил к выпуску аппарата «Ampex Model 300», который стоил уже 1550 долларов, а в 1950 г. появилась новая модель стоимостью 985 долларов. С 1954 г. профессиональные магнитофоны приобрели стереозвучание, а через год «Ampex» создал первую в мире музыкальную сте-

¹ Hammar, P. In Memoriam.

реоаппаратуру для домашнего употребления. В качестве главных характеристик продукции фирмы Понятова отмечали надежность, долговечность, удобство в эксплуатации.

Техническим усовершенствованиям, которые вели компанию к процветанию, Понятов был во многом обязан Гарольду Линдсею. Позднее о роли главного конструктора компании писали: «If Alex Poniatoff had wanted to name the one engineer most responsible for Ampex's success over the last 35 years, he would have had to choose that talented man who cared for people above all else» (Если бы Алексу Понятову понадобилось назвать одного единственного инженера, ответственного за успех “Ампекса” на протяжении последних 35 лет, ему бы пришлось выбрать этого талантливого человека, который прежде всего заботился о людях)¹.

В начале 1960-х годов число различных моделей «Ампекс» достигло тысячи!² Уже по этой цифре можно судить о том, какую кропотливую работу вела компания, шаг за шагом продвигаясь вперед. К этому моменту звукозапись в реальном времени пришла и в кинематограф. В 1952 г. в «АМРЕХ» обратился кинорежиссер Майк Тодд, который хотел разработать способ высококачественной магнитной записи звука на киноленту. В результате появилась система звукозаписи «Todd-AO motion picture system», которая впервые была использована Тоддом для его фильмов «Оклахома!» (Oklahoma!) и «За 80 дней вокруг света» (Around The World in 80 Days)³. Благодаря новшеству точность воспроизведения звука в кинематографе значительно повысилась. Технология магнитной записи впервые дала возможность воспроизвести в кино и стереофонический звук, дававший зрителю ощущение реальности. Несмотря на высокую стоимость оборудования, многие кинотеатры США стали оснащаться устройствами для считывания магнитного звука, а компания «АМРЕХ» и ее руководитель получили от Американской академии кинематографических искусств и наук (Academy of Motion Picture Arts and Sciences) премию «Оскар» за технические достижения в области киноискусства.

¹ Hammar, P. In Memoriam.

² <http://museumofmagneticsoundrecording.org/CollectionAmpex.html>

³ Там же.

В 1966 г. по заказу нью-йоркской студии звукозаписи «Mirasound Studios» «АМРЕХ» сконструировал первый 16-дорожечный магнитофон, а через год компания начала производство нового варианта этой модели, первого в мире профессионального 16-дорожечного магнитофона. Он быстро завоевал рынок благодаря высокой надежности и превосходному качеству воспроизведения звука. На счету «АМРЕХ» был еще и 24-дорожечный аппарат, выпущенный в 1979 г., который многие специалисты считают наиболее совершенной моделью. Магнитофон имел очень прочную конструкцию и выдающиеся аудио-характеристики. Пишут, что он мог бы конкурировать по качеству звука с первыми цифровыми аппаратами. Правда, продажи шли неважно из-за высокой стоимости магнитофона: были распроданы только сто штук¹.

Среди технических новинок, изобретенных в «Ампэксе», было и устройство для механического монтажа, и аппарат замедленного воспроизведения сигналов, однако главным достижением Понятова и его компании стало создание первого в мире профессионального видеоманитофона, о разработке которого Понятов стал задумываться еще в начале 1950-х годов. Действительно, если удастся записывать на магнитную ленту звук, то почему бы не попробовать записать изображение? Он начал с того, что принял на работу еще несколько молодых инженеров, составив очень сильный творческий коллектив. Примечательно, что в это время в «Ампексе» начал работать студент Стэнфордского университета Рей Долби (Ray Dolby), будущий знаменитый изобретатель, чьими электроакустическими системами ныне оснащены все кинотеатры. Главным техническим советником Понятова в это время стал инженер-конструктор Чарльз Гинзбург, недавний выпускник университета в Сан-Хозе, уже получивший известность в техническом мире благодаря своим изобретениям. Надо отдать должное Понятову – он умел подбирать коллектив, в котором все становились единомышленниками.

В.Г. Маковеев побывавший в 1974 г. в составе делегации Гостелерадио СССР в Редвуд-Сити и встретившийся там с основателем «Ампекса», писал: «...В мае 1974 года Понятов сказал, что

¹ Ampex – 16 and 24-track Recorders. URL: http://www.liquisearch.com/ampex/16_and_24-track_recorders

если бы он и его коллеги заранее представляли себе все трудности, которые предстояло преодолеть при создании видеомэгнитофона, то никогда не взялись бы за эту работу! Ведь сам видеомэгнитофон – это лишь вершина технологической пирамиды, а для ее создания в то время не хватало множества “кирпичей”. ...В механике потребовалось достижение микронных точностей, в электронике – использование новых методов обработки сигнала; этот перечень можно продолжать бесконечно. В итоге видеомэгнитофон оказался наиболее сложным серийным радиотехническим прибором того времени, и чтобы разработать и организовать производство самого аппарата и видеоленты в условиях небольшой фирмы с очень ограниченными средствами, потребовалось сочетание героических усилий с гениальными научно-техническими решениями. Понятов это хорошо понимал и формулировал так: “В течение семи лет впереди нас в этом деле был только Бог!”¹.

Но все трудности удалось преодолеть, и видеомэгнитная запись была освоена. В марте 1956 г. на съезде Национальной ассоциации радиотелевизионных журналистов (National Association of Broadcasters) в Чикаго «AMPЕХ» продемонстрировал первый коммерческий видеомэгнитофон. Вскоре эту аппаратуру использовала телерадиокомпания «СВS» (Columbia Broadcasting System) для повторного выпуска в эфир новостной программы. Новые технические возможности произвели фурор на американском телевидении: магнитной видеозаписью системы Ampex захотели пользоваться все телевизионные студии. Как пишут очевидцы, во многих аппаратных видеозаписи появились портреты Понятова, а сам процесс видеозаписи долгое время называли «ампексированием». Несколько позже видеомэгнитофоны нашли применение и в других областях, в частности, с 1958 г. их стало использовать американское космическое агентство NASA. С этого времени «Ампэкс» стал ведущим разработчиком и производителем аппаратуры для видеозаписи.

Мировое лидерство в производстве профессиональной звуко- и видеоаппаратуры для радио и телевидения «Ампекс» удерживал

¹ Маковеев В.Г. Александр Понятов — создатель видеомэгнитофона. 110 лет со дня рождения // Broadcasting. Телевидение и радиовещание. – 2002. – № 1.

почти полвека, превратившись из маленькой компании в огромную корпорацию со штатом в 15 тыс. человек и оборотом в полмиллиарда долларов. Обладая патентами на ряд важных изобретений в области звукозаписи, он долгое время не давал возможности конкурентам из других стран, прежде всего Японии и США, обогнать его, хотя попытки разрушить компанию Понятова и купить ее по частям предпринимались неоднократно.

Разработки компании и личные заслуги А.М. Понятова отмечены многими наградами, в том числе телевизионным аналогом «Оскара» премиями «Эмми» (Emmy Award), медалью «За достижения» Американской ассоциации электроники (American Electronics Association) и др. В знак выдающегося вклада Понятова в развитие телевизионной техники Американское общество инженеров кино и телевидения (Society of Motion Picture and Television Engineers, SMPTE) учредило в 1982 г. «Золотую медаль имени Понятова» (SMPTE Poniatoff Gold Medal), присуждаемую за заслуги в области магнитной записи электрических сигналов.

Понятов руководил «Ампексом» в должности директора до 1955 г., а затем был в ней председателем совета директоров. В 1970 г. он вышел в отставку, оставшись почетным председателем. В последние годы жизни инженер-предприниматель активно участвовал в жизни местной русской общины и занимался благотворительностью. Он был председателем Общества русских летчиков в США, председателем Общества друзей Дома Святого Владимира, доверенным лицом благотворительного Фонда Кулаева. Особенно много Понятов помогал отдельным лицам и группам, занимавшимся медицинскими исследованиями: он считал профилактику заболеваний самым важным аспектом здравоохранения и всегда откликался на просьбы о поддержке таких проектов. Не случайно, его избирали председателем попечительского совета в Институте науки и медицины имени Лайнуса Полинга (Linus Carl Pauling).

Понятов умер 24 октября 1980 г. в возрасте 88 лет в г. Санта Клара (Калифорния). «Ушел из жизни еще один из ряда знаменитых русских эмигрантов в Америке – Александр Матвеевич Понятов, создавший здесь многомиллионное предприятие АМПЕКС, специализировавшееся на выпуске особо чувствительных и высшего качества магнитофонов.... Вдова Елена Александровна и племянницы просят вместо цветов в память почившего отправлять

пожертвования на гуманитарные цели через газету “Русская жизнь”»¹.

Близко знакомый с Понятовым Г.А. Орбелян, эмигрировавший в США через Германию после Второй мировой войны и ставший в Сан-Франциско руководителем департамента по международной торговле, вспоминал: «Помню незадолго до его смерти сидели мы с ним, разговаривали, и он вдруг говорит: “Гарри, я всего в жизни достиг, у меня прекрасная фирма. Но у меня нет детей, продолжать мое дело некому. Был бы я на Родине, я бы все это дома устроил. Да что говорить, хоть бы отделение разрешили в России открыть. Все бы передал своей стране, весь свой опыт! Но ты же знаешь, это невозможно. И я страдаю”»².

У «Ампекса» были открыты представительства в 30 странах. Существовали и торговые связи с Москвой: компания Понятова более двадцати лет продавала СССР магнитные ленты и оборудование для телестудий, но советское представительство появилось у нее лишь в 1991 г., спустя десять лет после кончины ее создателя.

Из воспоминаний В.Г. Маковеева, одним из первых рассказавшем в России о А.М. Понятове: «Нам сказали, что Понятов в делах фирмы не участвует (ему тогда было уже 82 года), но на фирме очень чтят своего основателя, для него сохранен рабочий кабинет, и мы с ним обязательно встретимся. Мы увидели, как высокий худощавый старик подъехал на автомобиле к персональной стоянке (крупными белыми буквами на асфальте было написано “Poniatoff”), пересел в поданное ему электрическое кресло-коляску (у него были парализованы ноги) и по коридору направился в свой кабинет. После официальных приветствий он сказал, что выписывает газету “Известия” и старается следить за событиями в России. Мы коротко рассказали ему о развитии телевидения на его родине и о наших работах по видеозаписи, подчеркнув, что считаем себя его последователями. Мы попросили его рассказать молодым рос-

¹ Н.П. Скончался А.М. Понятов: (Некролог) // Рус. жизнь. – 1980. – 29 окт.

² Цит. по: Мандалян Э. Александр Понятов, Ampex и видеомэгнитофон // Чайка: Электр. журнал (Seagull Magazine). URL: <http://www.chayka.org/authors/eleonora-mandalayan>

сийским инженерам, как он добился успеха. Понятов оживился и сказал, что у него есть несколько собственных правил, которые могут быть интересны другим: нужно всю жизнь учиться; ничего не надо считать догмой; необходимо всегда стараться сделать чуть больше, чем от тебя ждет начальник (это будет обязательно замечено); следует избегать любых конфликтов, поскольку вероятность быть правым у вас не более 50%»¹.

Думается, именно эти правила и способствовали успехам, научно-техническим и коммерческим, русского инженера в Америке.

¹ Маковеев В.Г. Александр Понятов — создатель видеомэгнитофона.

7. ВЛАДИВОСТОК – ХАРБИН – САН-ФРАНЦИСКО

Архитектор В.А. Плансон

Фамилия архитектора Владимира Антоновича Плансона, с ударением на последнем слоге, намекает на французское происхождение. Так оно и есть: его дед, Антуан Плансон де Риньи (Plancon de Riny), родился в Париже, окончил там университет, а в Россию попал с армией Наполеона, в которой в звании сулейтенанта командовал эскадроном кирасир. В бою молодой француз был ранен и взят в русский плен, а после освобождения решил не возвращаться на родину, а остаться в России, которая ему понравилась. Возможно, одной из причин была любовь: Плансон де Риньи увлекся польской девушкой Гоноратой Кретович, родом из Гродненской губернии, и в 1817 г., когда ей исполнилось 17 лет, женился на ней. Молодые супруги поселились в г. Белостоке, на родине Гонораты, и в том же году Антон Карлович, как стали звать француза в России, начал преподавать французский язык и литературу в местной гимназии. Через несколько лет супруги переехали в Гродно, где глава семьи тоже работал в гимназии и где 30 августа 1824 г. родился отец будущего архитектора Антон Антонович Плансон.

Плансон де Риньи оставил заметный след в деле народного просвещения. В 30-е годы XIX века он служил в Дирекции училищ в Киеве, где разрабатывал проект образования, а в 1839 г. перешел в высшую школу: преподавал в Императорском университете Святого Владимира в Киеве и Императорском университете в Харькове. Он подготовил учебники по французскому языку для поляков («Gramatyka francuzka» и «Manuel elementaire de lecture adapte a la Grammaire Francaise pour les polonaise»), изданные в Вильно в

1825 г. Осенью 1847 г. педагог вышел на пенсию, имея чин коллежского советника.

Родители дали хорошее образование и сыну: отец архитектора окончил гимназию в Киеве и Харьковский университет. На разных постах, в том числе чиновником особых поручений при харьковском генерал-губернаторе, он дослужился до чина действительного статского советника. С женой Елизаветой Осиповной (урожденной Яблонской) они вырастили восемь детей: семерых сыновей и дочь Юлию. Владимир Плансон был самым младшим в семье. Он родился в Вятке 12 июля 1871 г. и в 1894 г., успешно сдав вступительные экзамены по рисованию, физике, русскому языку, геометрии и тригонометрии, поступил в Институт гражданских инженеров Императора Николая I в С.-Петербурге, старейшее учебное заведение России, готовившее специалистов по гражданско-строительной и дорожной частям для всех регионов страны.

В институте преподавали лучшие специалисты того времени, известные практики и теоретики архитектуры и строительной инженерии. Благодаря этому на рубеже XIX–XX веков Институт гражданских инженеров считался авангардом строительной и инженерной мысли Российской империи. Одним из ведущих преподавателей вуза был, в частности, А. Красовский, автор рационалистической теории. Он считал, что при составлении проекта следует обращать первоочередное внимание не на красоту здания, а на его функциональность. Эти идеи нашли отражение в творчестве многих его учеников, включая Владимира Плансона.

Обучение в институте продолжалось пять лет. На первых двух курсах студенты изучали естественнонаучные и гуманитарные дисциплины: физику, математику, химию, начертательную геометрию, статику и кинематику, минералогию и геодезию в применении к строительной технике, законоведение, преимущественно в применении к строительной и дорожной частям, иностранные языки. Параллельно шло развитие художественно-образовательных навыков и знакомство с основами профессии: среди дисциплин были рисование, включая акварельное и техническое, черчение – архитектурное и ситуационное, история архитектуры и архитектурных форм, общие начала строительного искусства.

В дальнейшем вводились архитектурно-строительные и инженерно-технические дисциплины: гражданская архитектура, архи-

тектурное проектирование, проекты сельской архитектуры, теоретическая механика, приложение строительной механики к строительному искусству и др. Студенты также выполняли проекты по механике, строительному искусству и гражданской архитектуры; проезжих дорог; по устойчивости сооружений и по хозяйственной архитектуре, решались задачи по земляным работам. Технический прогресс вносил коррективы в учебную программу, и к моменту поступления в институт Плансона были введены новые дисциплины: водоснабжение, электрическое освещение, эксплуатация железных дорог; санитарное зодчество. Последний год посвящался составлению проектов, но летние практические занятия завершали и обучение на первых четырех курсах.

Несмотря на то, что студент принадлежал к знатному роду, материально он был обеспечен плохо. Плансон подрабатывал репетиторством и регулярно подавал прошение о назначении стипендии. В октябре 1896 г. в свидетельстве о бедности, необходимом для получения стипендии, сообщалось: «Полиция собрала сведения о том, что проситель 25-летний, поведения хорошего, состояния бедного, содержания от казны не получает, имеет шесть взрослых братьев, служащих на государственной службе, сестру замужнюю, отца – отставного действительного статского советника, проживающего в своем имении в Уфимской губернии, помощи от отца не получает, существует уроками»¹.

Летом 1899 г., успешно сдав все экзамены, Владимир Антонович Плансон получил звание гражданского инженера и распределение на Дальний Восток: ему предстояло работать на строительстве Уссурийской железной дороги. Молодой инженер не стал задерживаться в Петербурге в ожидании торжественной церемонии вручения диплома об окончании института и получил его уже во Владивостоке из рук начальника Уссурийской железной дороги, в чье подчинение поступил по прибытии. Вместе с Плансоном из Петербурга во Владивосток приехала и жена: он женился в 1897 г., еще студентом, на 19-летней Эмилии Менчинской.

¹ Цит. по: Хисамутдинов А.А., Франкбейн И. Архитектор В.А. Плансон во Владивостоке и Сан-Франциско // Архитектурное наследство. – 2014. – № 60. – С. 299–311.

Фото. В.А. Плансон (из коллекции МРК, Сан-Франциско)

Не прошло и двадцати лет с тех пор, как пост Владивосток был объявлен городом, а перемены в нем произошли значительные. Население города в то время составляло около 25,5 тыс. человек. Стратегическое значение Владивостока на рубеже веков способствовало его экономическому и культурному развитию, созданию благоприятных условий для работы банков, крупных и мелких отечественных и зарубежных компаний. Появление деловых людей требовало наличия большого числа квалифицированных специалистов-проектировщиков и создания новой, оригинальной архитектуры, соответствующей статусу заказчика. В городе менялся характер застройки: начиналось активное строительство кирпичных зданий, преобразившее центральные улицы, на которых появились почти сплошные линии красивых и современных домов. Городские власти были озабочены благоустройством: шло мощение центральных улиц – Светланской, Алеутской, 1-й Портовой и др. Заканчивались приготовления к открытию Восточного

института, первого в Восточной Сибири высшего учебного заведения.

Большое строительство было связано с железной дорогой. Завершалось обустройство Коммерческой набережной и порта КВЖД на мысе Эгершельда. Чтобы облегчить движение поездов от железнодорожного вокзала по городской территории, было произведено понижение полотна железной дороги до разъезда Первая Речка, а через Светланскую, Алеутскую, Семеновскую и Пекинскую улицы начали строить железобетонные виадуки. Этим и занимался Владимир Плансон, которого назначили на должность помощника начальника службы пути Уссурийской железной дороги.

Фото. Строительство железнодорожного виадука под руководством архитектора В.А. Плансона

Несмотря на осложнение международной обстановки в начале XX века, связанное сначала с Боксерским восстанием в Китае, а затем с Русско-японской войной, строительство во Владивостоке не остановилось, и профессия архитектора и подрядчика была одной из наиболее востребованных. Работу в Управлении железной дороги Владимир Плансон сочетал с заведованием техническим

отделом службы порта, руководя строительством портовых сооружений и обустройством набережной во Владивостоке. Возможно, именно за это он получил первый орден – Святого Станислава. 8 мая 1902 г. в семье архитектора родилась дочь Татьяна. При церемонии крещения ее восприемником стал старший брат Владимира Плансона лейтенант Константин Плансон, старший офицер крейсера «Россия»: корабль очень удачно оказался в это время во Владивосток.

Выполнял архитектор и частные заказы: в 1902 г. по проекту Плансона и под его непосредственным руководством на ул. Светланской был построен доходный дом купца 2-й гильдии Готлиба Штейнбаха, который представлял во Владивостоке всемирно известную фирму «Зингер». Это здание стало первым свидетельством таланта Плансона как архитектора-проектировщика. В конце 1902 г. он оставил службу на железной дороге и 30 декабря поступил на работу архитектором в Восточный институт и оставался на этой должности почти десять лет, пока ее не сократили. Именно в этот период во Владивостоке появились прекрасные здания, спроектированные и построенные Плансоном, которые и по сей день украшают наш город.

В 1902–1903 гг., например, он построил доходный дом Бабинцевых, который сегодня владивостокцы знают как Государственный объединенный музей имени В.К. Арсеньева. Специалисты, утверждая, что своей монументальностью и красивыми декоративными деталями это здание на пересечении улиц Светланской и Алеутской задавало тон дальнейшей застройке исторического центра Владивостока.

Купец В.П. Бабинцев был одним из попечителей Владивостокской женской гимназии. Есть основания считать, что именно он способствовал тому, чтобы проект нового здания гимназии заказали Плансону. Архитектор успешно справился с этой работой: четырехэтажное кирпичное здание на Пушкинской улице с красивой парадной лестницей до сих пор служит народному образованию.

Фото. Дом В.П. Бабинцева на углу ул. Светланской и Алеутской
(открытка)

С именем В.А. Плансона связано и строительство здания для штаб-квартиры Торгового дома «Кунст и Альберс». Ныне этот дом, примыкающий к центральной площади Владивостока, мы воспринимаем как единое строение, а в старые времена здесь стояли два самостоятельных здания. В одном из них, построенном в 1903 г. по рабочим чертежам и под непосредственным руководством гражданского инженера Плансона, находились столовая для сотрудников фирмы, гостиные, бальный зал, бильярдная и библиотека для служащих. В этом же доме располагалась канцелярия германского торгового агентства, позже – консульства, которые с 1887 г. возглавлял А.В. Даттан.

Сотрудничество Плансон с Торговым домом «Кунст и Альберс» на этом не закончилось: архитектор построил для этой компании здание для магазина в Никольске-Уссурийском. Он также был автором проектов железнодорожного вокзала, построенного в

этом городе в 1908–1910 гг. под руководством инженера Лебедева, и здания бывшего Железнодорожного собрания (1906–1909 гг.)¹.

Во время Русско-японской войны наступил некоторый застой в делах, и Плансон испытал затруднения с окончанием строительства здания Владивостокского отделения Государственного банка, которое он начал в 1902 г. и окончил только спустя пять лет, весной 1907 г. Одновременно со зданием банка архитектор составил проект и построил дом для банковских служащих. Новшеством того времени, недоступным для большинства горожан, были удобства для жильцов: дом имел электричество, водопровод и канализацию. Одновременно Плансон работал над проектом по заказу Торгового дома «Чурин и Ко» и в 1906–1907 гг. построил в Почтовом переулке общежитие для служащих компании, а на сопке прямо за магазином – двухэтажный таможенный пакгауз.

В это время на улице Ключевой по соседству с Восточным институтом началось строительство новой лютеранской кирхи взамен старой, деревянной. Община лютеранской церкви имени апостола Павла задумала постройку еще в 1899 г., но предварительный проект новой церкви, составленный военным инженером Алексеем Вебелем, одобрен не был, и, как отмечалось, «в 1900 г. гражданским инженером Владимиром де Плансон любезно составляется другой план». 4 марта 1901 г. Церковный Совет при участии Плансона определил место, где должна стоять новая кирха. Приступить к строительству сразу же, как планировалось, не удалось, и стройку отложили на несколько лет, начав в 1907 г. и закончив в конце 1908 г.

К моменту приезда Плансона во Владивосток в городе уже была спроектирована вокзальная площадь и построен первый железнодорожный вокзал. Одноэтажное каменное здание, возведенное в 1894 г. и рассчитанное на небольшой пассажиропоток, со временем стало мало для растущего города. В 1908 г. было решено вокзал перестроить, и Плансону был заказан проект. Используя стены и фундамент старой постройки, он применил новое архитектурно-художественное и композиционное решение. Плансон спро-

¹ Список памятников архитектуры федерального и регионального значения Уссурийского городского округа: Электр. ресурс. URL: http://adm-ussuriisk.ru:9697/files/upfiles/reestr_ul/perechen2.pdf

ектировал здание вокзала в стиле русской архитектуры XVII в. с такими характерными декоративными деталями, как кокошники, ниши, кованые шпили и решетки. Особо очарование зданию придает множество оконных проемов разной величины.

Строительство вокзала велось в 1909–1911 гг., а открытие состоялось 5 февраля 1912 г. Скорее всего, Плансон работал над этим проектом не один, а в составе коллектива, но многие чертежи архитектор разрабатывал собственноручно по ходу строительства: на них имеется его подпись как автора¹. По окончании работ коллежский асессор Плансон взял четыре месяца отпуска и отправился в морское путешествие из Владивостока в Санкт-Петербург. 27 декабря 1911 г. он вышел из Йокогамы на борту американского корабля «S.S. Mongolia», зайдя по пути на Гавайи, в Гонолулу.

Вернувшись во Владивосток, Плансон вновь включился в работу. Торговый дом «Чурин и Ко» пригласил архитектора для осуществления нового проекта: реконструкции универсального магазина фирмы на ул. Светланской. Построенный в 1890 г., он перестал отвечать возросшим потребностям. Проект был составлен архитектором «по типу лучших европейских зданий этого рода, с лифтами, со всеми техническими усовершенствованиями последнего времени для хранения разного рода скоропортящихся товаров». Существуют сведения, что архитектора даже командировали в США для изучения опыта строительства подобных зданий.

В октябре 1914 г. компания «Чурин и Ко» заложила во Владивостоке большой четырехэтажный дом под новый магазин. Строительство предполагалось вести в два этапа, чтобы не прекращать торговлю, и в 1916 г. была построена половина здания. Первая мировая война не помешала начать строительство, но достроить это здание все же не удалось из-за революционных событий 1917 г.

Плансон был причастен и к строительству во Владивостоке католического собора Пресвятой Богородицы. Газета «Далекая окраина» от 10 июля 1909 г. отмечала, что его проект победил в конкурсе, объявленном приходом. 12 июля 1909 г. состоялись закладка и освещение

¹ Ныне они хранятся в коллекции МРК (Сан-Франциско).

начала строительства, которое продолжалось 12 лет. Храм был построен в 1914 г., а первых верующих принял в 1921 г.

В это время архитектора уже не было во Владивостоке: весной 1921 г., в разгар Гражданской войны, семья Плансон уехала в Харбин. Плансон принял приглашение стать чиновником особых поручений при управляющем КВЖД Б.В. Остроумове. Сведений об архитектурной работе Владимира Антоновича в Харбине не сохранилось, но есть основания думать, что и в этом городе он нашел применение своим способностям: в 1923 г. его фамилия была включена в список зодчих Харбина¹. Работал он и председателем квартирной комиссии КВЖД, помогая найти жилье беженцам из России.

В это время в Харбине стали формироваться группы молодых людей для отъезда в Америку по студенческим визам. В одну из первых студенческих групп записалась и 19-летняя Татьяна Плансон. В 1921 г. она отправилась из Китая в Японию, а уже из Иокогамы на борту японского корабля «Siberia Maru» 26 сентября прибыла в Сан-Франциско. Уже на другой день после завершения иммиграционных формальностей девушка поступила в Калифорнийский университет в Беркли. Через два года к дочери в США уехали и супруги Плансон.

Они прибыли в Сан-Франциско 4 августа 1923 г. и несколько первых лет (до 1930) жили в Беркли. Владимир Антонович работал архитектором-чертежником в Сан-Франциско, куда ежедневно ездил из Беркли. Его часто приглашали и в качестве консультанта. В частности, Плансон создал проект внутренней отделки известного в те годы кинотеатра «Фокс» в Сан-Франциско. Участвовал он и в разработке проекта огромного подземного гаража около одного из городских отелей. Он открыл и собственную архитектурную фирму – «V.A. Planson & Co». Гражданство США В.А. Плансон получил 3 марта 1930 г. Натурализация Эмилии Александровны произошла гораздо позже – 10 февраля 1937 г.

Как и многие эмигранты, семья Плансон часто посещала Свято-Троицкий кафедральный собор, основное место для встреч выходцев из России. Там всегда оказывали поддержку эмигрантам, помогая устроиться на работу и давая приют в первые дни. В ян-

¹ Хисамутдинов А.А., Франкбейн И. Архитектор В.А. Плансон...

варе 1934 г. в соборе произошел большой пожар, который значительно повредил внутренние помещения. В восстановлении церкви наряду с другими прихожанами участвовал и Плансон. «Из нового, прекрасного и художественного в соборе, – писал священник А. Вячеславов, – заслуживает внимания нашего и всех любителей церковного зодчества и строительства – прекрасный художественный работы иконостас, сделанный по плану известного архитектора Владимира Антоновича Плансона. Все, что было самого лучшего и выдающегося в архитектуре иконостасов в глубокой древности, В.А. Плансон воплотил в чертежах иконостаса Свято-Троицкого собора»¹.

Фото. Свято-Троицкий кафедральный собор в Сан-Франциско после реконструкции (из коллекции МРК. Сан-Франциско)

С открытием в Сан-Франциско Музея русской культуры Плансон сразу же передал в его библиотеку редкие архитектурные издания. Коллекцию Музея пополнили восемь томов «Архитектурной энциклопедии XIX века», прекрасные альбомы со снимками архитектурных памятников и достопримечательностей Петербурга и Москвы, 29 томов журнала «Зодчий», 12 томов журнала Общества гражданских инженеров, 80 книг

¹ Вячеславов А. Обновленный храм // Новая заря. – 1935. – 8 июня.

по архитектуре и другим инженерным наукам, а также множество фотографий. Хранятся в Музее русской культуры и фотоснимки зданий, спроектированных и построенных В.А. Плансоном во Владивостоке с его автографами.

Архитектор скончался в ночь на 9 декабря 1950 г. после кровоизлияния в мозг. Его похоронили на Сербском кладбище (Serbian Cemetery) в Кольме, неподалеку от Сан-Франциско. В некрологе от Музея русской культуры, помещенном в русской прессе Калифорнии, писали: «В лице В.А. Плансона русская колония Сан-Франциско потеряла высокообразованного и культурного человека, а мы, деятели Музея-архива, лишились того своего члена, который еще при жизни оказал этой молодой организации неоценимую услугу»¹.

Фото. Могила Плансона
на Сербском кладбище в Кольме

Жена архитектора Эмилия Александровна пережила его на четыре года, уйдя из жизни 25 марта 1954 г. После отпевания в старом Свято-Скорбящинском соборе ее похоронили рядом с мужем². Татьяна Владимировна Плансон в 1950–1954 гг. жила в г. Лиме (Перу), получив перуанское гражданство, но в августе 1954 г. вернулись в США. Она ушла из жизни 14 октября 1986 г. Нам же на память о талантливом архитекторе остались прекрасные здания, которыми мы любимся и сегодня.

¹ Константинов П.Ф. Кончина инженера В.А. Плансона // Русская жизнь. – 1950. – Дек.

² Скончалась Э.А. Плансон // Рус. жизнь. – 1954. – 26 марта

8. «ДЕЛО ИХ ЖИВО И ЖИЗНЕННО».

Русский инженерный кружок в Лос-Анджелесе и его деятели¹

О том, что русские инженеры и в эмиграции не утратили инициативы и предприимчивости, говорит создание ими ряда профессиональных общественных организаций. Наиболее крупной и долговечной среди них был Русский инженерный кружок в Лос-Анджелесе. Идея объединения инженеров-выходцев из России родилась в самом начале 1924 г. у инженера Бориса Егоровича Коведяева (1889–1941, Лос-Анджелес), о котором известно лишь то, что он приехал в Сан-Франциско в 1920 г. с женой Надеждой и через шесть лет получил гражданство США. Мыслями о кружке Коведяев поделился с Владимиром Леонидовичем Малеевым (1879–1973, Калифорния), а тот, в свою очередь, рассказал об идее Павлу Павловичу Гудкову (1879–1955, Лос-Анджелес).

Инженера-механика Малеева и горного инженера Гудкова связывала совместная работа в Томском технологическом институте, где оба были профессорами, только Малеев преподавал по кафедре прикладной механики и машиностроения, а Гудков – по кафедре геологии. Они попали в Америку разными путями, но встретились в Лос-Анджелесе. Коведяев, Малеев и Гудков и стали инициаторами объединения русских инженеров в Лос-Анджелесе и его окрестностях. «Кто знает этих энергичных людей, – писала пресса, – тот не удивится, что уже 9-го февраля, не теряя времени, было создано учредительное собрание Кружка».

¹ В основу главы о Русском инженерном кружке легли материалы из коллекции Русско-Американского культурно-просветительского общества (РАКПО) (Музей русской культуры, Сан-Франциско).

На учредительной встрече 22 русских инженера выработали основные положения Устава новой общественной организации. В качестве ее задач были определены следующие: «1). To establish closer connections amongst its members; to aid and promote technical and scientific interests among its members; to assist its members financially by creating saving funds, mutual insurance, consulting and employment bureau, and cooperative shops. 2. To foster, aid and promote intellectual development and recreation amongst its members, their friends and relatives...». (Установить более тесные связи между членами; помогать и содействовать развитию технических и научных интересов среди членов; оказывать помощь членам Кружка в финансовом отношении, создав для этого сберегательные и страховые фонды, бюро консультационное и по трудоустройству, а также кооперативные мастерские. 2. Поощрять интеллектуальное развитие членов Кружка, способствовать организации отдыха среди них, их друзей и родственников).

Не надо удивляться тому, что все учредительные документы Кружка составлены на английском языке: за разрешением на его создание инженеры обратились к властям штата Калифорния. Процедура оказалась довольно долгой: Русский инженерный кружок был официально зарегистрирован спустя полтора года, в июне 1925 г., как Russian Engineering Society of Los Angeles (Общество русских инженеров Лос-Анджелеса). «Пусть Кружок Русских Инженеров, – писали организаторы, – будет центром объединения русских людей техники, ибо для них даже здесь, в Америке, живя американской жизнью и американскими интересами, дороги и близки русский язык, русский склад характера и далекая, почти забытая, но дорогая родина – РОССИЯ» (выделено в тексте – Н.Х.).

Для ведения всех дел инженеры избрали правление из пяти человек. Председателем стал Малеев, а его заместителем – Коведяев. На должность директора избрали горного инженера С.К. Фитингофа, а первым секретарем Кружка – К.А. Левковича. Товарищем председателя и казначеем был избран Григорий Сергеевич Стахевич (Gregory Sergei Stahevitch) (1883, Иркутск – 1956, Лос-Анджелес). Окончив в 1910 г. Горный институт в С.-Петербурге, он работал инженером на российских судостроительных заводах – в Петербурге, Мариуполе, Николаеве. С началом революционных событий 1917 г. Стахевич с семьей переехал в более спокойное

место, Пермскую губернию, где устроился на Лысьвенский чугуно-сталелитейный завод, а в 1919 г. вместе с другими беженцами Гражданской войны оказался на Дальнем Востоке. Некоторое время он работал во Владивостоке помощником начальника цеха судоремонтного завода, но уже в 1920 г. уехал на Яву, где был на службе у Нидерландского правительства и занимал должность помощника начальника мартеновского цеха на сталелитейном заводе при железнодорожных мастерских. Тропический климат оказался

Фото. Г.С. Стахевич (из коллекции МРК, Сан-Франциско)

вреден для здоровья, и в 1923 г. с женой Елизаветой Николаевной и шестилетним сыном Котиком (впоследствии доктор медицины Николай Грэгори – Н.Х.) Стахевич переселился в Калифорнию. Сначала он работал в г. Пасадине, а с 1925 г. перешел на службу в страховую компанию в Лос-Анжелесе, в которой и прослужил до 1948 г., когда вышел в отставку по возрасту. За добросовестную службу он получил лицензию на право вести операции с недвижимостью (Real Estate Broker

License), но, по свидетельству очевидцев, гораздо больше времени посвящал внукам и общественным делам¹.

Благодаря энергии и энтузиазму учредителей новая организация быстро окрепла. При первоначальной невысокой численности объединения, 40–50 членов, и небольшом членском взносе, 50 центов в месяц, Русскому инженерному кружку приходилось во всем соблюдать экономию. Предпринятая в первые годы попытка создать фонд «Наш дом» для приобретения земельного участка и строительства собственного здания, Инженерного клуба, оказалась неудачной. Инженеры-эмигранты еще только вставали на ноги в новой стране, и финансовое положение большинства не было ста-

¹ Малеев В.Л. Памяти Г.С. Стахевича: (Некролог) // Родные дали. – 1956. – № 24 (март). – С. 50.

бильным. Надо отдать должное практической сметке членов Кружка: они не стали витать в облаках и тут же отказались от несбыточных планов. Собранные деньгигодились на организацию Кассы взаимопомощи, из которой уже через два года после основания Кружка стали выдавать ссуды нуждавшимся кружковцам.

Согласно Уставу, членом Русского инженерного кружка мог стать любой человек, получивший инженерное образование, независимо от того, где он учился, в России или другой стране. Поэтому уже среди первых, подавших заявления о вступлении в Кружок, были не только выпускники высших технических учебных заведений России, но и русские эмигранты, получившие образование в Европе, Америке или Китае, а также студенты, получающие инженерную специальность.

Среди первых кружковцев, в частности, был Леонид Владимирович Леонард (1902–1983, Лос-Анджелес). Выпускником гимназии он бежал в 1919 г. из Благовещенска в Харбин, где уже находился его родители и младшая сестра, и вскоре уехал оттуда в США в составе студенческой группы. Во время основания Кружка он учился в Калифорнийском технологическом институте (California Institute of Technology) в Пасадине. Он окончил его в 1929 г. по специальности «Инженер-механик» и в дальнейшем работал в различных компаниях.

В Уставе оговаривался и статус почетных членов Кружка, которыми могли стать «лица, оказавшие особые услуги Кружку или занимающие выдающееся положение в техническом мире». Уже на первом собрании почетными членами были единодушно избраны И.И. Сикорский, С.П. Тимошенко и другие русские инженеры, получившие к этому времени известность в США.

Многие инженеры-выходцы из России по прибытию в Лос-Анджелес или соседние города считали необходимым подать заявление о вступлении в Кружок, хотя были и те, кто через некоторое время выходил из него, ссылаясь на чрезмерную занятость на службе или отдаленное местожительство. Случалось и так, что инженеры, числившиеся в Кружке, посещали его заседания от случая к случаю и избегали уплаты членских взносов. Но большинство состояли в Кружке долгие годы, приводя на встречи жен и других членов семьи, а также американских коллег. Собрания обычно проходили дважды в месяц, по пятницам. Это был наибо-

лее удобный день для встреч, как показал первый опыт жизни в Америке. В субботу большинство инженеров работали полдня и в пятницу могли позволить себе засидеться подольше. Воскресные же дни обычно посвящались семье.

Членство в Русском инженерном кружке инженеров самых разных специальностей способствовало широкой тематике докладов и сообщений, которые делались на заседаниях. В первый год основная нагрузка легла на основателей объединения. Регулярная лекционная деятельность началась уже через десять дней после учредительного собрания, 20 февраля 1924 г., докладом профессора П.П. Гудкова «Современное воззрение на генезис рудных месторождений». Через месяц В.Л. Малеев поделился наблюдениями после посещения американских машиностроительных заводов и новостями о развитии двигателей внутреннего сгорания. Той же весной С.К. Фитингоф рассказал о разрушительном землетрясении в Японии в сентябре 1923 г. и об источниках энергии, а Б.Е. Коведяев выступил с лекцией о методе бурения при помощи индукционных моторов.

«Некоторые из членов-учредителей Кружка высказывали большие сомнения в жизнеспособности созданной организации, – признавались организаторы. – Они утверждали, что докладчиков трудно было находить даже в России, где технические общества насчитывали в своем составе сотни членов и где эти члены были инженерами не только по знаниям, но и по характеру работы и могли черпать темы для докладов из богатой повседневной практики. Чего же можно ожидать от группы из каких-то 20–30 человек, из которых большинство вынуждено заниматься работой, не имеющей к инженерному делу никакого отношения?».

Опасения оказались напрасными: только в первый год работы Кружка на его заседаниях прозвучало двадцать докладов на научно-технические темы. «К чести учредителей надо сказать, что дело их живо и жизненно, – писала газета. – Даже общий беглый обзор этих столь трудных для эмигранта лет говорит о большой культурной работе. По всем отраслям технических знаний, по вопросам физики, математики, естественных наук, истории было более двухсот докладов, лекций, сообщений, собеседований. Всего докладчиков было более 80, некоторые из них делали доклады еже-

годно, а иногда и несколько раз в год. Можно сказать, что в первых рядах идет старая гвардия русских инженеров»¹.

Когда в 1934 г., составляя обзор деятельности Кружка за первые десять лет, задумали проклассифицировать доклады по содержанию, то их пришлось разбить на 17 групп. Выступления часто касались мировых изобретений. Об атомной энергии и возможностях ее применения рассказывал, например, Владимир Михайлович Зайковский (1884, Орел – 1947, Лос-Анджелес). До Октябрьской революции он был профессором Артиллерийской академии и приехал в США в составе приемочной комиссии в командировку (1915), вернуться из которой в Россию ему, видимо, помешали революционные события. Сначала он жил в Нью-Йорке, а в 1922 г. переехал в Калифорнию, где занимался исследованиями в области физики в Калифорнийском технологическом институте и был научным консультантом для ряда компаний².

Перспективам авиастроения посвящал выступления Викентий Викентьевич Лукинский (1889, Ташкент – 1969, Лос-Анджелес). Выпускник Михайловского артиллерийского училища (1910) и Военно-инженерной академии (1918), в Первую мировую и Гражданскую войны он служил в авиации и позднее получил известность как автор учебников «Теория авиации», «Бомбометание с аэропланов», «Курс термодинамики».

Серию докладов прочитал на заседаниях Кружка Михаил Трофимович Зароченцев (1879, Ставрополь – 1964, Лос-Анджелес)³. Выпускник Московского института инженеров путей сообщения, он со студенческих лет занимался исследованиями в холодильном деле, написав несколько книг на эту тему и получив более двухсот патентов. Поселившись в США в 1932 г., он с большим успехом применил здесь громадные познания и собственные изобретения в области замораживания по своему знаменитому «Z» способу. Вице-президент «American Z Corporation» и совладелец компаний «Z-Pack» и «National Frosted Foods Sales Corporation», он

¹ В Русском Инженерном Кружке // Новая заря. – 1940. – 27 дек.

² М.Т.З. Смерть В.М. Зайковского: (Некролог) // Новая заря. – 1947. – 5 авг.

³ О М.Т. Зароченцеве см. 5. «Главный холодильник Америки» М.Т. Зароченцев.

много ездил по миру, внедряя свои изобретения, но всегда откликался на предложения Кружка выступить перед русскими инженерами.

С техникой кинематографической съемки членов Кружка знакомил А.А. Толубеев, арт-директор киностудии в Голливуде¹. Доклад «Беспарусные парусники» сделал однажды В.Л. Малеев, а «Летающий автомобиль-геликоптер» – Е.В. Кэй (Ключанский), занимавшийся вопросами аэронавтики и получивший известность благодаря изобретению нового типа лопастей для вертолета.

Члены Кружка считали своим долгом поделиться с коллегами и впечатлениями о поездках и путешествиях, сопровождая выступления фотоснимками. Так, Леонард, побывав в 1962 г. на Всемирной выставке в Сиэтле, рассказал о ней, а заодно и о природе штата Вашингтон. Большая аудитория собралась на доклад А. Шпилевского и В.Н. Малова, вернувшихся из экспедиции на Аляску. Тот же Шпилевский, посетив во время отпуска Гавайи, продемонстрировал прекрасные фотографии тропической природы островов. Метеоролог Валентин Степанович Лисицын, более двадцати лет возглавлявший государственную метеорологическую службу Эфиопии, выступил с большим докладом об этой стране «Эфиопия: география, климатические и бытовые условия жизни».

Если в первые годы работы Кружка интерес к Советскому Союзу был малозаметен, то в дальнейшем, особенно с началом холодной войны, инженеры стали пользоваться любой возможностью, чтобы узнать новости с родины. На заседания регулярно приглашали людей, совершивших туда деловую или туристическую поездку. О впечатлениях от посещения СССР рассказывали, в частности, инженеры К.П. Тон и Джон Грациано, а также профессор социологии русского происхождения Дж. Дэй, выступивший в апреле 1931 г. с докладом «Экономические изменения в России».

Время от времени кружковцы обращались и к российской истории, выбирая наиболее спорные ее страницы. Так, Владислав Валентинович Эллис (1913, Елисаветград Херсонской губ. (ныне Кировоград) – 1975, Глендел, Калифорния), отец и брат которого

¹ О А.А. Толубееве см. 4. «А.А. Толубеев: от инженера-путейца до арт-директора голливудской киностудии».

стали в 30-е годы жертвами сталинского террора, а сам он в 1936–1941 гг. после окончания Харьковского инженерно-строительного института работал инженером в научно-исследовательском институте «Южшахтпроект», выступил с докладом «Вольнонаемный инженер в лагерях Н.К.В.Д.».

Для привлечения в Кружок свежих сил в нем ежемесячно устраивали доклады молодых русских специалистов, работавших в новейших областях науки и техники. Например, 9 июня 1961 г. Сергей Борисович Удалов сделал сообщение на тему «Методы электромагнитной войны», а через месяц молодой инженер Андрей Борисович Сергеевский выступил с докладом «Астронавты в пространстве: технические проблемы полета и их преодоление». «Для наших молодых товарищей, американских инженеров, – вспоминал очевидец, – доклады в Русском Инженерном Кружке были часто их первыми публичными выступлениями, хотя и перед маленькой аудиторией. Вот этот необходимый для их будущей деятельности опыт они имели возможность приобрести, выступая в Кружке...».

Со временем, когда помимо инженеров в Кружок вступили и другие русские специалисты, тематика докладов заметно расширилась. Так, активным докладчиком проявил себя доктор биологических наук В.И. Черкасов. Заметив у многих кружковцев, обзаведшихся собственными домами, интерес к садоводству, он выступил с докладами «Основные принципы культивирования декоративных растений», «Самородки-садоводы» и «Декоративное садоводство». В 1959 г. Черкасов счел нужным подготовить серию докладов по биологии, целью которых было объяснить слушателям суть конфликта в науке между сторонниками советского биолога Т.Д. Лысенко и учеными западного мира.

У многих членов Кружка помимо техники имелись и другие увлечения, и они охотно делились знаниями. В частности, инженер В.Я. Миклашевский проявил себя знатоком русской литературы, прочитав доклады «Ф.И. Тютчев: литературно-критический очерк» и «Обломов и обломовы». Горный инженер Х.С. Валсамакис, заинтересовавшись американской системой образования, сделал доклад «Новый подход к обучению математике в американских школах».

В историческом очерке отмечалось: «Как техническое общество Кружок русских инженеров носит совершенно своеобразный характер. В других научных и технических обществах членами являются люди одной, часто весьма узкой специальности. В русском инженером кружке состав членов чрезвычайно пестрый. В него входят и геологи, и химики, есть технологи, есть электрики. Сам объем технического образования разнообразен: рядом с профессором, автором научных трудов, сидит скромный член-соревнователь, успевший, может быть, пройти только два курса высшего технического учебного заведения»¹.

Приглашали и сторонних докладчиков. В феврале 1969 г. гостем Инженерного кружка был известный этнограф Иван Алексеевич Лопатин, в то время профессор Южно-Калифорнийского университета (Лос-Анджелес). Его доклад «Этнография и антропология русского Дальнего Востока» был особенно интересен тем русским американцам, кто до приезда в США жил во Владивостоке или других дальневосточных городах.

Примечательно, что по мере старения членов Кружка тематику докладов расширили вопросы сохранения здоровья. Так, в 1960-е годы доктор медицины А.В. Зальца прочитал доклад «Лечение неизлечимого», а член Пироговского общества доктор И.Е. Гончаров выступил с беседой на тему «Как продлить жизнь и сделать ее радостной». Список посетителей Кружка в эти дни показывает повышенный интерес к данным вопросам, тогда как другие лекции собирали куда меньше слушателей.

Низкая посещаемость собраний вызывала озабоченность не только организаторов. «Надо обратиться с просьбой ко всем членам нашего кружка посещать доклады аккуратно и без пропусков, – писал один из инженеров в Правление кружка. – В данный момент главная цель, стоящая перед кружком, – это поддерживать общение между русскими инженерами, живущими в Лос-Анджелесе, и дать им возможность периодически встречаться друг с другом, обмениваться мнениями и техническим опытом. Надо, чтобы каждый приглашал своих друзей и приходил сам, и если

¹ Лосев И.Н. Краткий исторический очерк Русского Инженерного Кружка в Лос-Анджелесе. 1924–1934 гг. Рукопись. Л. 1. (Коллекция РАКПО, МРК)

кто-либо устал от делового дня и ему не хочется никого видеть, все равно пусть приходит, так как, может быть, кто-нибудь из коллег рассчитывал встретиться с ним в этот вечер...».

Посещаемость была важна и по другой причине: публичные лекции давали Кружку средства для пополнения Кассы взаимопомощи. Она оказалась особенно востребованной в годы депрессии, когда многие остались без работы. С мая 1934 г. касса стала называться Фондом помощи безработным членам кружка, в который также шли доходы, получаемые от организации благотворительных мероприятий, а также добровольные пожертвования состоятельных инженеров. Некоторый доход приносила и маленькая кустарная мастерская, где безработные члены Кружка могли подрабатывать, изготавливая счеты и продавая их, главным образом, еврейским лавкам в Голливуде. Условия получения ссуд изменились в сторону упрощения: если раньше их выдавали под поручительство двух членов Кружка и на определенный срок, то теперь для получения денег достаточно было расписки получателя, а возврат их растягивался на неопределенный срок – «отдам, когда смогу».

«Как ни тяжела депрессия, Фонд не умер, – сообщало правление Кружка на очередном собрании. – Существует он всего два с половиной года, а средства его достигли 1000 долларов, и он оказывает помощь не только выдачей ссуд, но и оплатой работы тех безработных членов Кружка, которые помогают при устройстве лекций. Таким образом, лекции создали работу и дали заработок. Стоит ли упоминать, что сами лекторы, такие как господа П.П. Гудков, Олферьев, Дон Левин предоставляли свои услуги бесплатно».

Факты биографии некоторых инженеров дают представление о том, каким способом им приходилось добывать средства к существованию. Дмитрий Яковлевич Кузьменко, например, землемер по образованию, работал сначала шофером в Лос-Анджелесе, был механиком в мастерской, а однажды взялся проводить водопровод, не имея никакого опыта в этом деле, и справился!

«Могу работать садовником, – писал в анкете Иван Кузьмич Биркут, – (прослушал трехмесячные курсы по садоводству, по фруктовому делу, в лагере в Германии, имею удостоверения на английском языке, выданные в лагере [для перемещенных лиц – Н.Х.] в Пассау, уборщиком в больнице, маляром (временно работал в Лос-Анджелесе), плотником (мало работал)».

Порой случалось и так, что потерявшие работу инженеры теряли веру в свои силы и опускали руки, надеясь только на помощь благотворительных организаций и близких людей. Инженеру В.Н. Покровскому (Рое), в частности, Кружок помогал в трудную минуту неоднократно, выписывая чеки на 50, 50 и 15 долларов, но в июне 1963 г., выделив очередную сумму, предложил самому более энергично искать выход из положения.

«Глубокоуважаемый Виктор Николаевич! – писал Покровскому И.С. Свищев, тогдашний председатель Кружка. – Правление Русского Инженерного Кружка вполне понимает сложившееся для Вас, не по Вашей вине, тяжелое материальное положение. Насколько возможно, Правление старалось Вам помочь, надеясь вырвать Вас из беды перед предстоящим получением обещанной работы. Вот и теперь Правление постановило выдать Вам чек на десять долларов. Больше оно ничего не может сделать, так как у Кружка средства очень ограничены, а просьбы, подобные Вашей, поступают время от времени и от других лиц.

Конечно, выдаваемый Вам сейчас чек (10 долл.) не решает вопроса дальнейшего Вашего существования. Если нет возможности получить работу по Вашей специальности, чему, вероятно, уже мешают и Ваши годы, то необходимо искать другие выходы. Здесь, в Америке, выходы есть, и их надо использовать. Можно указать на следующие учреждения, которые Вам помогут:

1 – State Dept (Department) of Social Service. Это учреждение заботится о тех, у кого нет работы и нет средств к существованию.

2 – Bureau of Rehabilitation. Это учреждение учит новому ремеслу и потом дает работу. Даже и во время работы помогает материально.

Не теряйте времени и используйте скорее эти новые пути, дабы не попасть в еще более худшее положение. Одновременно можно, конечно, подыскивать работу и по Вашей специальности, но не возлагайте все надежды только на Вашу старую специальность.

Всего Вам наилучшего. Желаю Вам полного успеха в Ваших новых исканиях.

Искренне Вас уважающий И. С.».

Помимо выдачи денежных пособий Фонд помогал инженерам и в поисках работы. Нередкими были такие объявления: «Просьба ко всем членам Кружка! Один из русских инженеров-электриков,

недавно приехавший в Лос-Анджелес, уже несколько месяцев без службы. Он еще не гражданин, но владеет английским и обладает годом американской практики. Просьба ко всем, кто имеет возможность помочь ему устроиться на работу инженером или чертежником. Позвонить председателю Кружка...».

В течение ряда лет координацию помощи в подыскании работы осуществлял Леонид Владимирович Леонард, который на собственном опыте испытал, как непросто найти себя на чужой земле. Получив в 1929 г. диплом инженера-механика, он не смог устроиться на работу по специальности и поступил в крупную корпорацию «Foster Willer» на должность заведующего чертежным бюро. Только через несколько лет он получил место проектного инженера в Консолидированной стальной компании (Consolidated Steel Corporation), но в полной мере его таланты инженера и администратора проявились в «Shell», одной из крупнейших нефтяных компаний. Быстро продвигаясь по служебной лестнице, Леонард вскоре получил должность главного инженера в отделе природного газа, где и работал до ухода в отставку в 1965 г.

Многим помог и Всеволод Владимирович Ланковский (1890, Владивосток – 1943, Лос-Анджелес), приехавший в США из Владивостока в 1912 г., еще до начала массовой эмиграции, и окончивший гражданское инженерное отделение Калифорнийского университета в Беркли. Автор большого числа инженерных проектов на калифорнийском побережье, он хорошо знал расстановку сил в строительной отрасли и способствовал устройству на работу многих русских, оказавшихся не у дел.

К концу 30-х годов найти работу стало легче. В 1940 г. из сорока кружковцев без работы оставался только один. Газета сообщала: «Интересно отметить, что русские инженеры работают в разнообразных технических областях, так: в федеральном правительстве служат четверо, в городском хозяйстве – шесть, в нефтяной промышленности – четыре, на авиационных заводах – четыре, в кредитных учреждениях и в киностудиях – по три, в химической промышленности – один, в профессуре – один. Остальные работают в частных технических предприятиях, и из всех членов Кружка только один в настоящее время является безработным¹.

¹ В Русском Инженерном Кружке // Новая заря. – 1940. – 27 дек.

После окончания Второй мировой войны помощь понадобилась русским людям, оказавшимся в Германии и желавшим перебраться в США. По инициативе Леонарда в 1945 гг. началась реализация широкой программы: сбор средств, организация продуктовых и иных посылок. Более 5000 долларов было потрачено только на отправку продуктов питания в различные лагеря для перемещенных лиц («Ди-Пи») в Европе. В результате финансовое состояние Клуба оказалось подорванным, впервые за все годы существования инженерного объединения, и клубовцам пришлось срочно исправлять положение.

Помимо материальной помощи инженеры помогали и в организации переезда русских людей из Европы и Китая в Америку, посылая приглашения, без которых невозможно было получить визу в США, а потом способствуя устройству на новом месте. Не случайно, в конце 1940-х – начале 1950-х годов Клубок значительно пополнился новыми членами.

Владислав Валентинович Эллис был одним из тех, кому удалось приехать после войны в США благодаря помощи общественных организаций. До войны он окончил аспирантуру при Харьковском инженерно-строительном институте, где получил специальность инженера-строителя, собираясь в дальнейшем преподавать в нем. В 1941 г. Эллиса призвали в армию, и вскоре он попал в плен. В Германии он работал по специальности – инженером в Управлении строительства государственной железной дороги (Reichs Bahnbaudirektion). В 1945 г. ему удалось избежать насильственной репатриации, и в 1947 г. вместе с женой Евдокией Григорьевной он переехал в Бельгию, где работал на угольных шахтах. В 1956 г. супруги эмигрировали в США и поселились в Калифорнии. Среди объектов, в строительстве которых участвовал Эллис, были аэродромы, метро и даже космодром.

«Владислав Эллис был выдающимся инженером, – писали о нем. – Многие проекты осуществились благодаря его знаниям, настойчивости и опыту. Он был всюду, где требовались отвага и крепкие нервы: будь то на постройке платформ во Флориде, откуда запускались межпланетные корабли; или в тяжелых условиях Вьетнама; при напряженной работе в Тунисе и, наконец, в Португалии, где ему пришлось быть свидетелем первых дней револю-

ции. И лишь последнее назначение – на Аляску, о котором он мечтал, пресекла неожиданная смерть...»¹.

Многие русские эмигранты по пути в США прошли лагеря для перемещенных лиц, организованные в послевоенной Европе, в том числе и один из активнейших общественных деятелей русской общины в Лос-Анджелесе Иван Сергеевич Свищев (Svischev), (1875, Харьковская губ. – 1973, Лос-Анджелес). Окончив в 1907 г. Академию Генерального штаба по геодезическому отделению, он преподавал в Военно-топографическом училище, где сам учился до поступления в Академию, и в Политехническом институте в Петербурге / Петрограде. Во время Гражданской войны генерал-майор Свищев вступил в Добровольческую армию, был зачислен в резерв и избран профессором Екатеринодарского политехнического института.

В эмиграции он жил в Югославии, где преподавал на техническом факультете Белградского университета. Его неутомимая натура и тяга к общественной работе проявились уже здесь. Обнаружив, что многие русские беженцы не могут найти работу по специальности, он открыл в Белграде землемерные курсы, которые окончили более трехсот эмигрантов, получив тем самым возможность обеспечить существование. По его рекомендации около ста русских военных топографов были приняты на службу в Военно-географический институт, где Свищев был начальником научного отдела. Когда правительство Югославии сократило размер денежной помощи русской студенческой молодежи, профессор Свищев организовал Комитет помощи русским студентам, которым сам и руководил. Об авторитете, которым русский офицер пользовался в Югославии, говорит его назначение профессором Высших геодезических курсов для офицеров Королевской армии.

В 1944 г. Свищев переехал в Германию. Окончание войны застало его в американской оккупационной зоне, и он оказался в лагере «Ди-Пи» «Шляйхсгеим» под Мюнхеном. По свидетельству очевидцев, он и там не остался без дела: организовал и возглавил квалификационную комиссию, выдавшую более 40 тыс. свидетельств о наличии профессии, которые позволили многим

¹ Шохин А. В.В. Эллис [некролог] // Родные дали. – 1975. – № 259 (окт.)

«Ди-Пи» выехать из Германии в другие страны и получить там работу по специальности¹. Сам Свищев в 1949 г. эмигрировал в США, став душой нескольких общественных организаций: помимо Русского инженерного кружка он работал в Обществе русских ветеранов, Комитете помощи русским военным инвалидам, Обществе офицеров Корпуса военных топографов, Обществе «Русский Сокол» и др.

Не забывал он и Югославию. После землетрясения в югославском г. Скопье в апреле 1979 г. Иван Сергеевич организовал Комитет помощи русским людям. Особо генерал Свищев опекал слепых русских инвалидов, оставшихся в Югославии, регулярно организовывая сбор средств для них. Им же он попросил переслать и все деньги, собранные участниками торжества по поводу его 90-летия в 1965 г.² На празднование юбиляра, оставившего добрый след в России, Югославии, Германии и США, тогда собралось почти пятьсот человек.

Через лагерь «Шляйхсгеим» прошел и Николай Никандрович Малов (1875, Тверь – 1952, Лос-Анджелес), до революции профессор теоретической физики и электротехники в высших учебных заведениях России. «Вся долгая жизнь Николая Никандровича была посвящена страстному желанию поделиться с людьми научными познаниями, всем своим огромным и разносторонним запасом знаний, – вспоминали очевидцы. – И во времена тяжелых испытаний русской эмиграции в лагерях в Германии он остается верен своему призванию. Он принимает живое участие в деятельности Объединения инженеров – то состоит преподавателем на каких-либо курсах, то редактирует и пишет для журнала “Новости науки и техники”, то читает лекции на научные и популярные темы. Живейшее участие Николай Никандрович принял и в организации в г. Кемптене русской гимназии, в которой состоял преподавателем до своего отъезда из лагеря в США. По прибытии в Лос-Анджелес он принял деятельное участие в культурной жизни русской колонии – мало кто из русских не знал и не любил Николая Никандровича»³.

¹ Юбилей И.С. Свищева // Согласие. – 1965. – № 169 (окт).

² Петров А. Профессор Генерального штаба генерал-майор Иван Сергеевич Свищев // Русская жизнь. – 1955. – 8 окт.

³ Б.Е. Памяти Н.Н. Малова // Согласие. – 1952. – № 9 (июль)

2,3-12

RUSSIAN SOCIETY OF ENGINEERS AT LOS ANGELES, CALIFORNIA.

1. ALBIN, V.I. 1033 No. Alexandria Ave., L.A. 29. NO. 2-3781
2. ALIMOFF, W.A. 249 So. Palm Drive, Beverly Hills, Calif. CR. 6-4500
3. ANTONOV, I.A. 731 So. Kingsley Drive, L.A. 5 DU. 8-1092
4. BASKEVICH, M.M. 5440 Barton Ave., L.A. 38 HO. 4-5922
5. CHERNOV, S.I. 1715 Rodney Drive, Apt. 2, L.A. 27 NO. 3-1356
6. CHOKHINE, A.T. 4085 Leeward Ave. L.A. 5 DU. 3-7917
7. CRASSUS, V.M. 2255 Montrose Ave., Montrose, Calif. GR. 8-7540
8. DE WITTE, Serge 2206 Kelton Ave., L.A. 64 HO. 7-0764
9. EYSELY, M.A. 339 No. Norton Ave., L.A. 4
10. FEDEROFF, B.T. 1855 Speedwell Ave., Morristown, New Jersey.
11. FLETCHINGOFF, S.C. 305 32nd Str., Newport Beach, Calif.
12. GALUSHKIN, P.V. 4568 Fourth Ave., L.A. 43
13. GIRITSKY, S.N. 640 NO. Chester Ave., Pasadena, Calif. SY. 2-8728
14. HRUSHOW, W.R. 801 So. Westchester Place, L.A. 5 DU. 3-3985
15. IGNATIEV, I.I. 1612 No. Cherokee Str., L.A. 44x28
16. KURO, J.W. 2120 Cove Ave., L.A. 26 NO. 2-2644
17. LEKO, K.A. 1187 No. Ardmore Ave., L.A. 29 NO. 4-1744
18. LEONARD, L.V. 6200 Lindenhurst Ave. L.A. 48 WE. 3-0759
19. LUKINSKY, V.V. 658 Tulareca Str., L.A. 26 NO. 3-5979
20. LYSENKO, S.N. 130 No. Los Robles ave. Apt. 3, Pasadena, Calif. EA. 2-3498
21. MADADJIAN, A.P. 135 W. Palm Ave., El Segundo, Calif.
22. MARLASH, D. 1107 Waterloo Str., L.A. 26
23. MARTINENKO, I.J. 1728 So. Genevieve Str., L.A. 19 WE. 9-5518
24. MASLANTSEV, A.V. 1839 No. Taft Ave. L.A. 28
25. MELISSARATO, G.D. 839 Mullen Ave., L.A. 35 WE. 9-9972
26. MERGIR, K.A. 1516 No. Kingsley Drive, L.A. 27 NO. 2-5848
27. MILUKOFF, A.A. 4239 Russell Ave. L.A. 27 NO. 4-0381
28. PAICHILVSKY, V.I. 5283 Illerwood Drive, L.A. 41 CL. 7-6166
29. PASZKOVSKY, M.L. 2622 San Marino str., L.A. 6 DU. 3-1763
30. PESTROV, M.N. 8114 No. Bonnie Rae Str., L.A. 26 DU. 9-3319
31. POTAPLKO, G.V. 1718 Oakdale Str., Pasadena, Calif. SY. 2-7874
32. SAKOVITCH, A. 8164 No. Coronado Str., L.A. 26 DU. 2-6434
33. SALTER, B.N. 509 So. Painter Ave., Whittier, Calif. WH. 4-3258
34. SEMENOVSKAYA, S. 307 So. Beachey Place Anaheim, Calif. TA. 8-0561
35. SHATIROFF, N.K. 1475 No. Los Robles Str., Pasadena, Calif. SY. 4-7687
36. SERGEYEVSKY, A.B. 955 Vengano Ave., L.A. 48 NO. 4-5689
37. SHAFCHENKO, I.P. 3606 Bellevue Ave., L.A. 4x26 NO. 4-1453
38. STAMPORD, W.G. 450 So. St. Andrews Place, L.A. 5 DU. 2-0957
39. STASHILVSKY, G.V. 5604 Via La Paz, Pacific Palisades, Calif.
40. SVISCHILV, I.S. 5440 Barton Ave., L.A. 38 HO. 4-5922
41. TERENTIEFF, V.E. 1311 No. Edgemont Str. L.A. 27 NO. 4-4691
42. VALSAMAKIS, C.S. 1336 9th Str., Manhattan Beach, Calif. FR. 6-8310
43. VASIAN, L.G. 2127 Canyon Drive, L.A. 28 HO. 4-6503
44. VEHR, V.N. 2440 Arthur Str., L.A. 4x65 CL. 4-1566
45. VERIGIN, F.N. 614 No. Oxford Ave., L.A. 29 HO. 7-9260
46. ZAROCHENTZEFF, M.T. 621 No. Harvard Blvd., L.A. 4x27 NO. 4-6656
47. *Cherkassov V.I. 700 Hint Ridge Ave. Pasadena 3, September 1958. SY. 4-02218*

MUSEUM OF RUSSIAN CULTURE
2480 SUTTER STREET
SAN FRANCISCO, CALIFORNIA 94115

Фото. Список членов Русского инженерного кружка (сентябрь 1958 г.)
(Из коллекции РАКПО. МРК, Сан-Франциско)

У многих русских инженеров путь в США был довольно извилистым. Николай Иванович Белоусов (1898, Екатеринодар (ныне

Краснодар) – 1973, Лос-Анджелес), например, прошел через Чехословакию, Германию и Абиссинию, пока попал в Америку. Во время Гражданской войны он прервал учебу в Петро-Разумовской сельскохозяйственной академии в Москве и вступил в Добровольческую армию, пройдя ускоренный курс Михайловского артиллерийского училища. После расформирования его подразделения в 1921 г. он приехал в Чехословакию, где в 1926 г. завершил начатое в России сельскохозяйственное образование и получил диплом инженера-агронома. В годы Второй мировой войны в оккупированной немцами Чехословакии появились русские военнопленные, занятые на всяких тяжелых работах, в том числе и в сельском хозяйстве. Немало их было и в Моравии, где работал Белоусов. Он старался проявлять заботу о них, чем навлек на себя гнев оккупантов и был арестован. Помогло заступничество начальства: агронома освободили, взяв обещание держаться подальше от «остов», как называли русских военнопленных и жителей оккупированных территорий, отправленных на работы в Германию.

Окончание войны и освобождение Чехословакии от немцев не принесло облегчения Белоусову. Его уделом, как и большинства русских, оказавшихся в Европе, были лагеря для перемещенных лиц. Видимо, его привлекали к работе в квалификационной комиссии, о чем свидетельствуют следующие слова: «Своей деятельностью и заботой о нуждах ДиПи Николай Иванович завоевал общую признательность и благодарность, особенно за выдачу удостоверений советским пленным, этим спасая их от преследований советской репатриационной комиссии»¹.

В 1950 г. вместе с группой сельскохозяйственных специалистов Белоусов эмигрировал в Абиссинию (Эфиопию), где работал на съемке имения императора Хайле Селасси. Благодаря знанию французского языка он также читал лекции в сельскохозяйственном колледже в г. Амбо. Эмигрировав в 1955 г. Америку, Белоусов всецело посвятил себя благотворительной и общественной работе в Лос-Анджелес. Помимо Русского инженерного кружка он состоял в организации военных инвалидов, был председателем Комитета помощи престарелым и председателем группы Первопоходников.

¹ Георгиевский В. Некролог // Согласие. – 1974. – № 268 (январь). – С. 59–60.

В 1952 г. в Кружок вступил инженер путей сообщения Федор Николаевич Веригин (1879, обл. Войска Донского – 1963, Лос-Анджелес). После окончания Московского института инженеров путей сообщения он работал на строительстве и эксплуатации железных дорог в России, преподавал в высших учебных заведениях. В 1930 г. его арестовали и осудили по политической статье. Веригин отбывал заключение на строительстве канала Москва–Волга, работая по специальности. После освобождения в 1934 г. он подготовил и защитил в 1937 г. диссертацию на звание магистра технических наук и вернулся к преподаванию в вузах. Сведений о его дальнейшей судьбе обнаружить не удалось, известно лишь, что в Лос-Анджелес Веригин приехал в 1951 г.

В марте 1954 г. в Кружок приняли Игоря Александровича Автамонова (1913, Севастополь – 1995, Лос-Анджелес). В эмиграцию он попал с родителями в 1920 г. и образование получил в Югославии, где сначала окончил русский кадетский корпус, а затем машиностроительное отделение Белградского университета с дополнительным курсом по авиастроительной программе. Авиацией инженер увлекся в студенческие годы, был членом правления Русского Сокольского общества в Белграде, где основал и вплоть до войны вел сокольскую группу планеристов. Он сам много летал и учил летать других на приобретенных и построенных группой планерах, один из которых был торжественно освящен И.И. Сикорским при его посещении Белграда. Получив в 1937 г. диплом инженера-механика, Автамонов работал в югославской авиастроительной фирме «Икарус», а в 1942–1945 гг. – в Германии, в фирме «Мессершмитт». Переехав в 1947 г. в США и получив американское гражданство, он устроился инженером-конструктором в крупную аэрокосмическую компанию «Норт Америкэн Авиэйшн» (North American Aviation), где получил известность, создав ряд конструкций электромеханических подсистем управления для боевых и учебных самолетов. В этой фирме он прослужил более 25 лет, до ухода на пенсию, участвуя и в создании космического челнока «Шатл» (Shuttle).

Схожей была судьба и Николая Андреевича Евсеева (1905–1984). Окончив, как и Автамонов, технический факультет Белградского университета, он до 1944 г. работал инженером-строителем в Югославии, а затем несколько лет провел в Германии. После

окончания войны Евсеев до 1950 г. участвовал в работе Международной комиссии по делам беженцев (International Refugee Organization (IRO)), пока не уехал в США. На момент подачи заявления о приеме в Русский инженерный кружок, он работал помощником инженера в компании, занимавшейся гражданским строительством и топографическими работами (Civil Engineering & Land Surveying Co).

В начале 1950-х годов членами Русского инженерного кружка стали химик Александр Васильевич Знаменский, инженер путей сообщения Владимир Николаевич Верхоглядов (V. Vehr), горный инженер Христофор Спиридонович Валсамакис, военный инженер Иван Иванович Игнатьев, инженер-электротехник Николай Михайлович Баскевич, инженер-строитель Сергей Николаевич Жирицкий и др. Для новых иммигрантов в Кружке были организованы уроки английского языка, которые бесплатно проводили П.П. Гудков, Л.В. Леонард и госпожа Е.П. Куриленко, жена одного из кружковцев.

В марте 1954 г. в Лос-Анджелесе широко отметили 30-летний юбилей Кружка русских инженеров, «старейшей организации белых русских в Южной Калифорнии», «прекрасного русского профессионального объединения», как назвали его в местной газете, напечатавшей несколько материалов о Кружке. От лица всей русской общины газета поблагодарила инженеров за помощь безработным и русским людям в Европе и сообщила такой факт: более 300 лекций на самые разные темы было прочитано в Кружке за эти годы, как инженерами, так и приглашенными лекторами.

Поскольку публичные доклады давали Кружку основные средства для благотворительности – за посещение их кружковцы платили 25 центов, а все остальные лица – 50 центов, – в 1960-е годы председатель правления генерал И.С. Свищев развил бурную деятельность по приглашению докладчиков, разослав письма русским исследователям по всей Америке. «Уважаемый Сергей Константинович! – писал он в июне 1962 г. С.К. Паркеру. – В Лос-Анджелесе существует Общество Русских Инженеров, скромно именующее себя по-русски “Русский Инженерный Кружок”. В данный момент я являюсь его председателем. Я очень Вас прошу на одном из собраний этого Кружка сделать доклад... Ближайшее собрание состоится в пятницу 14 июля. Повестку этого собрания

при сем прилагаю. Буду очень рад, если Вы вместе с Вашей супругой пожелаете на наше собрание, где мы и побеседуем о Вашем докладе...».

«Глубокоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич! – отвечал Паркер. – Было для меня приятной неожиданностью получить от Вас приглашение посетить доклад 14 июля, а также впоследствии самому прочесть доклад там же. Оба предложения почитаю для себя за честь, тем более что исходят они от Вас. Мысль прочесть доклад в Обществе Русских Инженеров была давно у меня в связи с созданием Института Русской Культуры. Предлагаемая тема для моего доклада должна быть близка русскому инженеру-строителю и взята из области русской культуры. Предполагаемая формулировка – “Соразмерность архитектурных форм в древнем русском храмостроительстве”. Фотографии для демонстрации на экране пока не готовы. Надеюсь быть готовым к осени, вероятно, у вас будет летний перерыв. Но если нужно поторопиться, могу взять другу тему – “Десятичная церковь в Китае по последним данным археологических раскопок”... Первая тема интереснее для инженеров и – менее – для публики, вторая тема доступнее для публики, но интересует преимущественно русских историков...».

Откликнулся на просьбу Свищева и инженер А.Т. Малюта из Сан-Франциско: «Благодарю Вас за столь любезное и лестное для меня приглашение. Я с удовольствием им воспользуюсь и приготавливаю доклад для Русского Инженерного Кружка... Я работаю в области электроники и хотел бы, если Кружок это интересуется, читать доклад именно на эту тему».

Доходы от публичных лекций и других мероприятий позволили инженерам со времени еще больше расширить благотворительную деятельность. В 1962 г. они пожертвовали сто долларов на строительство здания для приходской школы в Лос-Анджелесе, за что их горячо поблагодарил в письме настоятель прихода протоиерей Д. Гизетти, большой друг Инженерного кружка, предоставивший церковные помещения для встреч инженеров и часто посещавший их заседания.

Фото. Плакат, подготовленный инженерами к 35-летию Русского инженерного кружка (Из коллекции РАКПО. МРК, Сан-Франциско)

В апреле 1963 г. подобная благодарность была получена из Парижа, от старосты Александро-Невского кафедрального собора инженера В.Н. Загоровского и председателя комитета по капитальному ремонту собора князя Н.С. Трубецкого. «Ваше щедрое участие и Ваш сердечный отклик на наш призыв трогает нас до глубины души, и мы верим, что при такой общей поддержке нам удастся сохранить это памятник русского церковного зодчества. Соблаговолите принять, Господа Инженеры, выражение нашей искренней и глубокой благодарности!».

Откликнулись инженеры и на просьбу писателя В.Н. Нарокова помочь пожилому энтомологу Н.И. Баранову, попавшему после войны в Пакистан и оказавшемуся там без средств к существованию. На очередном заседании Клуба был организован сбор пожертвований в пользу русского ученого, который дал 44 доллара. При этом было высказано предложение завести урну для добро-

вольных пожертвований и ставить ее в зале во время всех последующих встреч.

В кружке существовал Фонд помощи русским студентам в США, который с 1955 г. после ухода из жизни П.П. Гудкова стал носить его имя. Ежегодно Фонд назначал несколько стипендий русским студентам младших курсов для продолжения учебы и давал ссуды старшекурсникам сроком на год, с условием, что по окончании учебы и получением стабильного заработка они вернут деньги Фонду. Во второй половине 1958 г., например, Фонд выдал ссуды трем студентам выпускных курсов (400, 400 и 300 долларов) и назначил три стипендии на предстоящий учебный год.

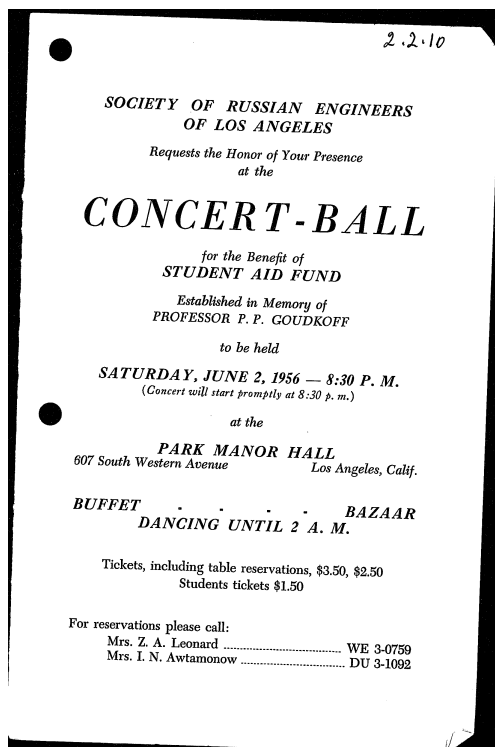

Фото. Объявление о благотворительном вечере Русского инженерного кружка в пользу русских студентов в США и в память об организаторе Фонда помощи русским студентам профессоре П.П. Гудкове
(Из коллекции РАКПО. МРК, Сан-Франциско)

«Забота о получении высшего образования русской молодежью не может принадлежать только Инженерному кружку, – обращалось правление Фонда через русскую прессу Калифорнии ко всей русской диаспоре. – Все наши русские организации, да и отдельные лица, должны принять участие в этой заботе и помочь нашей молодежи добиться окончания высшей школы. По всем наблюдениям, наша русская молодежь стремится к получению высшего образования, но иногда экономические условия заставляют некоторых отказаться от своих намерений и бросить начатое обучение. В подобных случаях даже помощь в 200–300 долларов может спасти положение и дать возможность молодому человеку или девушке достигнуть своей цели и окончить Высшую школу».

Средства Фонда помощи русским студентам имени профессора П.П. Гудкова иногда шли и в другой студенческий фонд, Russian Student Fund, организованный американцами в 1921 г. в Нью-Йорке и имевший отделение в Калифорнии. В свое время члены Кружка Л.В. Леонард, Н. Сенаторов, Г. Керн получили финансовую помощь из этой организации на окончание университета, и, судя по переписке, между двумя фондами помощи русским студентам было налажено тесное общение и сотрудничество.

В июле 1956 г. почетный профессор социологии Оксидентал-колледжа (Occidental college) в Лос-Анджелесе Георгий Дэй (George M. Day) писал Л.В. Леонарду, в то время председателю правления Кружка: «How pleasant it was to me to be associated with you and Prof. Svistchev and Mr. Stanford last Tuesday evening in the joint meeting of your Goudkoff Memorial Fund and our California Committee. I was really quite proud of you in your capacity as President of the Russian Engineers' Society. It is a source of great delight to me personally to see how you and Nick Senatoroff and Mr George Kern, all alumni of the Russian Student Fund, are all doing such magnificent work now on behalf of the younger generation of Russians who desire the benefits of a university education. Keep up the good work and as we Russians say, "Many, many Years!"» (Как приятно было мне встретиться с вами, проф. Свищевым и господином Станфордом во вторник вечером на совместном собрании вашего Фонда имени Гудкова и нашего Калифорнийского отделения. Я горжусь вашими достижениями в должности председателя Русского инженерного общества. Мне очень приятно видеть, как вы, Ник Сена-

торов и Джордж Керн, все стипендиаты Русского студенческого фонда, делаете так много для молодого поколения русских, желающих получить университетское образование. Продолжайте эту важную работу и, как мы, русские, говорим, многие, многие лета!).

Члены Кружка помнили свои студенческие годы и всегда отмечали Татьянин день. 25 января 1962 г. с приветственным словом на празднике выступил М.Т. Зароченцев: «Когда за рубежом собираются русские люди, чтобы отпраздновать Татьянин день, то это не должны быть грустные поминки по былой России, а бодрый праздник веры в неуываемое бессмертное величие Родины, веры в ее прекрасные мощные движущие силы, ее преданности вечной красоте и правде... Татьянин день – истинный праздник русского сердца, русской души... “Духа не угащайте” – вот проникновенные, великие слова, высеченные на фронте университетской церкви при Московском университете, первом в России. В этой удивительной эмблеме первого организованного очага знаний выразилась вся красота русской души. Нет разговоров о материальных достижениях, экономическом развитии и обогащении страны. Высшая ценность для русского духа – это его культура... А поттому здесь, за рубежом, не надо отчаиваться о судьбах дорогой нам Родины: она не может задохнуться ни в дыму пожаров, ни в чаду несправедливостей, гонений, насилия, кривды, вожделений. В ней ДУХ НЕУГАСИМЫЙ» (выделено в тексте – Н.Х.). После речи все собрание спело студенческий гимн «Gaudeamus Igitur».

На общем годовом собрании 6 февраля 1959 г. в Устав Русского инженерного кружка были внесены некоторые изменения. Закрывался доступ в Кружок «членам коммунистических группировок и лицам, исповедующим коммунистические убеждения». Были также расширены границы деятельности Фонда имени профессора П.П. Гудкова: ему разрешалось оказывать помощь не только студентам, но и другим категориям нуждавшихся, тем более что к этому времени большинство членов Кружка имели стабильный заработок и не отказывались выделять деньги на благотворительность.

«У нас в Обществе Русских Инженеров существует Фонд помощи имени проф. Гудкова, – писал 14 марта 1962 г. председатель правления И.С. Свищев Е.Е. Колосовской, приславшей Кружку чек на 250 долларов в память скончавшегося двоюродного брата-

инженера. – Из этого Фонда мы помогаем: неимущим старым русским инженерам или их осиротевшим супругам, а иногда и их детям; помогаем русской молодежи для получения образования и т.д. Средства наши для этого небольшие, и мы их получаем: от части членских взносов, от докладов, пожертвований, даже иногда устраиваем балы. За Ваш дар нашему Обществу в память инженера Ивана Яковлевича Мартыненко мы будем Вам очень благодарны. Присланные Вами деньги пойдут, если Вы хотите, исключительно на помощь старикам-русским инженерам, или и на другую помощь, если Вы укажете».

Русский инженерный кружок продолжал присваивать наиболее отличившимся деятелям почетное звание. В феврале 1959 г., например, на общем годовом собрании почетными членами кружка были избраны инженеры К.А. Леко, Н.Н. Пестрово, В.Е. Терентьев, М.Т. Зароченцев. В 1962 г. это звание было единогласно присвоено авиаконструктору Владимиру Александровичу Алимову, прослужившему 25 лет в Douglas Aircraft Co (Лос-Анджелес) и все эти годы активно работавшему в Кружке.

23 февраля 1962 г. письменное уведомление об избрании почетным членом было отправлено профессору Геннадию Васильевичу Потапенко (1894, Кимры – 1979, Лос-Анджелес): «В течение более 30 лет Вы читаете лекции по физико-математическому отделу и ведете научные работы..., но Вы всегда находили возможность посещать наши собрания и доклады, делаемые членами Кружка, и сами неоднократно выступали с таковыми, начиная с 1936 года... Мы, Ваши коллеги по Рус[скому] Ин[женерному] К[ружку], постановили просить Вас принять на себя звание Почетного члена Р.И.К., пожелать Вам дальнейших успехов в области науки, а также всякого благополучия и здоровья на многие годы».

Выпускник физико-математического факультета Московского университета, до эмиграции Потапенко работал в Берлинском и Гёттингенском университетах, занимаясь исследованием радиоволн, а в США стал профессором Калифорнийского технологического института, обладателем нескольких американских и британских патентов в различных областях науки и техники. «Во время Второй мировой войны, – сообщала газета, – профессор Потапенко изобрел первые ультракороткие волны радара, улучшил инструменты для определения расстояния, спроектировал особую сис-

тему охлаждения моторов, благодаря которой бомбардировщики смогли летать на большой высоте... Он оставил после себя много написанных им научных статей, монографий и других трудов по физике и геофизике, за что получил несколько орденов и наград»¹.

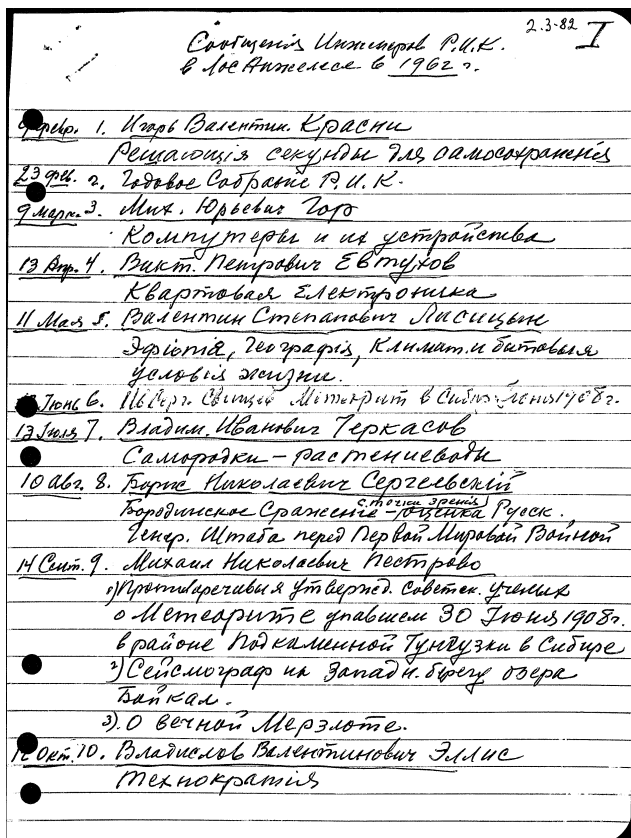

Фото. Список докладчиков Русского инженерного кружка в 1962 г.
(Из коллекции РАКПО. МРК, Сан-Франциско)

Одно из изобретений профессора – Aseptic Air System, способ очищения воздуха в операционных залах, который с успехом при-

¹ Шохин А. Смерть проф. Г.В. Потапенко: некролог // Родные дали. – 1979. – № 305 (авг.).

менялся во многих больницах Калифорнии в 1960-е годы и назывался не иначе, как «Новый метод профессора Г.В. Потапенко». Избрание ученого почетным членом Кружка было связано с его уходом в отставку после 32 лет преподавания и исследовательских работ по физике и геофизике в Калифорнийском технологическом институте.

Фото. Заседание Русского инженерного кружка (1970-е годы)
(Из коллекции РАКПО. МРК, Сан-Франциско)

В 1964 г. многим русским американцам из числа деятелей науки и культуры были посланы приглашения на банкет по поводу 40-летия Кружка. Не забыли и вдов бывших кружковцев: приглашения получили Валентина Петровна Гудкова, Надежда Степановна Коведяева, Вера Александровна Зароченцева и др. Из двухсот гостей на праздновании присутствовал только один из тех, кто стоял у истоков Кружка – инженер Константин Апполонович Леко (1886–1973, Лос-Анджелес), продолжавший активно работать на общественной ниве. Другой основатель инженерного объединения в Лос-Анджелесе, Б.А. Бушуев, не смог приехать из-за болезни. Неважное самочувствие помешало присутствию на банкете и по-

четного члена Кружка «гордости русской науки и техники» Игоря Ивановича Сикорского, которого все очень ждали. Не приехал и Степан Прокопьевич Тимошенко, которому пришлось задержаться в Европе: он сломал ногу и мог передвигаться только на костылях.

В 1967 г. по инициативе нового председателя правления Николая Алексеевича Калякина было решено выяснить мнение членов и друзей кружка относительно его будущего. Правление распространило анкету, содержащую три вопроса: «Каково ваше мнение о настоящей деятельности Кружка? В какой области вы считаете возможным и желательным расширение работы Кружка? Какое участие Вы можете принять в деятельности Кружка?»

«Организация весьма необходимая, – ответил В.А. Алимов. – Русские люди нуждаются в ней как культурном развлечении, и кружок должен продолжить свою деятельность в этом направлении». Он посоветовал русским инженерам записываться и в американские профессиональные сообщества. А.В. Гаев (A.V. Naeff) посетовал, что в Кружке стало мало технических докладов, предлагая устраивать их хотя бы раз в месяц. В. Прибытнов (V. Pribitnov), напротив, советовал чаще проводить доклады на общественные темы, приглашая докладчиков и из других городов. М. Умидов считал, что следует больше привлекать молодых людей, устраивая вечеринки, «может быть, без танцев, но с концертной программой», сообщая о них через объявления в газетах и журналах. Его поддерживал И.И. Игнатьев, предлагавший чаще собираться на дружеское общение за чашкой чая. «Для нас, старожилов, – говорится в его анкете, – Кружок сыграл очень большую роль в начале нашей иммиграции в Америку лет 35 тому назад и помог многим инженерам найти себя. Позже мы собирались попросту, чтобы встретиться, послушать приезжих или проезжающих докладчиков».

Лишь одна анкета содержала критические замечания по поводу общественной деятельности инженеров. Инженер-конструктор Борис Иванович Белоусов, приехавший в США в 1949 г. после учебы и работы в Европе, называл кружок «сонливо-вялой рутинной без проявления жизни и инициативы». Вместе с тем, собственного участия в работе Кружка он не планировал, написав, что этому мешает «перегруженность антикоммунистической и политической деятельностью».

В ноябре 1968 г. инженеры из Лос-Анджелеса откликнулись на просьбу Ассоциации русско-американских инженеров в США (Russian-American Engineers in the USA), созданной в 1948 г., принять участие в подготовке задуманной ими книги «Русская эмиграция и ее культурная деятельность. 1917–1968». Идея этого издания была поддержана кружковцами, и уже к концу 1968 г. в Нью-Йорк были отправлены первые десять заполненных опросных листов, а также подробная информация о Клубе русских инженеров вместе с полным списком его деятелей. Увы, планируемая книга так и не была издана.

Хотя официальной датой создания Клуба считался 1925 г., сами инженеры вели отсчет его существования с февраля 1924 г., когда идея объединения русских инженеров в Лос-Анджелесе только начинала воплощаться в жизнь, и весной 1974 г. было решено отметить 50-летие Клуба. Праздник состоялся 24 мая в большом зале при церкви Иконы Божьей Матери «Взыскание погибших».

«Задолго до начала собрания, – сообщалось в отчете, – начала собираться публика, дамы были в длинных туалетах. Гостей встречали главный распорядитель вечера инженер А.Т. Шохин и секретарь Общества С.Н. Куличков с супругой. Публика направлялась к бару и непринужденно беседовала. В восемь часов вечера собрание было открыто председателем инженером Н.М. Баскевичем, который попросил всех членов Правления Клуба занять места за главным столом, а остальных гостей садиться, где кто хочет. За столом Президиума заняли места почетный председатель Общества инженер Л.В. Леонард с супругой, председатель (избранный на год) инженер Н.М. Баскевич с супругой, секретарь инженер С.Н. Куличков с супругой, казначей инженер Г.И. Расадин с супругой и инженер Н.И. Чарторижский с супругой. Остальные гости, которых собралось более ста человек, заняли места за сервированными к ужину столами, обильно украшенными живыми цветами».

Среди гостей были представители русских общественных организаций Лос-Анджелеса: Кают-компании, объединявшей моряков русского происхождения, Общества ветеранов, Объединения кадетов, Общества юных разведчиков, Общества галлиполийцев, Общества «Русский сокол», Общества первопоходников, Общества

сестер милосердия, Общества ГОШЕ и др. В своих кратких выступлениях они желали Кружку дальнейшего процветания, но, увы, всем русским инженерам было ясно, что лучшие дни Кружка уже позади. Взявший слово председатель Н.М. Баскевич с первых же фраз заявил, что после славного прошлого, о котором докладывал почетный председатель инженер Леонард, на его долю выпало говорить о безотрадном настоящем и туманных видах на будущее.

«Дело в том, что старшее поколение инженеров, по неумолимым законам природы, уходит, а смены ему нет, — говорил Баскевич. — Все усилия, в течение многих лет, привлечь в Кружок молодых русских инженеров, окончивших институты уже здесь, в Америке, увы, не увенчались успехом. У них есть свои, американские объединения, и наш Кружок их не интересует. При такой ситуации жизнеспособность Кружка стала падать, особенно в последнее десятилетие. Уменьшилось число членов, ослабла их активность и, что самое главное, Кружок начал отставать от убегающей вперед науки и техники. Не стало докладчиков на современные технические темы. А если бы и были, их некому было бы слушать. Кружок теряет свое профессиональное лицо»¹.

Фото. Могилы членов Русского инженерного кружка В.Л. Малеева, И.Я. Мартыненко, Ф.Н. Веригина на Сербском кладбище в Лос-Анджелесе (фото автора)

¹ Золотой юбилей // Русская жизнь. — 1974. — 14 июня.

Действительно, естественный уход старого поколения и слабый приток молодых сил значительно ослабили позиции Клуба. Большая часть его членов по разным причинам потеряла связь с объединением: из-за возраста, здоровья, отдаленного местожительства. Потомки русских иммигрантов уже считали себя американцами и не интересовались русскими общественными организациями. Обращает на себя внимание то, что уже в 1950–1960-е годы большинство анкет и заявлений о приеме в члены Клуба заполнялись на английском языке.

Торжество по случаю 50-летия Клуба русских инженеров стали последним крупным мероприятием объединения, официально прекратившего существование 22 августа 1975 г. Несмотря на то, что научно-техническое направление ограничивало число лиц, примкнувших к Русскому инженерному клубу, это профессиональное сообщество сумело объединить большинство русских жителей Лос-Анджелеса, имевших инженерную или смежную с ней профессию, «ибо для них здесь, в Америке, живя американской жизнью и американскими интересами, – и для них дороги и близки русский язык, русский склад характера и далекая, почти забытая, но дорогая родина – Россия»¹. Можно говорить и о том, что Клуб способствовал знакомству американцев с русской культурой: его гостями часто становились американские коллеги русских инженеров. Наконец, благодаря Клубу мы можем оценить вклад инженерной школы России в развитие экономики США: только в Лос-Анджелесе сотни русских инженеров различных специальностей руководили крупными компаниями, занимались строительством, вели разведку и добычу полезных ископаемых, обучали будущих специалистов в престижных университетах.

Подобное объединение по профессиональным интересам, Общество русских инженеров и техников в Калифорнии, существовало и в Сан-Франциско. Оно было создано лишь на несколько месяцев позже Клуба русских инженеров: учредительное собрание состоялось 15 июня 1924 г., на котором председателем Общества был избран инженер Реймерс. В отличие от клуба в Лос-

¹ Лосев И.Н. Краткий исторический очерк Русского Инженерного Клуба в Лос-Анджелесе. 1924–1934 гг. Рукопись. МРК. Коллекция РАКПО. Box 1. Folder 6. Л. 13.

Анджелесе, эта организация не отличалась многочисленностью. Критику вызывал большой ежегодный взнос в 20 долларов, который сужал количество желающих вступить в Общество. Другое отличие состояло в векторе деятельности. Если Русский инженерный кружок основной целью ставил просветительство, то у Общества русских инженеров и техников задача лежала в более практической плоскости. Для тех русских инженеров, кто не мог найти в Америке работу по специальности и был вынужден устраиваться на подсобные или другие низкооплачиваемые места, при Обществе были открыты курсы чертежников.

ДЕЯТЕЛИ РУССКОГО ИНЖЕНЕРНОГО КРУЖКА В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ¹¹

Абакумов К.В.

Автамонов Игорь Александрович

Албин Виталий Ильич

Александров Игорь Георгиевич

Алимов Владимир Александрович

Баскевич Николай Михайлович

Белоусов Борис Иванович

Белоусов Николай Иванович

Беляев Н.Н.

Биркут Иван Кузьмич

Бирюкович Ростислав Васильевич

Бородин Николай Андреевич

Брок П.

Бушуев Б.А.

Валсамакис Христофор Спиридонович

Васьян Л.Г. (Vasian)

Венсан С.А.

¹¹ В список включены деятели Русского инженерного кружка разных лет. Полужирным шрифтом отмечены почетные члены Кружка. В том случае, если не удалось установить полных имен, указаны инициалы. Фамилия, полученная при американской национализации указана у тех лиц, у кого ее написание или она сама отличается от первоначальной.

Веригин Федор Николаевич

Верхоглядов Владимир Николаевич (Vehr)

Витт Георгий О.

Вологодский К.В.

Высоцкий М.В.

Гаев Андрей В. (A.V. Naeff)

Галушкин П.В.

Георгиевский Владимир Иванович

Гизетти Димитрий, протоиерей

Глухарев Евгений Михайлович

Гор Михаил Юрьевич

Грагеров И.А.

Гудков Павел Павлович (Goudkoff)

Дамаскин Н.Д.

Де Витте С.К.

Добровольский Алексей Борисович

Евсеев Николай Андреевич

Евтухов Виктор Петрович

Емельянов Дмитрий Сергеевич

Ермилов Владимир

Есипов Борис Петрович

Жирицкий Сергей Николаевич

Журин В.Н.

Журин Н.В.

Зайковский В.М.

Зайцевский Н.А.

Запасов Владимир К.

Зароченцев Михаил Тимофеевич

Захаров А.А.

Зворыкин Владимир Кузьмич

Знаменский Александр Васильевич

Иванов Виктор Федорович

Игнатьев Иван Иванович

Калишевский В.А.

Калякин Николай Алексеевич

Каплан Д.С.
Караводин Л.В.
Керн Г.
Ключанский (Кэй) Евгений Васильевич (Kay, Eugene W.)
Ковалевская М.Ю.
Коваль Л.П.
Коведяев Борис Егорович
Коган Я.И.
Колесов С.И.
Константинов В.М.
Корнилов Георгий
Коробка Михаил Фомич
Кразни Игорь Валентинович
Красовский Валерий Михайлович (Crassus)
Кубарев В.В.
Кудинов В.Г.
Кузьменко Дмитрий Яковлевич
Кулаев В.П.
Куличков Сергей Никитович
Куриленко (Kuro) J.W.
Лайминг Б.Г.
Ланковский В.В.
Левкович К.А.
Легопьевич С.М.
Леко Константин Апполонович
Леонард Леонид Владимирович
Лисицын Валентин Степанович
Лисицын Константин Алексеевич
Лосев Иван Николаевич (Losseff)
Лукинский Викентий Викентьевич
Лысенко Сергей Николаевич
Лямин Д.А.
Майерович И.М.
Малеев Владимир Леонидович
Малов Владимир Николаевич

Малов Николай Никандрович

Малюта Анатолий Андревич

Марадудин Алексей Петрович

Марков Степан Михайлович

Мартыненко Иван Яковлевич

Марьяш Дмитрий Мартиньянович

Масляников Алексей Владимирович

Мелиссарато Г.Д.

Меньших Н.Н.

Мергер Кирилл

Миклашевский Владимир Яковлевич

Милюков Алексей

Миров Владислав Дмитриевич

Моисеенко Иван Яковлевич

Некрашевич Г.Н.

Обухов

Олейников Михаил Яковлевич

Олферьев

Омар Сергей Александрович

Оссин Юрий Павлович

Палий Петр Николаевич

Палчевский Владимир Евгеньевич,

Парамонов Елпидифор Николаевич

Парижский Ростислав Николаевич

Паркер Сергей Константинович

Парккали Виктор Александрович

Пашковский Михаил Л.

Пентегов В.П.

Пестрово Михаил Николаевич

Писарев Т.Д.

Питалев В.М.

Подольский Б.Я.

Подруцкий Никита Владимирович

Покровский Виктор Николаевич (Рое)

Порхаев Александр Михайлович

Потапенко Геннадий Васильевич

Потурнак Л.П.

Прибытнов В. (V. Pribitnov)

Придонов А.А.

Пухирь Георгий Иванович

Рассадин Г.И.

Ревуцкий Николай Алексеевич

Рухлов П.Ю.

Сакович Александр Георгиевич

Саммерс Б.Н.

Самойлло П.А.

Свищев Иван Сергеевич

Сементовский Александр Сергеевич

Сенаторов Николай К.

Сергеевский Александр Борисович

Сергеевский Андрей Борисович

Сергеевский Борис Николаевич

Сикорский Игорь Иванович

Симонов Василий П. (Seem)

Симонович Николай Павлович

Синицын Дмитрий Федорович

Скоробогач Димитрий Владимирович

Смолинская Марина

Стальмаков Василий Григорьевич

Станфорд В.Г.

Стаhevич Григорий Сергеевич

Сташевский Юрий (Георгий) Валерьевич

Степанов Алексей Анисимович

Сумароков (Саммерс) Николай Евгеньевич (Summers)

Суханов Иван Михайлович

Терентьев В.Е.

Терских Э.Ю.

Тимошенко Степан Прокопьевич

Тихомиров С.В.

Тон К.П.

Тюлягин Иван Константинович
Удалов Борис Владимирович
Удалов Сергей Борисович,
Умидов Мануэль
Федоров Б.Т.
Фитингоф С.К.
Фитингоф Кирилл
Хрущов (Hrushow) Вячеслав Константинович
Чарторижский Н.И.
Черепович Борис Никифорович (Cherepov)
Черкасов Владимир Иванович
Черников Федор Н. (Theodor)
Чернов Сергей Иванович.
Чернышев Иван П.
Шепченко Иван П.
Шохин Александр Т. (Chokhine)
Шпиловский Арсений Валентинович
Эллис Владислав Валентинович
Яникиан Гурген Никитович

9. РУССКО-АМЕРИКАНСКОЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО – *преемник Русского инженерного кружка в Лос-Анджелесе*¹

Для русских эмигрантов периода Гражданской войны в России, как и для тех, кто прибыл в США из Европы после окончания Второй мировой войны, была характерна высокая общественная активность. Вынужденно покинувшие родину, они жили памятью о прошлом и стремились «поддерживать друг друга тем, что унесли с собой когда-то с родной земли»². Потребность к объединению и общению с соотечественниками прослеживалась у представителей разных возрастных групп и сфер деятельности: свои общественные формирования имели в США ветераны войн, студенты, моряки, артисты, врачи, инженеры и т.д. С уходом из жизни старшего поколения общественную работу продолжили их молодые последователи. Уже не русские иммигранты, а американцы русского происхождения, они ставили перед собой прежние задачи: сплочение общин выходцев из России, сохранение русского языка и культуры, помощь нуждающимся. Примером этого является деятельность Русско-Американского культурно-просветительского общества (РАКПО), основанного в 1975 г. после закрытия Русского инженерного кружка.

50-летний срок, на который штат Калифорния давал разрешение (charter) на деятельность кружка, заканчивался в июне 1975 г.

¹ Глава о Русско-Американском культурно-просветительском обществе (РАКПО) написана на основе материалов коллекции этой организации в Музее русской культуры (Сан-Франциско).

² Г.Н. Письмо в редакцию // Согласие. – 1971. – № 232 (янв.).

На 28 февраля, день последнего общего годового собрания, список действительных членов кружка включал 26 фамилий, но на собрании присутствовали только 12 человек. Несмотря на разнообразную работу в предыдущие годы, было заметно, что деятельность объединения шла на спад. Лишь немногие имели возможность уделять время общественным делам, не говоря уж о том, что численность кружковцев-инженеров русского происхождения сокращалась по естественным причинам: только в отчетном году из жизни ушли трое.

Последний председатель Кружка Александр Тимофеевич Шохин, обращаясь к собранию, высказал предложение о реорганизации профессионального объединения в культурно-просветительскую организацию и омоложении его путем приема представителей разных специальностей, не только инженеров. Он показал и проект устава нового объединения, Русско-Американского культурно-просветительского общества, которое ставило бы своей целью распространение и сохранение в условиях эмиграции русской культуры и русского культурного наследия. При голосовании все 12 участников собрания высказались за продолжение работы Русского инженерного кружка в преобразованном виде. Новое название объединения одобрили десять человек при двух воздержавшихся. На счету Кружка оставалась крупная сумма – около 30 тыс. долларов. Большинство голосов решили 10 тыс. долларов передать по наследству новому обществу, а остальные деньги разделить между общественными организациями русской общины – «Соколом», Конгрессом русских американцев в Лос-Анджелесе и др.

19 мая провели еще одно общее собрание, на котором было окончательно решено реорганизовать Русский инженерный кружок в Русско-Американское культурно-просветительское общество «с целью расширения базы активности кружка в сторону общекультурных интересов русской колонии Южной Калифорнии». Через два дня на квартире Шохина уже заседала реорганизационная комиссия, которая стала дорабатывать устав РАКПО и готовить документы для юридического оформления нового общества. Также обсуждались формы заявления и анкеты, вопросы приглашения новых членов, выбора помещения для собраний, подготовки первого организационного собрания. Заседания инженеров проходили обычно в приходском зале Свято-Богородицкого собора, ста-

рейшего прихода в Лос-Анджелесе. Решено было арендовать это помещение и для встреч РАКПО, тем более что настоятель прихода протоиерей Димитрий Гизетти горячо одобрил идею создания культурно-просветительской организации и выразил желание вступить в нее.

Задумались и о пропаганде деятельности нового общества. По одному предложению, следовало выпускать ежеквартальный бюллетень на английском языке, чтобы знакомить с деятельностью РАКПО и приглашать на его мероприятия не только русскую общину, но и всех жителей Лос-Анджелеса. Другим предложением, менее затратным, было иметь свои страницы в русском журнале «Родные дали», и на первых порах оно победило, возможно, благодаря тому, что среди членов РАКПО оказались несколько сотрудников редакции (Н.Ю. Пушкарский, А.Ф. Долгополов, С.В. Корсунец). В «Родные дали» в первую очередь и отправили сообщение о реорганизации Русского инженерного кружка. Появилось оно и в других периодических изданиях: газетах «Русская жизнь» (Сан-Франциско) и «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

Вскоре всем инженерам-членам РИК было разослано извещение: «Дорогой коллега! Согласно постановлению общего собрания Русского Инженерного Кружка от 19 мая 1975 г. все члены такового автоматически становятся действительными членами Русско-Американского культурно-просветительного общества. Вследствие изменения общего характера деятельности реорганизованного Общества и его нового устава возможность вступления в члены Общества также предоставляется и супругам членов Кружка. Для оформления членства необходимо заполнить прилагаемую при этом письме краткую форму заявления и переслать ее председателю Реорганизационной комиссии (А. Шохину) по адресу...».

Дела закрутились быстро. К 10 июля было подано 46 заявлений от желающих вступить в новое общество, не считая членов Инженерного кружка и их супругов, а вскоре этот список пополнился еще двадцатью фамилиями. Юридическое оформление РАКПО как восприемника инженерного объединения прошло без проблем: в разрешительном документе-чартере власти Калифорнии просто поменяли старое название на новое, «Русско-Американское культурно-просветительское общество» (Russian American Cultural Society, Inc). Официально Русский инженерный кружок перестал

существовать, а РАКПО автоматически вступило в свои права в один и тот же день – 22 августа 1975 г.

В первом параграфе Устава сообщалось о задачах новой организации: «а) способствовать общению и дружбе членов Общества, их друзей, а также русской общины в целом; б) пробуждать национальное самосознание и сохранять память о земле нашего этнического происхождения и ее традиции, поощряя вместе с тем патриотическое отношение к Соединенным Штатам Америки, нашему новому дому; в) организовывать и проводить лекции, литературные и музыкальные вечера; создать библиотеку и выпускать свой бюллетень; г) оказывать благотворительную помощь (в целях образования и др.) своим членам и другим нуждающимся лицам, если соответствующее решение принимает Правление общества».

Членом РАКПО мог стать любой добронравный человек, лояльный по отношению к США. Для этого следовало подать в Правление письменное заявление и получить рекомендацию двух членов Общества со стажем работы в нем не менее года. В почетные члены РАКПО принимались лица, чьи заслуги были признаны в литературном, научном или художественном мире. Заслуженным членом РАКПО мог стать человек, внесший большой вклад в деятельность Общества. Прекращение членства могло произойти в трех случаях: по письменному заявлению; при неуплате членских взносов за шесть месяцев; если за исключение проголосовали две трети полного состава Правления Общества.

На ежегодном общем собрании избирались сроком на год члены Правления, в обязанности которых входили сбор членских взносов, организация встреч и лекций, обсуждение заявлений от желающих вступить в РАКПО и решение вопросов по принятию почетных членов, учет лиц, нерегулярно вносивших членские взносы, исключение нежелательных членов, ведение финансовых дел, в том числе связанных с благотворительностью. Повестка общего собрания включала также отчеты президента, секретаря, казначея и аудиторского комитета; установление размера членских взносов; выборы директоров и членов аудиторского комитета, а также разные вопросы, связанные с деятельностью Общества. По решению Правления могли проводиться внеочередные собрания с кворумом не менее 15% от общего числа членов.

10 октября 1975 г. на учредительном собрании было избрано первое правление РАКПО: председатель – А.Т. Шохин, вице-председатель – П.Н. Палий, директор программ – А.А. Аристова, секретарь – И.М. Куличкова, казначей – М.Я. Олейников. Все они принимали участие в работе Русского инженерного кружка – одни в качестве его членов, другие – как гости, и это позволило РАКПО не только сохранить преемственность, но и развить идеи, которые Кружок не смог осуществить из-за своей узкопрофессиональной направленности.

Анкета, распространенная среди русской общины Лос-Анджелеса, включала вопрос об интересах лиц, вступающих в РАКПО. Анализ показал, что многие интересовались искусством (50 человек), литературой (48), наукой и техникой (44), путешествиями (15). 33 человека отметили, что их привлекают музыкальные вечера, 27 будущих членов РАКПО хотели бы слушать лекции на темы философии, 16 – об истории России и других стран, восемь человек привлекали разговоры о живописи, а двух – о медицине.

Первое собрание было намечено на 24 октября 1975 г. «Наши собрания, – решило правление, – предположительно начинать в семь часов вечера, а выступления лектора всегда будут точно в семь часов тридцать минут! Эти полчаса, мы предполагаем, будут использованы для более близкого знакомства членов общества между собой, обсуждения разных вопросов, дружеских встреч и т.д., т.е. все то, что по-английски называется *social hour*».

Члены РАКПО могли посещать все встречи бесплатно, а для гостей предусматривалась плата, от 50 центов до доллара, в зависимости от расходов на приглашение докладчика, но первую лекцию решили сделать бесплатной для всех. Членов РАКПО предупредили, чтобы при входе на лекцию они заплатили членские взносы: восемь долларов с одного лица, десять – с супружеской пары. Пенсионеры могли платить половину суммы. Студентов решили пускать на все доклады бесплатно.

В качестве первого докладчика выбрали профессора Славянского отдела Калифорнийского университета Владимира Федоровича Маркова, который согласился открыть заседания РАКПО лекцией «Судьба Константина Бальмонта». Выступление было тепло встречено аудиторией из 57 человек, а последующее чаепитие

только закрепило успех. Через месяц состоялась вторая лекция: Александр Федорович Долгополов рассказал о староверах на Аляске. Активный общественный деятель, он принимал участие в работе ряда комиссий по устройству староверов в США и был хорошо знаком с их жизнью, а Аляска интересовала его как большого любителя истории, члена общества «Друзья Форта Росс». В декабре профессор Калифорнийского университета Андрей Николаевич Лосский, специалист по истории Франции, выступил с лекцией «Кардинал Ришелье и Людовик 13-й», а в январе 1976 г. Аста Александровна Аристова рассказала о русской архитектуре, продемонстрировав снимки, сделанные ею в недавней поездке по СССР.

Как и планировалось, за год РАКПО проходило восемь – девять встреч, их устраивали ежемесячно за исключением летнего периода. Организаторы предусматривали возможность создания внутри Общества групп по интересам, которые могли иметь собственную программу действий, но в дальнейшем от этой идеи отказались. Зато предложение об устройстве музыкальных и литературных вечеров нашло горячую поддержку. Помимо этого члены Общества совместно отмечали Новый год и Рождество, проводили вечера по поводу закрытия сезона, а летом устраивали пикники и экскурсии.

Подводя итоги первых пяти лет деятельности Общества, пресса писала: «Вместо инженерно-профессиональных тем своего предшественника, РАКПО перешло на широкую культурно-образовательную работу, сумев вдохнуть новую жизнь в организацию и привлечь в свои ряды большое число членов. Стоя вне рамок мелких политических разногласий отдельных эмигрантских группировок, РАКПО исключительно преследует цели просвещения и сохранения русской культуры за рубежом. За пять лет собрания РАКПО посетили 4100 человек (членов и их гостей). Было устроено 47 вечеров с докладами и лекциями на разнообразные темы, включая литературу, историю, живопись, музыку, философию, науку и др. В РАКПО, совершенно безвозмездно, выступали известные лекторы, поэты, путешественники, инженеры, целый ряд профессоров калифорнийских и других университетов. Их

участие создало высокий академический уровень докладов общества»¹.

Надо отдать должное организаторам: в качестве лекторов они приглашали талантливых людей, известных своими исследованиями в разных областях – в соответствии с кругом интересов членов РАКПО, а те охотно откликались на предложение выступить перед соотечественниками. Анализ объявлений о встречах, сохранившихся в архивной коллекции РАКПО, позволяют выделить наиболее активных докладчиков. Помимо Маркова с лекциями о русской литературе не раз выступали профессора Калифорнийского университета Валентин Григорьевич Хэйс (Лос-Анджелес) и Ольга Петровна Раевская-Хьюз (Беркли). Темы профессора А.Н. Лосского были связаны с историей Европы, инженеры Петр Николаевич Палий и П.Ю. Рухлов знакомили слушателей с историей космонавтики, художник Сергей Романович Богард рассказывал о живописи и русских художниках, а молодой музыковед В.П. Морозан – о русской опере. Переводчица А.А. Аристова много путешествовала и регулярно делилась впечатлениями с демонстрацией фотоснимков и слайдов. Пианистка Тамара Александровна Маслова-Гирх, учившаяся музыке в Шанхае и Риме, не только читала лекции о композиторах, но и часто устраивала музыкальные вечера, в которых участвовали и ученики ее студии.

Случались и внеплановые выступления, если в Лос-Анджелесе оказывался, чаще всего проездом, кто-то из известных русских деятелей. Так, 6 марта 1981 г. РАКПО принимало писателя Василия Аксёнова. 26 октября 1990 г. с докладом «Михаил Булгаков и Россия» выступила гостя из Москвы профессор М.О. Чудакова, приглашенная Калифорнийским университетом для ведения семинара о Булгакове и его окружении. Прочитал доклад на тему русской литературы и профессор А.П. Чудаков, приглашенный университетом для семинара о Чехове. 4 октября 1991 г. в РАКПО дал концерт пианист Игорь Лавров, приехавший в США с гастролями.

Русскую общину Лос-Анджелеса всегда интересовали дела на родине, и лекции о положении дел в СССР собирали, как правило, много слушателей. В декабре 1983 г. выступить с докладом «Совет-

¹ «День Русской культуры» в Лос-Анджелесе // Калифорнийский вестник. – 1985. – № 57 (сент.).

ская действительность» пригласили архитектора Константина Константиновича Чикина (Сан-Франциско), вернувшегося из СССР. В 1984 г. доклад «Национальное и религиозное возрождение в России» прочитал О.А. Красовский, главный редактор журнала «Вече» (Мюнхен). Активисты РАКПО не упускали возможности встретиться и с теми, кто недавно покинул родину. В октябре 1981 г. гостем Общества был Виктор Афанасьевич Дмитриев, только что приехавший с семьей в США. От него ждали откровений о подпольной («катакомбной») церкви в СССР, но недавний выпускник Ленинградского института театра, музыки и кинематографии ничего о ней не знал, и аудитория осталась несколько разочарованной, хотя приняла молодого человека очень радушно¹. Через несколько лет, окончив отделение славянских языков и литературы Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе и работая над диссертацией о русских поэтах-символистах под руководством профессора Маркова, Дмитриев побывал в РАКПО уже как лектор, рассказав о творчестве В. Иванова и А. Блока².

Полная аудитория собралась 17 марта 1984 г. на встречу с Юрием Александровичем Ветохиным, автором книги «Склонен к побегу», изданной автором в США. В ней он описал преследования, которым подвергался после двух неудачных попыток бегства из СССР в 1960–70-х гг., а также третий побег, в результате которого он оказался за границей. Ветохин рассказал РАКПовцам не только о работе над книгой, но и о положении верующих в Советском Союзе, психиатрических больницах специального назначения, ответил на многочисленные вопросы. Сообщил он и о планах издать за свой счет книгу в переводе на английский язык, после чего был организован сбор пожертвований. Он принес свыше 1500 долларов, которые тут же были вручены автору.

Особый интерес к бывшей родине возник в русской общине Лос-Анджелеса с началом перестройки в СССР. 65 человек, вдвое больше, чем на другие встречи, собрались 25 февраля 1990 г. на доклад А.Б. Сергеевского о путешествии по России. Через месяц так же много слушателей пришли на доклад «Духовное возрожде-

¹ Собрание Н.В. Хисамутдиновой. Письмо В.А. Дмитриева (Оклахома, США) от 7 мая 2015 г.

² В РАКПО // Калифорнийский вестник. – 1987. – № 81 (сент.).

ние России», с которым выступила гостя из СССР Р.И. Ратсевич. В.И. Выкадоров, руководитель Организации российских юных разведчиков (ОРИОР), возродившейся в России, был гостем РАКПО в декабре 1990 г. «Россия на пути к возрождению» – так назвал он свой рассказ о впечатлениях от поездки по стране.

РАКПО было заметной организацией в Лос-Анджелесе. Его активисты участвовали во многих городских мероприятиях, организованных как русскими, так и американцами – сведения об этом содержатся в каждом годовом отчете. Так, к празднованию 200-летия США (4 июля 1976 г., Форт Росс) они подготовили выставку о русских инженерах в Америке и деятельности Русского инженерного кружка. В мае 1978 г. П.Н. Автамонова, А.А. Аристова, М.Р. Гизетти, Т.А. Лауб, Н.Г. Любимова и Э.Ю. Терских представили свои экспонаты на выставке рукодельниц в рамках Русского фестиваля, организованного Отделом Конгресса русских американцев в Лос-Анджелесе. Там же прошли представления кукольного театра Валентины Валентиновны Рышко¹. В июне 1990 г. члены РАКПО участвовали в благотворительном базаре, устроенном Обществом помощи русским детям за рубежом. Порой и сами РАКПОВцы выступали инициаторами крупных начинаний. В декабре 1983 г. Аристова и Терских устроили Рождественский базар, на котором собрали около 800 долларов. Деньги решили направить на строительство и оборудование нового Старческого дома имени святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Широкую поддержку русской общины нашла идея режиссера Валентины Рышко, предложившей начать подготовку к 800-летию создания «Слова о полку Игореве» и в преддверии юбилейной даты каждое лето устраивать День русской культуры. Первый праздник русской общины Лос-Анджелеса, посвященный «Слову», провели 28 июля 1985 г. Инженер И.А. Автамонов приветствовал собравшихся от имени Конгресса русских американцев, а первое отделение открыл Владимир Рышко стихотворением Т. Шевченко о «Слове о полку Игореве». Бывший полковник Генерального штаба Борис Николаевич Сергеевский прочитал доклад об этом произведении, проиллюстрировав его хронологической картой о родо-

¹ Русский фестиваль в Лос-Анджелесе // Родные дали. – 1978. – № 292 (июль).

словной русских князей от Ярослава Мудрого, а также чтением отрывков из произведений на старорусском и современном языках¹.

Хотя вопрос о собственном бюллетене РАКПО поднимался неоднократно, выпуск его так и не был организован, но сообщения о работе Общества постоянно появлялись в журнале «Родные дали». После его закрытия в 1980 г. группа РАКПовцев (О. Анстей, А. Аристова, О. Борисов-Морозов, А. Осипьян, супруги Т. и Б. Гинх, П. Палий, Н. Пушкарский, В. Хейс, З. Хирдова (Морозан), супруги М. и А. Шохины) организовали выпуск «Калифорнийского вестника». Первый номер журнала, заявленного как «литературно-общественный, антикоммунистический, независимый ежемесячник», вышел в январе 1981 г. Его стали продавать в киосках русских храмов, а также в русских книжных магазинах: Виктора Камкина и «Терек». Журнал читали не только в русской общине Лос-Анджелеса, но и в других городах США, а также в русских общинах Канады, Аргентины, Бразилии, Австралии.

РАКПО унаследовало от Русского инженерного кружка умение вести финансовые дела. Средства Общества складывались из членских взносов, денег, получаемых от публичных лекций, вечеров и других мероприятий, пожертвований и поступлений по завещаниям. Все расходы строго контролировались. После встреч и собраний подводился финансовый итог. Если отмечалось неоправданное расходование средств, что случалось крайне редко, недостача погашалась за счет виновного. Поскольку членские взносы в течение всех лет оставались важнейшим средством пополнения кассы, их сбору уделялось особое внимание. Это была обязанность помощника казначея. Размер взноса на протяжении всех лет менялся несколько раз, то увеличиваясь до десяти долларов с человека (1976 и 1984), то снижаясь до восьми (1977), а то и до пяти (1989).

Благодаря умелой финансовой политике положение весьма небогатого Общества было стабильным на протяжении всего периода его деятельности, что подтверждают ежегодные финансовые отчеты. Это позволяло регулярно выделять средства на благотворительные цели. В мае 1977 г. общество «Друзья Форты Росс»

¹ «День Русской культуры» в Лос-Анджелесе // Калифорнийский вестник. – 1985. – № 57 (сент.).

получило деньги на открытие музея-библиотеки имени А.Ф. Долгополова, в которую по завещанию исследователя была передана его богатая коллекция книг и исторических документов об Аляске и Российско-Американской компании. В том же году сто долларов передали Организации российских юных разведчиков для поездки в Форт Росс на празднование 200-летия США. Через год такую же сумму выделили Фонду имени святого праведного Иоанна Кронштадтского на постройку Старческого дома. Помогали также типографии газеты «Новое русское слово», пострадавшей от пожара, уборщику Свято-Богородицкого собора, чья дочь нуждалась в операции, и т.д.

Интересной традицией РАКПО был сбор пожертвований в память своих членов, ушедших в мир иной. Часто после некролога в газете или журнале следовало предложение положить на могилу вместо цветов свое подношение в пользу какого-либо благотворительного заведения. Так, провожая в последний путь старейшую участницу РАКПО 87-летнюю Зою Ивановну Стефанскую, было собрано 300 долларов для Старческого дома имени Иоанна Кронштадтского. В 1990-е годы принимались решения об оказании помощи престарелым и детям в России.

Задумываясь о пополнении РАКПО за счет молодого поколения, в Правлении составили список учебных заведений Калифорнии с русскими отделами и кафедрами: туда стали посылать сообщения о предстоящих лекциях. Узнав, что при Организации российских юных разведчиков существует группа старшей молодежи «Круг», которая интересуется самообразованием, приглашать на встречи в РАКПО стали и их. Вместе с тем, в РАКПО вполне осознавали, что приход молодого пополнения может внести коррективы в работу Общества, в составе которого было немало пожилых людей, предпочитавших русскую речь. Так, многие остались недовольны встречей 17 декабря 1976 г. с представителями молодого поколения русских эмигрантов, которая по их просьбе проводилась на английском языке. С краткими докладами о своей профессии и работе выступили сотрудница муниципалитета Катя Жирицкая, геолог Е. Палий, медицинский биолог Марина Рунге, геофизик С. Олейников, музыкант А. Руджери. Судя по предварительной переписке с правлением, им было что рассказать: все молодые люди получили хорошее образование в США и были заняты

интересными и важными делами, но русский язык в их среде, увы, оказался почти утраченным.

В 1980-е годы стало заметно угасание активности РАКПО. Все меньше людей присутствовало на собраниях и встречах, сообщения о кончине членов РАКПО публиковались гораздо чаще, чем поздравления вступающим в Общество, все больше имен должников упоминалось в протоколах. Во всех объявлениях о встречах стало появляться напоминание о необходимости платить членские взносы. При этом нерегулярность поступления взносов вовсе не была связана с финансовыми проблемами РАКПОВцев: сокращение взноса до пяти долларов не принесло ожидаемого увеличения активности.

Впервые о возможном закрытии РАКПО заговорили в 1982 г. Председатель правления Б.К. Орловский-Танаевский сообщил тогда общему собранию, что посещаемость встреч сократилась за год на 13%, на лекциях присутствовали по 20–25 человек. В Устав внесли поправку: «Решение о ликвидации РАКПО может быть принято только при условии, что за это проголосуют 2/3 присутствующих членов Общества». Тогда же определили четыре общественные организации Лос-Анджелеса, которым перейдут средства РАКПО: Фонд святого праведного Иоанна Кронштадтского (Старческий дом), Общество помощи русским детям за рубежом, журнал «Калифорнийский вестник», Организация российских юных разведчиков.

В протоколах заседаний Общества и публикациях о РАКПО в прессе стали появляться нотки разочарования. 11 октября 1985 г. на общем собрании председатель П.Н. Палий говорил: «Основным негативным явлением в жизни нашего Общества является постепенное укорачивание списка его членов и без всякой надежды на изменение этой тенденции к лучшему в будущем. Мои попытки привлечь в состав членов Общества лиц из других сосредоточений русской общественности в Л[ос]-А[нжелесе], увы, не увенчались успехом. Даже среди того сосредоточения русских интеллигентных людей, где мы ведем свою работу, и тут можно много пожелать лучшего. Мы также не нашли путей к душам молодежи второго и третьего поколений, среди которых, хоть и в незначительном количестве, есть люди, интересующиеся историей, культурой,

литературой и искусством страны их отцов и матерей, и даже избравшие эти области знания своей настоящей профессией».

Были намечены меры по исправлению ситуации. Вместо вечера пятницы встречи стали проводить воскресным днем, чтобы посетители могли избежать транспортных пробок. Решено было улучшить качество лекций за счет количества, больше обращать внимание на русскую историю. Но это мало помогло: неуклонное старение членов Общества, их болезни, потеря слуха и зрения становились непреодолимой преградой между ними и РАКПО. Потомки же русских иммигрантов уже считали себя американцами и не интересовались русскими собраниями. Еще меньше встречи в Обществе привлекали иммигрантов 1970–1980-х годов: не для того они ехали в США, чтобы разделять интересы бывших соотечественников. Если старшее поколение жило памятью о прошлом, культивируя в душе эти воспоминания, то молодым русским американцам подобные настроения были чужды.

С другой стороны, стало труднее приглашать лекторов, а те, бывало, относились к своим выступлениям формально. Полупустая аудитория преимущественно с пожилыми людьми встретила профессора Лосского, пришедшего читать лекцию «Церковь и государство во Франции в 17-м веке» (2 апреля 1986 г.), профессора Галину Вроон с лекций «Крестьянские поэты» (29 апреля 1990 г.), врача-гомеопата Вайдова (20 января 1991 г.). Не был многолюдным и День русской культуры» 26 июля 1987 г. «Жаль, что наша русская колония тает на глазах, места в зале пустовали, а труда для подготовки такого начинания очень и очень много», – сетовали организаторы¹.

В 1987 г. на общее собрание пришли всего 16 человек, а в 1988 г. – девять! С января 1989 г. прекратился выпуск «Калифорнийского вестника», выходившего на протяжении восьми лет. Читателям сообщались причины: после кончины нескольких сотрудников редакции «одни из оставшихся членов редколлегии не могут больше нести ответственность по издательству журнала из-за ухудшения здоровья или зрения, другие – из-за служебных обязанностей. Наши надежды на более молодое поколение как смену

¹ «День Русской культуры» // Калифорнийский вестник. – 1987. – № 81 (сент.).

не оправдались. Они родились и выросли за рубежом. Их интересы в другом плане, и они оторваны от русской культуры»¹.

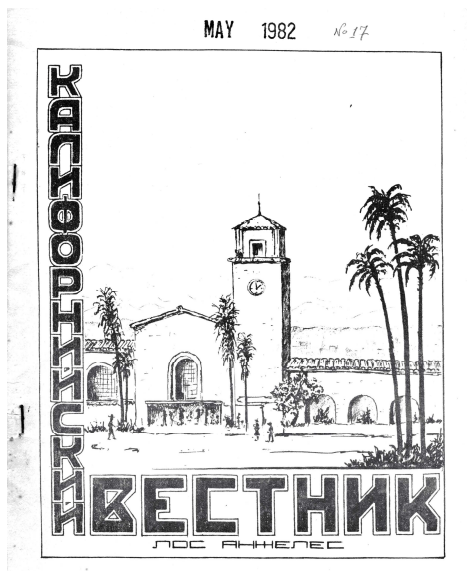

Фото. Обложка журнала «Калифорнийский вестник»

Все попытки привлечь в Общество новых членов и активизировать его работу оказались напрасными, и на собрании 27 октября 1989 г., когда в РАКПО числился 31 человек, был поставлен вопрос о его закрытии. Предложение тогда не получило поддержки: еще были живы организаторы с их памятью о былых заслугах и славных делах, и большинство присутствовавших на собрании проголосовали за продолжение работы. Тем не менее, несколько активистов (А.А. Аристова, Э.Ю. Терских, И.Н. Тихонович) попросили освободить их от должности в Правлении, ссылаясь на недостаток времени. Доклад председателя правления на общем собрании 22 ноября 1992 г. выглядит паническим: «Ряды членов неуклонно убывают – одни умирают (в 1992 г. русская пресса Лос-Анджелеса напечатала четыре некролога на членов РАКПО –

¹ Обращение к читателям и подписчикам // Калифорнийский вестник. – 1988. – № 96 (дек.).

Н.Х.), другие из-за старости и болезней лишены возможности посещать наши собрания. Нам с трудом удастся собрать работников для Правления РАКПО – смены не видно. ...Как видите, будущее нашего Общества рисуется в довольно мрачных красках».

В течение нескольких лет РАКПО существовало лишь по инерции. Если в 1990 г. оно провело восемь встреч, то в 1991 – пять, а в 1992 – всего две. Последнее сообщение о встрече, имеющееся в архивной коллекции, относится к июню 1993 г., когда в РАКПО принимали балетмейстера из России Л.А. Серебровскую-Грюнталь. Она выступила с докладом о современном балете и показала приемы тибетского и китайского самомассажа, позволяющие оставаться бодрыми и здоровыми.

Не только РАКПО, но и другие объединения русской общины неуклонно теряли своих членов и были вынуждены прекратить работу. К этому времени в Лос-Анджелесе закрылись Кубанская станица, Общество галлиполийцов, Союз первопоходников, местный отдел Общества инвалидов. Резкое сокращение притока денежных средств от русских общественных организаций свело к минимуму деятельность Инвалидного комитета¹. РАКПО окончательно закрылось в 1995 г., сумев за двадцать лет провести огромную работу по сплочению местной общины, моральной и материальной поддержке выходцев из России, сохранению в их среде русского языка и российских традиций.

Большой вклад РАКПО внесло и в просветительство, пропагандируя в США русскую культуру, знакомя американцев с историей, литературой, наукой, искусством России. Все это укрепляло позиции русских общин в Калифорнии, способствовало дружеским и деловым контактам с американцами и, в конечном счете, расширило возможности обеих сторон в развитии плодотворного сотрудничества в сфере науки и культуры. Это позволяет считать организацию одним из значительных явлений русской общины Лос-Анджелеса в последние десятилетия XX века.

¹ Протокол собрания спонсоров помощи военным инвалидам за границей // Согласие. – 1983. – № 385 (окт.).

10. РУССКИЕ ХАРБИНЦЫ В АМЕРИКЕ.

Ассоциация выпускников Харбинского политехнического института

Среди русских инженеров, работавших в Америке, было немало выпускников Харбинского политехнического института (ХПИ). Этот русский вуз на китайской земле открыли при поддержке администрации Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в 1920 г. как Русско-Китайский техникум (технический колледж). В апреле 1922 г. он получил статус высшего учебного заведения (Русско-Китайский политехнический институт), а затем и окончательное название. Главной задачей учебного заведения было обеспечение техническими специалистами КВЖД, что обусловило наличие двух факультетов: дорожно-строительного (путейского) и электромеханического. Поскольку основатели техникума предполагали в ближайшем будущем преобразовать его в высшее учебное заведение, что и произошло, они изначально ориентировались на повышенный уровень обучения студентов, воспользовавшись планами и программами лучших технических вузов России. Обучение студентов на дорожно-строительном факультете, например, базировалось на программе С.-Петербургского института инженеров путей сообщения, поскольку по ней учились большинство инженеров-путейцев, занятых на КВЖД и ставших по совместительству преподавателями ХПИ.

Большое внимание при обучении уделялось практическому освоению специальности, тем более что железная дорога создавала для этого все условия. Один из первых выпускников отмечал: «Разрабатывая все необходимые материалы для создания Политехнического института как совершенно новой и своеобразной высшей технической школы, его основатели стремились подгото-

вить инженеров всесторонне развитых, обладающих широкими знаниями в области технических наук. Особое внимание было обращено на обеспечение глубокого изучения студентами математики, физики, механики и химии. Было выделено весьма значительное число часов на упражнения, графические работы и проектирование»¹.

Русский вуз быстро приобрел популярность. В 1920-е годы в Харбин продолжали прибывать беженцы из Советской России, и набор постоянно нарастал. Если ХПИ начинал работу со 110 студентами, то в сентябре 1922 г. к учебе приступили триста человек². К 1925 г. число студентов-политехников увеличилось до 445, а в 1926 г. их стало 659³.

В конце 1924 – начале 1925 гг. состоялись первые выпускные экзамены инженеров путей сообщения, а осенью 1925 г. там получили дипломы инженеры-механики и электрики. Подводя итоги, первый директор писал: «То обстоятельство, что лица, окончившие Институт в числе двадцати человек, все устроились довольно прилично на местах не только на КВЖД, но и в частных предприятиях, несмотря на наличие многих других безработных инженеров разных специальностей, указывает на то, что уроки жизни не прошли для создателей института даром, и они

Фото. А.А. Щёлков, директор Русско-Китайского техникума / первый ректор Русско-Китайского политехнического института (коллекция П.А. Щёлкова)

¹ Калугин Н.П. Юбилейная дата Политехнического института // Русский Харбин. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 59.

² Щёлков А.А. Русско-Китайский политехнический институт в Харбине // Высшая школа в Харбине. – 1922. – № 1. – С. XVI.

³ Калугин Н.П. Юбилейная дата Политехнического института ... – С. 59.

дали своим питомцам те знания, то умение напряженно работать, каких требует беспощадная конкуренция и потребность дня»¹.

В 1927 г. Щёлкова на посту ректора сменил Л.А. Устругов, тоже выпускник С.-Петербургского института инженеров путей сообщения. В ноябре 1928 г. русское учебное заведение на китайской земле получило свое окончательное название – Харбинский политехнический институт. Он по-прежнему имел два факультета: инженерно-строительный и электромеханический, где преподавали в основном опытные производственники: инженеры путей сообщения, инженеры-технологи, горные инженеры, курировавших специальные дисциплины. Диплом инженера путей сообщения, который выпускники стали получать с 1929 г., давал «право производить всякого рода строительные работы по постройке железных, шоссейных и грунтовых дорог, мостов, гидротехнических и гражданских сооружений и прочее; составлять проекты на всякого рода сооружения и заведовать эксплуатацией этих сооружений».

«Наша цель – дать вам полные и прочные знания по всем дисциплинам, – заявлял первый директор техникума и преподаватель геодезии А.А. Щёлков. – С вашей помощью это будет достигнуто, и вы в будущем убедитесь в этом! Твердые знания, которые вы приобретете, любого вашего противника уложат на обе лопатки!» Так оно и случилось. На праздновании 51-й годовщины основания ХПИ один из выпускников говорил: «Давайте с благодарностью вспомним наших профессоров и руководителей, которые научили нас работать и дали нам солидные технические знания, с которыми мы смогли занять соответствующее положение чуть ли не во всех странах мира и, как нам известно, нигде не посрамили своего политехникума. А ведь нас оценивали исключительно за знания, так как у нас за спиной не было имени знаменитого университета»².

Преподаватели ХПИ давали студентам не только прочные знания, они на собственном примере приучали их к сплоченности, дружеской поддержке, что принесло свои плоды в эмиграции. Деятельность общественных организаций, созданных русскими инженерами в Америке, показывает, насколько силен в их среде был

¹ Щёлков А.А. Русско-Китайский политехнический институт в городе Харбине на 1 мая 1925 года ... – С. 36.

² Коллекция П.А. Щёлкова.

дух корпоративности, как желание сохранить дружеские и профессиональные связи перерастало в стремление к взаимопомощи. О роли профессиональных объединений газета писала: «В Америке существует, как известно, несколько русско-американских инженерных обществ, в том числе в городе Сан-Франциско успешную деятельность в течение многих лет развивает Объединение питомцев Харбинского политехнического института. Главная цель подобных организаций – объединить русских специалистов с высшим техническим образованием и облегчить первые шаги новопривыкших при вступлении в незнакомую страну. Составление и чтение докладов в инженерной аудитории на новейшие темы современной техники повышают квалификацию...»¹.

Русские выпускники Харбинского политехнического института устраивались работать не только на КВЖД. Некоторые уже вскоре после получения диплома уехали в Шанхай, где имелись более разнообразные возможности трудоустройства, чем в Харбине, или в другие страны Юго-Восточной Азии. Были и те, кто уехал в Америку, но большинство выпускников ХПИ попали в США в составе «ДП» после Второй мировой войны, когда оставаться в Китае было небезопасно.

К марту 1958 г. на тихоокеанском побережье США собралось около ста инженеров, имевших дипломы ХПИ: 78 человек жили в Сан-Франциско, восемь – в Лос-Анджелесе и семеро – в маленьких городках Калифорнии и на Аляске². Через год общее число питомцев ХПИ в Америке увеличилось на десять человек³. О создании объединения поначалу никто не думал, хотя несколько инженеров из Харбина, осевших в Калифорнии еще в довоенное время, поддерживали дружеские отношения, встречая вместе Новый год или отмечая годовщину создания своей alma mater.

¹ Калугин Н.П. К 60-й годовщине основания Политехнического института в городе Харбине (в порядке дискуссии) // *Русская жизнь*. – 1980. – 16 мая.

² Коллекция П.А. Щелкова. Harbin Polytechnic Institute Alumni List for U.S.A. 1958, March.

³ Коллекция П.А. Щелкова. Harbin Polytechnic Institute Alumni List for U.S.A. 1959, April.

Если до 1950 г. такие встречи не были регулярными и не собирали большого числа участников, то затем, с прибытием в США новых русских эмигрантов из Китая, инженеры стали встречаться ежегодно, устраивая дружеские обеды в хороших ресторанах. Составление ими списков выпускников ХПИ, оказавшихся в Америке, позволяет предположить, что организаторы этих встреч хотели расширить круг общения и вовлечь в свою деятельность как можно больше бывших харбинцев. В 1952 г., например, на обеде-собрании в честь годовщины ХПИ присутствовали уже 22 человека, а в 1953 г. на встречу были приглашены и жены. Именно тогда, по свидетельству очевидцев, впервые был поднят вопрос о создании объединения, правда, тогда дальше разговоров дело не пошло¹.

Со временем инженеры стали приглашать на свои встречи гостей – друзей и коллег, и за праздничным столом собиралось более ста человек. На аренду зала требовались деньги, и посещение всех мероприятий сделали платным. Те средства, что оставались от устройства вечеров, решено было использовать для помощи нуждавшимся. Таковых среди инженеров было, видимо, совсем не много, и к 1965 г. у бывших харбинцев накопилась сумма в 3 тыс. долларов. Соблюдение финансовой дисциплины по американским стандартам требовало легализации доходов. Именно это и заставило вернуться к идее об учреждении Ассоциации выпускников ХПИ (Harbin Polytechnic Institute Alumni Association) как полноправного обладателя этих денег.

11 августа 1965 г. было избрано временное Правление (Board of Directors), в задачи которого входили разработка Конституции будущего объединения и подготовка к его регистрации. Конституция закрепляла за Ассоциацией статус некоммерческой организации, что освобождало от уплаты налогов при условии, что все доходы будут использоваться на благотворительность и внутренние расходы. Другим принципом была аполитичность, а основной задачей провозглашалось «содействовать укреплению дружеских связей между членами Ассоциации на почве общих интересов». В Правление вошли А.Ф. Никитин (президент), П.И. Попков (вице-

¹ Никитин А.Ф. История организации объединения питомцев ХПИ в Сан-Франциско // Политехник: Юбилейный сборник. – 1969–1979. – № 10. Сидней, 1979. – С. 268.

президент), К.Л. Гредякин (казначей), С.М. Гордеев и Л.Н. фон Гауффе (для выполнения особых поручений). Следующим шагом было сообщение всем выпускникам ХПИ, живущим в США, о создании Ассоциации и приглашение их на общее собрание.

Одним из тех, кто стоял у истоков объединения, был Александр Януарович (Иванович) Чернявский (1902–1970, Сан-Франциско). Окончив ХПИ в 1926 г., он был оставлен в институте для чтения лекций. Приехав в США в 1940-е годы, Чернявский преподавал в Калифорнийском университете (Беркли), одно время был деканом механического факультета в Массачусетском университете. Как вспоминали очевидцы, в 1948 г. встреча харбинских политехников «закончилась на квартире профессора А. Чернявского, где можно было петь». В Ассоциации выпускников ХПИ он пользовался большим уважением и был избран почетным председателем¹.

В числе организаторов были Сергей Сергеевич Бузолин (1918, Петроград – 1995, Сан-Франциско) и Анатолий Николаевич Карпенко (1916, Харбин – 1995, Сан-Франциско). Оба окончили ХПИ в 1937 г., но в США оказались в разное время. Бузолин приехал в Калифорнию уже в 1940 г. и работал на различных инженерных должностях. Карпенко после выпуска занимал должность инженера-конструктора в Шанхае и эмигрировал в США в 1949 г. Он поселился в Сан-Франциско и дошел по служебной лестнице до должности главного инженера крупной технической компании.

Среди активистов Ассоциации был и Николай Петрович Калугин (1902, Хабаровск – 1987, Сан-Франциско), один из первых студентов ХПИ. Он окончил институт, тогда еще Русско-Китайский политехнический, с самым первым выпуском, в 1924 г., получив специальность инженера путей сообщения. Сначала он строил железнодорожные пути в Маньчжурии для Мулинского углепромышленного товарищества, а в 1925 г. поступил на службу в технический отдел правления КВЖД и до 1935 г. работал на различных инженерных должностях. Одновременно он имел частную строительную практику, построив в Харбине много домов с полным оборудованием и центральным отоплением. Строительной специализации он остался верен и в дальнейшем, работая инжене-

¹ А.Я. Чернявский: некролог // Политехник. – 1970. – № 2. – С. 89.

ром в Торговом доме «Кунст и Альберс», строя новые и ремонтируя старые здания этой компании.

Фото. Эмблема
Ассоциации
выпускников
Харбинского
политехнического
института (ХПИ)

До 1937 г. Калугин был гражданином СССР, но затем подал документы о переводе в эмигрантское состояние и уехал в Манилу. Тропический климат Филиппин оказался ему вреден, и инженер вскоре вернулся в Харбин. Устроиться на КВЖД, будучи эмигрантом (с 10 мая 1938 г.), он уже не мог, и средства на жизнь давали частные подряды по расчетам отопления, водоснабжения и канализации. До 1953 г. Калугин оставался в Китае. В 1945 г. он восстанавливал паровозное депо в Харбине, в 1946 г. строил железобетонный пакгауз для фирмы «Чурин и К», а с 1948 г. и до отъезда в Бразилию в 1953 г. читал лекции в ХПИ.

С 1941 г. его избирали председателем Союза русских инженеров в Маньчжурии. В компаниях Южной Америки инженер проявил себя грамотным специалистом по расчетам тяжелых металлических конструкций и, переехав в 1958 г. в США, продолжил работать в этой сфере в фирме «GFDS Civil and Structural Engineers». На пенсию ему пришлось уйти по болезни в 1970 г., и он посвятил себя общественной работе и сбору материалов по истории ХПИ. Благодаря его статьям, опубликованным в русской прессе – газетах «Новая заря», «Русская жизнь», журнале «Политехник», – нам сегодня многое известно об этом учебном заведении, основанном русскими людьми в Китае.

Деятельным членом Ассоциации был и Петр Алексеевич Щёлков, сын первого ректора ХПИ А.А. Щёлкова. Он окончил институт со вторым выпуском, в январе 1925 г., получив диплом инженера путей сообщения. Сведений о времени его прибытия в США и трудоустройстве не сохранилось. Из воспоминаний современников лишь известно, что он работал инженером до глубокой старости, оставаясь на своей должности в ноябре 1987 г., даже отметив 80-летие. Это ли не свидетельство трудоспособности и высокой квалификации выпускника ХПИ? Примечательно, что именно в его личном архиве сохранилась коллекция документов Ассоциации выпускников ХПИ, которые и легли в основу этого повествования.

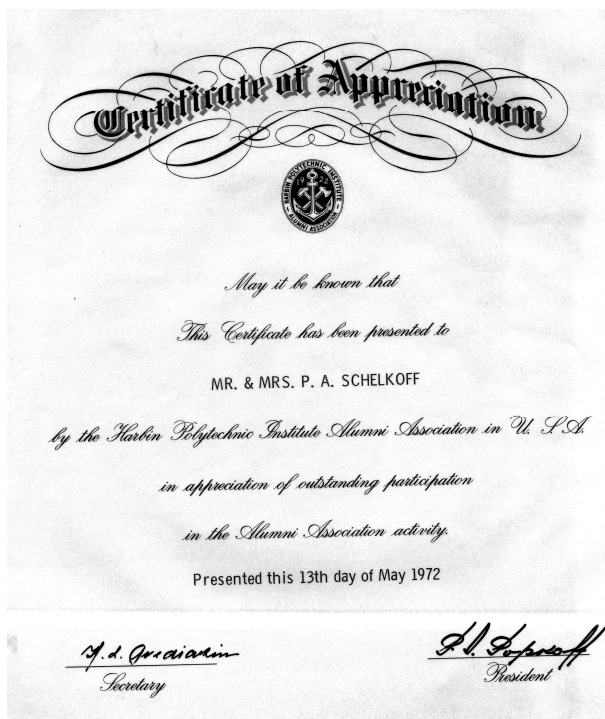

Фото. Благодарность П.А. Щёлкову и его супруге за активное участие
в работе Ассоциации выпускников ХПИ (13 мая 1972 г.)
(коллекция П.А. Щелкова)

Официально Ассоциация была зарегистрирована в штате Калифорнии 29 сентября 1966 г. Поскольку она не считалась профессиональным объединением, вступить в нее могли не только выпускники ХПИ, но также их жены и дети – как члены-соревнователи с правом голоса. Решено было включать в члены Ассоциации и выпускников Северо-Маньчжурского университета, в который перешли студенты ХПИ после закрытия их вуза японскими властями. «У нас нет посторонних людей, – писали организаторы, – у нас есть семейная организация политехников».

Первое общее годовое собрание было назначено на 27 января 1968 г. К этому времени в Ассоциацию записались 58 человек. На встрече договорились общие ежегодные собрания проводить в начале апреля, а день рождения Ассоциации отмечать после Пасхи.

Накопленные до регистрации деньги решено было использовать на поддержку русских студентов-детей выпускников ХПИ, получающих в Америке инженерное образование. Эта идея нашла воплощение в создании Фонда именной стипендии ХПИ, что было одобрено большинством голосов. Выбрали и специальную комиссию, которой поручалось разработать положение о стипендиях. В нее вошли профессор А.Я. Чернявский, К.К. Чикин, Я.Е. Румарчук и В.Я. Прищепенко. Первую стипендию получил в 1969 г. С.П. Богатский. Его же поддерживали и в следующем году, а возвратную ссуду выдали студенту Л. Шебалину.

Положение о стипендиях неоднократно исправлялось и менялось. Возникали случаи, когда Ассоциация получала заявки на стипендию от кандидатов, которые по условиям Конституции не могли на нее претендовать из-за того, что их специализация была далека от технической. Поскольку эти студенты являлись детьми политехников, их просьбы не могли оставить без внимания. В Положение о стипендиях ввели пункт о выдаче беспроцентных ссуд на завершение образования, которые следовало вернуть после окончания учебы и поступления на работу. В 1977 г., например, такую ссуду выдали О. Осипову, чьи родители активно участвовали в работе Ассоциации.

Позднее список специальностей, дающих право на получение стипендии, расширили. Объявляя, в частности, прием прошений для получения стипендии на 1988–1989 академический год, комиссия по стипендиям писала в прессе: «Лица, желающие получить стипендию, должны иметь намерение получить образование в каком-нибудь высшем учебном заведении США по следующим дисциплинам: инженерные науки любой категории, математика, физика, химия, астрономия, геология, метеорология, биология, медицина, юриспруденция. Стипендии будут выдаваться лицам с наилучшей успеваемостью в прошедшем учебном году».

К тому времени только в Сан-Франциско насчитывалось около 120 выпускников ХПИ, но претендовать на стипендию – по рекомендации членов Объединения – могли и другие молодые люди русского происхождения. «Стипендия есть основная цель Объединения, созданная в память о ХПИ», – говорили активисты Ассоциации. Поэтому при собеседовании считалось предпочтительным, чтобы будущий стипендиат показал знания не только русского языка и истории России, но и истории Харбинского политехнического института.

Размер стипендии постоянно менялся. Собрание, как правило, утверждало общую сумму, а она уже делилась между кандидатами в зависимости от их числа, года обучения, принадлежности к Ассоциации и пр. В 1979 г., например, Фонд стипендии был сокращен с тысячи до 700 долларов. Учитывая удорожание образования, комиссия постановила выдать всего одну стипендию – дочери инженера А. Павлова в Лос-Анджелесе. «Маргарита Павлова, девушка с исключительными способностями, уже закончила с успехом Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе и продолжает образование на получение звания адвоката военно-морского суда», – писали в протоколе.

В 1985 г. стипендия (Олегу Большакову) составила 500 долларов, что члены Ассоциации посчитали «абсолютно недостаточной суммой для студента». «Если принять во внимание, – говорилось в прениях на собрании, – что эта сумма составляет менее одного процента от нашего капитала, то желательно увеличить стипендию до 1500–2000 долларов на студента». Несмотря на стабильное финансовое положение, увеличивать стипендию за счет доходов Ассоциации не спешили. Для этого устраивали благотворительные мероприятия в виде концертов, балов и лотерей, приветствовались и личные пожертвования. Инициатор этих мер С. Бузолин первым внес в стипендиальный фонд сто долларов. У него нашлось много последователей, и в 1986 г. стипендия выросла: 900 долларов выдали А. Медленову, получавшему специальность инженера-механика, и 600 долларов – Елене Грабль, племяннице профессора И.А. Пуцятю, которая училась на врача.

К назначению стипендий подходили строго и отказывали тем кандидатам, кто не предоставил данные об академических успехах. При этом критерии оценивания достижений в учебе постоянно ужесточались. Достичь беспристрастного подхода к выдаче стипендий помогала и постоянная ротация: члены стипендиальной комиссии менялись каждые два года. И все же назначение стипендий сопровождалось массой критики, недовольств и разбирательств. В связи с тем, что расходы на образование в США возрастали, обсуждался вопрос о возврате к первоначальному порядку, когда стипендии выдавались только тем студентам, кто приобретал технические специальности. Доходило и до того, что предлагалось вообще прекратить выдачу стипендий, но всегда находились мудрые люди, умевшие сгладить разногласия и унять споры.

В 1986 г. собрание решило помимо стипендий студентам выдавать награду – в размере ста долларов в год – лучшему ученику Русской церковной гимназии при Святоскорбященском соборе.

Денежный фонд Ассоциации создавался в течение десятилетий трудами и энергией всех членов. Членских взносов не существовало. Однажды на заседании Правления был поднят вопрос о небольшой ежемесячной плате, которая позволила бы расширить масштабы благотворительности, но это предложение не нашло поддержки: большинство членов Правления сочли финансовое положение организации достаточно прочным и без взносов. На годовом собрании сообщалось: «Капитал объединения растет благодаря удачному вложению средств, и экономное ведение расходов не требует введения членских взносов».

С первого года существования Ассоциации одной из ее целей было достижение самоокупаемости. В протоколах общих годовых собраний первого десятилетия прослеживается беспокойство о финансовом состоянии организации, наличии дефицита бюджета и требование сокращения расходов. Оно достигалось за счет добровольной работы членов Ассоциации по устройству вечеров: жены инженеров, например, своими руками и на собственные средства готовили угощение для регулярных встреч. Уже в 1978 г. протоколы отмечают улучшение финансового положения, которое в дальнейшем укрепилось еще больше.

Наиболее удачными годами в этом отношении инженеры называют 1983–1985. Благодаря поступлению большого числа пожертвований капитал Ассоциации достиг к этому времени 39 тыс. долларов. Основная часть средств была вложена в акции крупнейшей энергетической компании Америки «Pacific Gas and Electric Co», которые приносили хорошие дивиденды. В 1985 г. капитал Ассоциации превысил 53 тыс. долларов.

Годовой приход от дивидендов и процентов позволял оплачивать все расходы Ассоциации и выдавать стипендии студентам, но по правилам Калифорнии организации, освобожденные от налогов, не имели права оказывать финансовую помощь из своего капитала ни членам, ни друзьям объединения. Это можно было сделать только путем частного сбора средств, за счет добровольных пожертвований. Первым человеком, получившим поддержку от коллег еще до создания Ассоциации, стал инженер В.Н. Дилп. В

январе 1952 г. в результате инсульта он оказался парализованным. Страховка не позволяла полностью оплачивать лечение, и семье катастрофически не хватало денег. А.Ф. Никитин организовал сбор средств и в течение двух лет периодически посылал переводы в г. Фресно, где жила семья Дилпа. В дальнейшем именно он возглавил фонд помощи коллегам.

В 1958 г. выпускники ХПИ, работавшие в Калифорнии, организовали фонд помощи бывшему профессору-математику ХПИ Михаилу Михайловичу Эрихману (1893, Москва – 1985, Сидней), который обратился к ним с просьбой помочь ему выехать из Дайрена (Китай). Одновременно о профессоре хлопотали и выпускники ХПИ, живущие в Австралии, и их усилия увенчались успехом раньше. Эрихман приехал в Сидней в 1958 г., но найти работу не смог, и в течение десяти лет инженеры из Сан-Франциско посылали ему ежемесячное пособие, пока в 1969 г. ему не назначили правительственную пенсию. Последние годы жизни Эрихман провел в русском госпитале для престарелых, где о нем всячески заботились его бывшие студенты-русские австралийцы. Согласно воле профессора его небольшие накопления составили денежный приз для студента, показавшего наилучшие успехи по математике¹.

Те деньги, что оставались в фонде Эрихмана в Сан-Франциско, пошли на поддержку других лиц, в том числе вдов инженеров-выпускников ХПИ. С апреля 1973 г. Ассоциация стала посылать ежемесячную финансовую помощь в Аргентину инженеру В.Н. Горбушину. В преклонном возрасте он не мог работать в полную силу и получал небольшие деньги, пристроившись псаломщиком при церкви в Буэнос-Айресе, но болезни, его самого и жены, не позволяли им свести концы с концами. После смерти инженера деньги поступали его жене. С марта 1978 г. ежемесячные переводы отправлялись и в Чили, где жила вдова инженера Е.С. Пономаренко. Сначала ей посылали по 15 долларов в месяц, а позднее увеличили эту сумму до 20 долларов.

Помимо фондов помощи и Комиссии по стипендиям в Ассоциации работали Комиссия по активности и Комиссия по привлечению новых членов. Общие собрания устраивали один раз в год ранней весной, подводя итоги работы, обсуждая новости, радост-

¹ Скорбная страница // Политехник. – № 12. – Сидней, 1989. – С. 201.

ные и печальные, намечая дальнейшие планы. Усилиями женщин, жен и дочерей инженеров, обязательно сервировался чайный стол.

В 1986 г. «Чашка чая», устроенная в школьном зале при православном соборе, сопровождалась выставкой работ членов Ассоциации и их близких. Скульптуры, картины маслом и акварелью, керамика, роспись на ткани, портреты углем и пастелью, фотографии продемонстрировали разнообразные таланты русских эмигрантов.

Также весной инженеры ежегодно отмечали годовщину создания ХПИ, традиционный праздник харбинских политехников. На торжественный обед и бал, весьма популярный у русских дальневосточников, приглашались и другие члены русской общины, и американские коллеги. Доход от торжества пополнял Фонд стипендий и Фонд помощи. «Общее впечатление посетителей наших обедов и встреч Нового года было прекрасное, – писал очевидец, – поэтому все, кто побывал у нас один раз, приходил и в последующие годы... Наши встречи считались самыми лучшими в г. Сан-Франциско. Всегда играл хороший оркестр. Отзывы обычно были весьма хорошими, и гости, как правило, благодарили устроителей за хорошо проведенное время»¹.

Если в первые годы работы Ассоциации большинство документов составлялось на русском языке, то в 1980-х годах инженеры все чаще переходили на английский язык. Вот и в 1984 г. объявление о празднике в честь годовщины ХПИ было напечатано по-английски. Русский колорит ему придавали русские слова, написанные латиницей: «Russian style cold 'zakuski' will be offered at the buffet table» (Холодные закуски в русском стиле будут предложены в виде буфета).

В 1980 г. член Ассоциации профессор Василий Дмитриевич Прянишников (V. Prian) (1908,? – 1981, Пало-Альто, Калифорния) получил приглашение от директора Харбинского технологического института Ли Цзя Пао на празднование 60-летия со дня основания Русско-Китайского техникума. Окончив ХПИ в 1931 г., Прянишников вскоре уехал в США, чтобы продолжить образование, и в 1935 г. получил степень магистра, а затем и доктора философии (PhD), после чего был деканом механического факультета одного

¹ Деятельность объединения наших инженеров в Сан-Франциско // Политехник: Юбилейн. сб. – 1969–1979. – № 10. Сидней, 1979. – С. 266.

из университетов Калифорнии. «В.Д. имел интересную научно-инженерную и академическую карьеру в области, связанной с космическими полетами, и внес большой вклад в появление первого американского спутника», – писали о нем коллеги¹.

Это приглашение распространялось и на других выпускников, но свидетельств поездки кого-либо из них не сохранилось. Что касается профессора Прянишникова, то он вместе с женой побывал на торжестве в Харбине, познакомился с администрацией и студентами обновленного Политехнического института, побывал в аудиториях, где сам когда-то слушал лекции.

Через пять лет 65-я годовщина вуза отмечалась уже с участием двух выпускников ХПИ из Америки: С.С. Бузолина и К.М. Гордеева. 25 августа 1985 г. они рассказали другим членам Ассоциации о поездке в Китай, экскурсиях по городам и родному институту, беседах с его администрацией. Все выпускники ХПИ с большой теплотой вспоминали Харбин и свой институт, и эта встреча была многолюдной и оживленной. Правда, в Ассоциации возникли разногласия по поводу того, следует ли считать Харбинский технологический институт преемником ХПИ и какой даты придерживаться, отмечая основание вуза – 1920 г., когда был основан Русско-Китайский техникум, или 1922 г., когда он получил статус института. Эти споры оказались гораздо более ожесточенными, чем те, что возникали по поводу стипендий. Многие русские харбинцы в США не хотели примириться с изменением названия вуза, а также с тем, что китайская администрация годом его рождения считала 1922, а не 1920, когда возник Русско-китайский техникум.

20 ноября 1987 г. 65-летие ХПИ отметили и в Сан-Франциско. Представитель первого выпуска Николай Петрович Калугин не смог присутствовать на торжестве из-за болезни, зато собравшиеся тепло приветствовали старейшего по возрасту члена Ассоциации Михаила Николаевича Покровского, инженера путей сообщения второго выпуска ХПИ (январь 1925 г.). «Я учился с начала основания Института в “остроумовский” период КВЖД, – вспоминал он. – А работал сначала проектировщиком мостов, а потом – на постройке больших мостов как старший инженер по искусственным сооружениям. Это была незабываемая эпопея, особенно для

¹ Скорбная страница // Политехник. – № 11. – Сидней, 1984. – С. 88.

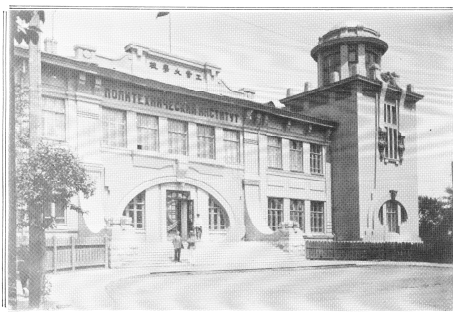
молодого инженера. Все, кто помнит (боюсь, что таковых не осталось!) управляющего КВЖД Б.В. Остроумова, знают, что значит работать под его начальством»¹. В Сан-Франциско Покровский работал в «Del Monte Corporation», занимая сразу две должности – инженера-конструктора и инженера-строителя, и в отставку ушел только в 75 лет. Инженером собирался стать и внук ветерана: Ассоциация дважды выдавала ему стипендии: в 1980 г. (600 долларов) и 1981 г. (750 долларов).

Ассоциация в Сан-Франциско поддерживала тесную связь с харбинскими политехниками в Австралии, где в Сиднее существовала аналогичная организация – Объединение питомцев Харбинского политехнического института. Журнал «Политехник», издававшийся бывшими харбинцами в Австралии, распространялся и среди русских инженеров в Калифорнии.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК

“ПОЛИТЕХНИК”

1969 1999

SYDNEY

No 15

AUSTRALIA

¹ Покровский М.Н. Инженер путей сообщения // Политехник. – № 11. Сидней, 1984. – С. 10–11.

В сентябре 1984 г. в Сан-Франциско состоялась дружеская встреча представителей двух объединений, на которую были приглашены члены аналогичных организаций в Харбине, Тайпее и Японии. «Чрезвычайно приятно, когда питомцы одного и того же Института, волею судьбы оказавшиеся в различных местах земного шара, встречаются после многолетней разлуки и питают друг к другу прежние хорошие товарищеские чувства», – отмечалось в прессе¹.

В разное время в Ассоциации выпускников ХПИ в Сан-Франциско состояли до ста двадцати членов: инженеров-выпускников ХПИ, их жен и совершеннолетних детей. Вопрос о том, стоит ли привлекать в Ассоциацию жен и детей политехников, долгое время был дискуссионным. 1 марта 1980 г. Правление положило конец спорам: «Объединение бывших питомцев ХПИ не является профессиональным, это организация, укрепляющая дружбу между членами на почве общих интересов. Самыми близкими для нас были и есть жены и дети, которые и были приняты как члены-соревнователи с правом голоса. Их безвозмездная помощь на протяжении почти десяти лет способствовала заработку почти 18 тыс. долларов. Правление считает, что лишение права голоса жен, детей и стипендиатов не будет служить им благодарностью за проведенную ими работу»². На тот момент в Ассоциации состояли 69 выпускников ХПИ, 24 жены, 15 детей и два стипендиата.

Протоколы собраний первой половины 1980-х годов отражают участие молодых людей в деятельности Ассоциации. Так, в июне 1984 г. на общем собрании «председатель П.И. Попков отметил желание молодежи принять участие в работе Объединения, которое выразилось наличием лиц в баллотировочном листе, как-то: М. Топоркова, В. Родионова (мл.), и М. и Н. Забелины. Председатель надеется, что со временем это число увеличится, и молодежь постепенно возьмет на себя работу в Объединении. Тем самым сохранится память об Институте, который дал образование их родителям, а также о родителях, давших образование им».

¹ Деятельность объединения наших инженеров в Сан-Франциско // Политехник: Юбилейн. сб. – 1969–1979. – № 10. Сидней, 1979. – С. 267.

² Коллекция П.А. Щёлкова. Harbin Polytechnic Institute Alumni Association. Мнение от 1 марта 1980 .

Увы, этого не произошло. С каждым годом численность Ассоциации сокращалась по естественным причинам. Каждое общее собрание начиналось с панихиды по ушедшим в мир иной. Чтобы отдать дань памяти коллегам, было установлено правило: в один из весенних дней отслуживать общую панихиду на могиле члена объединения, умершего последним в предыдущем году. Так, 22 апреля 1990 г. панихиду провели на могиле Николая Евгеньевича Сумарокова (Summers) на Сербском кладбище, а в 1984 г. – на могиле Льва Александровича Слободчикова (Сольбо) (Solbeau) (1910, Самара –1983, Сан-Франциско). Старший из трех сыновей адвоката и общественного деятеля А.Я. Слободчикова, он приехал с семьей в Харбин из Владивостока в конце Гражданской войны и окончил ХПИ. До эмиграции в 1948 г. в США он работал инженером в Шанхае, совмещая основную работу с чтением лекций по китайскому языку. Был он и автором учебников китайского языка.

Фото. Семья Слободчиковых в Харбине. А.Я. Слободчиков, Е.Н. Веденяпина (бабушка), А.А. Слободчикова; дети Николай, Владимир, Лев (коллекция МРК)

На одном из собраний сетовали: «Время бежит, и нас все меньше и меньше, кто помнит те времена, когда наш институт только начал формироваться, и мы были пионерами, которые создавали фундамент будущему процветанию и славе нашей школы». Скоро решения, принятые общим собранием, стали считать законными при любом числе присутствующих, даже при отсутствии кворума, а участвовать в собраниях, без права голоса, приглашали всех желающих. Участники встреч высказывали пожелание, «чтобы Правление нашло пути для привлечения в Объединение в качестве членов-соревнователей новых лиц из числа инженеров, окончивших другие технологические институты, а не только ХПИ».

Фото. Могила Л.А. Слободчикова на Сербском кладбище (Сан-Франциско) (фото автора)

Если дети выпускников ХПИ посещали мероприятия Ассоциации за компанию с родителями или в знак благодарности за стипендию, то другие молодые люди не испытывали такого желания. На одном из последних годовых собраний объединения возник вопрос о дальнейшей работе и возможностях ликвидации Ассоциации: «Люди стареют, много родных, друзей и знакомых давно сошли с жизненного пути. Заметно сократилось количество

наших инженеров, что сильно отражается на активной технической деятельности Объединения. Свежего притока молодых питомцев нет и не может быть, т.к. с 1953 г. ХПИ перешел Китаю и преподавание велось на китайском языке. Выпуск русских инженеров прекратился. Вполне понятно, организация по инерции идет к намеченному завершению и должна быть своевременно ликвидирована как утратившая свое назначение и цель». Протокол показывает, что 50% присутствовавших проголосовали за изменения формулировок о целях и задачах организации.

Вопрос о том, как наилучшим образом реализовать накопленные средства и небольшое имущество Ассоциации, чтобы оставить память об институте, созданном русскими инженерами в Маньчжурии, не вызвал больших споров. Было решено распределить имущество и деньги между благотворительными организациями и православными приходами в Калифорнии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров, Е.А. Русские в Северной Америке: биографический словарь. Хэмден (Коннектикут, США), Сан-Франциско (США). Е.А. Александров. – СПб. (Россия), 2005.

А.Я. Чернявский: некролог // Политехник. – 1970. – № 2.

Б.Е. Памяти Н.Н. Малова // Согласие. – 1952. – № 9 (июль)

Боярко, Г.Ю. Политехники в поисках твердых полезных ископаемых на томской земле / Г.Ю. Боярко, Е.Я. Горюхин // Изв. Томского политехн. ун-та. – 2004. Т. 307. – № 4.

В.Д. Мирон: некролог // Калифорнийский вестник. – 1987. – 16 авг.

В РАКПО // Калифорнийский вестник. – 1987. – № 81 (сент.).

В Русском Инженерном Кружке // Новая заря. – 1940. – 27 дек.

Вячеславов, А. Обновленный храм / А. Вячеславов // Новая заря. – 1935. – 8 июня

Гагарин, А.В. Профессора Томского политехнического университета: биографический справочник. Т. 1. / А.В. Гагарин. – Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2000.

Гинс, Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства / Г.К. Гинс. – М.: Крафт+, 2007.

Г.Н. Письмо в редакцию // Согласие. – 1971. – № 232 (январь).

Голицын, А.В. Памяти А.А. Толубеева: некролог / А.В. Голицын // Новая заря. – 1940. – 6 июля.

Гудков Павел Павлович // Профессора Томского политехнического университета: биограф. справочник / сост. А.В. Гагарин. – Томск: Изд-во научно-технич. литературы, 2000.

«День Русской культуры» в Лос-Анджелесе // Калифорнийский вестник. – 1985. – № 57 (сент.).

«День Русской культуры» // Калифорнийский вестник. – 1987. – № 81 (сент.).

Деятельность объединения наших инженеров в Сан-Франциско // Политехник: юбилейн. сб. – 1969–1979. – № 10. Сидней, 1979.

Друг. Похороны М.Т. Зароченева // Новая заря. – 1964. – 15 февр.

Егоров, В.А. О работе наших инженеров в стальной промышленности Австралии / В.А. Егоров // Политехник. – 1984. – № 11.

Елиашевич, М.К. Возраст и качество Южно-Уссурийских ископаемых углей: Объяснительная записка к «Идеальному геологическому разрезу земной коры в районе побережья Амурского залива» / М.К. Елиашевич. – Владивосток: Типолитограф. И. Коротя, 1922.

Елиашевич, М.К. Отчет по изучению Сучанского каменно-угольного месторождения в районе современных эксплуатационных работ / М.К. Елиашевич // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальн. Востока. – 1921. – № 23.

Зароченцев, М.Т. Холодильное дело / Московский комитет по холодильному делу при Московском Обществе сельского хозяйства / М.Т. Зароченцев. – М., 1911.

Зацепина, О.С. Русские в США: Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. / О.С. Зацепина, А.Б. Ручкин. – Нью-Йорк: Rach-C Press. 2011.

И.М. Юбилей Кружка русских инженеров // Родные дали. – Лос-Анджелес, 1974. – № 244 (июль).

Инженерный кружок – памяти А.А. Толубеева. В русской колонии Лос-Анджелеса // Новая заря. – 1940. – 8 авг.

Качарьский, А. Из жизни Русской колонии Лос-Анджелеса / А. Качарьский // Русская жизнь. – 1924. – 4 янв.

Калугин, Н.П. Памяти большого русского инженера Степана Прокофьевича Тимошенко: некролог / Н.П. Калугин // Рус. жизнь. – Сан-Франциско, 1972. – 2 нояб.

Калугин, Н.П. К 60-й годовщине основания Политехнического института в городе Харбине (в порядке дискуссии) / Н.П. Калугин // Русская жизнь. – 1980. – 16 мая.

Калугин, Н.П. Юбилейная дата Политехнического института // Русский Харбин / Н.П. Калугин. – М.: Изд-во МГУ, 1998.

Константинов, П.Ф. Кончина инженера В.А. Плансона / П.Ф. Константинов // Русская жизнь. – 1950. – Дек.

Крыленко, Н. Снабженцы-вредители и социалистическое строительство / Н. Крыленко. – М., Л., 1930.

Кэй, В. Русская колония в Лос-Анджелесе / В. Кэй // Новая заря. – 1940. – 25 дек.

Лосев, И.Н. А.А. Толубеев: некролог / И.Н. Лосев // Новая заря. – 1940. – 9 июля.

Маковеев, В.Г. Александр Понятов – создатель видеомагнитофона. 110 лет со дня рождения / В.Г. Маковеев // Broadcasting. Телевидение и радиовещание. – 2002. – № 1.

Мандалян, Э. Александр Понятов, Амрех и видеомагнитофон / Э. Мандалян // Чайка: Электр. журнал (Seagull Magazine). URL: <http://www.chayka.org/authors/eleonora-mandalyan>

Мачосс, К. Духовные средства технического прогресса Соединенных Штатов северной Америки / К. Мачосс // Бюллетень Политехнического Общества, состоящего при Императорском Техническом Училище. – М., 1914. – № 3.

М.Т.З. Экстренное собрание русских общественных организаций в Лос-Анджелесе о «Ди-Пи» // Новая заря. – 1947. – 3 июня.

Музей-архив русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция анкет: анкета Елиашевича М.К. от 25 сентября 1950 г.

Музей русской культуры (Сан-Франциско). Коллекция Русско-Американского культурно-просветительского общества.

Незабытые могилы (Российское зарубежье: некрологи 1917–1979) / Рос. гос. библиотека; сост. В.Н. Чуваков. Т. 1–6. – М.: Пашков дом: 1999–2005.

Никитин, А.Ф. История организации объединения питомцев ХПИ в Сан-Франциско / А.Ф. Никитин // Политехник: юбилейн. сб. – 1969–1979. – № 10. Сидней, 1979.

Нитобург, Э. Вклад русской иммиграции в науку, технику, культуру США / Э. Нитобург // URL: <http://www.rusedina.org/>

Н.П. Скончался А.М. Понятов: (Некролог) // Рус. жизнь. – 1980. – 29 окт.

Обращение к читателям и подписчикам // Калифорнийский вестник. – 1988. – № 96 (дек.).

Обручев. Мои путешествия по Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Электр. ресурс. URL: <http://www.rgo-sib.ru/book/geo/2.htm>

От правления музея // Museum of Russian Culture. Хранилища памятников культуры и истории зарубежной Руси: сб. / Памяти П.Ф. Константинова. – Сан-Франциско: Изд. ред. коллегии Музея Русской культуры, (1955). – С. 18.

Павел Павлович Гудков [Некролог] // Согласие. – 1955. – № 45 (июль).

Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Электр. ресурс.URL: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1997_Papkov/03.htm

Покровский, М.Н. Инженер путей сообщения / М.Н. Покровский // Политехник. – 1984. – № 11.

Полевой, А.А. Холодильная машина появилась на четыре года раньше паровоза / А.А. Полевой // Холодильный бизнес. – 2011. – №. 10.

Правление. К пятилетию Р.А.К.П.О. в Лос-Анджелесе // Родные дали. – Л.-А. – 1980. – № 317 (окт.–нояб.).

Протокол собрания спонсоров помощи военным инвалидам за границей // Согласие. – 1983. – № 385 (окт.).

Ремизовский, В.И. Первый состав Дальгеолкома и становление геологического образования на Дальнем Востоке / В.И. Ремизовский. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 1999.

Российские ученые и инженеры в эмиграции / под ред. В.П. Борисова. – М.: ПО «Перспектива», 1993.

Русский фестиваль в Лос-Анджелесе // Родные дали. – 1978. – № 292 (июль).

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: биограф. энциклопедия. – М., 1997.

С.И. Сергеев: (Некролог) // Бюл. Рус. колонии Сеаттля. – 1990. – № 233 (июль). – С. 17.

Скончалась Э.А. Плансон // Русская жизнь. – 1954. – 26 марта

Скорбная страница // Политехник. – № 11. Сидней, 1984.

Скорбная страница // Политехник. – № 12. Сидней, 1989.

Сорокина М.Ю. «Разбросанные по всей Америке...» // Природа. – 2000. – № 4.

Тимошенко С.П. Воспоминания. – Киев: Наукова думка, 1993.

Троицкая, Н.А. К истории Добровольного общества содействия развитию высшего образования / Н.А. Троицкая // Высшее образование на Дальн. Востоке: история, современность, будущее: Материалы научн. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998.

Турмов, Г.П. У истоков высшей технической школы на Дальнем Востоке России: материалы к биографиям (1899–1941) / Г.П. Турмов, Н.В. Хисамутдинова. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010.

Уход в отставку председателя правления «Ампекс» А.М. Понятова // Новая заря. – 1970. – 10 июня.

Ф.В. Светлой памяти профессора П.П. Гудкова: некролог // Русская жизнь. 1955. 21 июня.

Фонд помощи русским студентам имени проф. П.П. Гудкова // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1955. 25 окт.

Хисамутдинов, А.А. После продажи Аляски: Русские на Тихоокеанском побережье Северной Америки (1867–1980-е гг.): материалы к энциклопедии / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003.

Хисамутдинов, А.А. Русские студенты в США и их судьбы (1920–1930-е годы) / А.А. Хисамутдинов // Новая и новейшая история. – 2015. – № 3 (май – июнь).

Хисамутдинов, А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока (Материалы к биобиблиографии исследователей) Выпуск 1 (1639–1939). Владивосток: Дальнаука, 2007.

Хисамутдинов А.А. Русские студенты в США и их судьбы (1920–1930-е годы) / А.А. Хисамутдинов // Новая и новейшая история. – 2015. – № 3 (май – июнь).

Хисамутдинов, А.А. Архитектор В.А. Плансон во Владивостоке и Сан-Франциско / А.А. Хисамутдинов, И. Франкьен // Архитектурное наследство. – 2014. – № 60.

Шапошников, В. Петр Ефимович Афанасьев: некролог / В. Шапошников // Новая заря. – Сан-Франциско, 1940. – 8 июня.

Шохин, А. Смерть проф. Г.В. Потапенко: некролог / А. Шохин // Русская жизнь. – 1979. – 1 авг.

Щёлков, А.А. Русско-Китайский политехнический институт в Харбине / А.А. Щёлков // Высшая школа в Харбине. – 1922. – № 1.

Языков, Н. Холод – друг человека: к юбилею М.Т. Зароченцева / Н. Языков // Новая заря. – 1949. – 17 февр.

Ampex – 16 and 24-track Recorders. URL: http://www.liquisearch.com/ampex/16_and_24-track_recorders Hammar, P. In Memoriam. URL: http://www.aes.org/aeshc/docs/jaes.obit/JAES_V30_9_PG691.pdf

Buchanan, R.C. «To bring together, cooperate and preserve»: a history of the Kansas Geological Survey, 1864–1989. – Lawrence, Kansas, 1989.

Hammar, P. In Memoriam. URL: http://www.aes.org/aeshc/docs/jaes.obit/JAES_V30_9_PG691.pdf

Hans, N. Comparative Education. A Study of Educational Factors and Traditions. – London: Kegan Paul, 1949.

In Hollywood with Nemirovich-Danchenko. 1926–1927. The Memoirs of Sergey Bertensson. Translated by Anna Shoulgut. The Scarecrow Press, Inc. Lanham, Maryland, Toronto, Oxford, 2004.

Lesnikowska, A. Maxim Konrad Elias (1889–1982) // Geological Society of America. Memoir 185.1995.

Merriam, D.F. Memorial to Maxim Konrad Elias (1889–1982) // Geological Survey of America Memorials. 2000, Dec. Vol. 31.

Museum of Magnetic Sound Recording. URL: <http://museumofmagneticsoundrecording.org/CollectionAmpex.html>

Museum of Russian Culture. Хранилище памятников культуры и истории Зарубежной Руси: Сб. Сан-Франциско: Изд. ред. Коллегии Музея русской культуры, (1955).

Paul Pavel Goudkoff (1891–1955): Memorial // Bull. of AAPG [American Association of Petroleum Geologists]. 1955, Oct.

Pierce, R.A. Russian America: A Biographical Dictionary. – The Limestone Press: Kingston (Ontario); Fairbanks (Alaska), 1990.

Raeff, M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. – New-York-Oxford: Oxford University Press, 1990.

Soderberg, Richard C. Stephen P. Timoshenko. December 23, 1878 – May 29, 1972 // Biographical Memoirs. V.53 (1982). URL: <http://www.nap.edu/read/576/chapter/13>

Timoshenko, S. As I Remember (Vospominaniya). – Princeton (New York), 1968.

Timoshenko, S. Engineering Education in Russia. – New York: McGraw-Hill, 1959.

Woodbing, W.P., R. Steward, and R.W. Richards. Geology of the Kettleman Hills oil Field, California. Stratigraphy, Paleontology and Structure. – Washington: US Govern. Print. Office, 1940. (US Dept. of Interior. Geological Survey. Professional Paper 195). – 178 p.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Автамонов И.А. 171, 185, 199
Алимов В.А. 178, 181, 185
Ант (Трипольский) В.Н. 13
Антоненко В.П. 10, 11
Афанасьев П.Е. 11, 23, 229
Баскевич Н.М. 172, 182, 183, 185
Белоусов Б.И. 181, 185
Белоусов Н.И. 169, 170
Биркут И.К. 163, 185
Бузолин С.С. 211, 215, 219
Бушуев Б.А. 180, 185
Валсамакис Х.С. 161, 172, 185
Веригин Ф.Н. 171, 183, 185
Верхоглядов В.Н. 172, 185
Гаев А.В. 181, 185
Гизетти Д. 173, 185, 193, 199
Гинх Б.Н. 13, 200
Гордеев С.М. 211, 219
Гредякин К.Л. 211
Гудков П.П. 10, 16–57, 70, 80, 154, 158, 163, 172, 175–177, 180, 186, 225, 228, 229
Евсеев Н.А. 171, 182,, 186
Елиашевич М.К. 10, 16, 17, 35, 42, 48, 49, 58–86, 226, 227
Еловский И.Я. 7
Жирицкий С.Н. 172, 186
Зайковский В.М. 159, 186
Зароченцев М.Т. 8, 119–128, 159, 177, 178, 186, 226, 230
Зворыкин В.К. 8, 100, 110. 186
Знаменский А.В. 172, 186
Калугин Н.П. 211, 212, 219, 226
Калякин Н.А. 181, 186
Карпенко А.Н. 211
Керн Г. 17, 176, 177, 187
Ключанский Е.В. 160, 187
Коведяев Б.Е. 154, 155, 158, 180, 187
Константинов П.Ф. 11, 77, 78, 172, 187, 227, 228
Куличков С.Н. 182, 187
Ланковский В.В. 165, 187
Левкович К.А. 155, 187
Леко К.А. 178, 180, 187
Леонард Л.В. 7, 157, 160, 165, 166, 172, 176, 182, 183, 187
Лисицын В.С. 160, 187
Лосев И.Н. 43, 187, 227
Лукинский В.В. 159, 187
Малеев В.Л. 154, 155, 158, 160, 183, 188
Малов В.Н. 160, 168, 187

¹ В Указатель помещены имена только тех лиц, о которых в книге имеются какие-либо биографические сведения.

- Малов Н.Н. 168, 188, 225
Малюта А.А. 173, 188
Марков С.М. 188, 195, 197, 198
Мартыненко И.Я. 178, 183, 188
Марьяш Д.М. 50, 188
Миров В.Д. 12, 188, 225
Никитин А.Ф. 19, 22, 23, 210, 217, 227
Ноткин Я.Б. 7
Олейников М.Я. 188, 195, 201
Палий П.Н. 188, 195, 197, 200, 201, 202
Пальмов И.М. 7
Паркер С.К. 172, 173, 188
Пестрово М.Н. 178, 188
Плансон В.А. 12, 142–153, 227, 229
Покровский В.Н. 9, 17, 188, 220
Покровский М.Н. 228
Понятов А.М. 8, 12, 128–141, 227, 229
Попков П.И. 210, 221
Потапенко Г.В. 178, 180, 189, 229
Прибытнов В. 181, 189
Прянишников В.Д. 218, 219
Саммерс Б.Н. 17, 189
Свищев И.С. 12, 164, 167, 168, 172, 173, 176, 177, 189
Сенаторов Н.К. 176, 189
Сергеевский А.Б. 161, 189
Сергеевский. Б.Н. 12, 189, 199
Слободчиков Л.А. 78, 222, 223
Стахевич Г.С. 155, 156, 189
Сумароков Н.Е. 17, 189, 222
Терентьев В.Е. 178, 189
Тимошенко В.П. 8, 10, 16, 17, 87–109, 157, 181, 189, 226, 228
Тимошенко С.П. 108
Толубеев А.А. 10, 12, 110–118, 160, 225–227
Трипольский (Ант) В.Н. 13
Трембовельский А.Д. 13
Удалов С.Б. 161, 190
Черкасов В.И. 161, 190
Чернышев И.П. 50, 190
Чернявский А.Я. 211, 214, 225
Шохин А.Т. 182, 190–193, 195, 200, 229
Щёлков П.А. 207, 208, 212, 213, 229
Эллис В.В. 13, 160, 166, 190
Эрихман М.М. 217

Научное издание

Хисамутдинова Наталья Владимировна

НА ДАЛЕКИХ БЕРЕГАХ: РУССКИЕ ИНЖЕНЕРЫ В США

*Печатается с оригинального текста,
представленного автором, минуя редподготовку
в издательстве*

Подписано в печать 22.03.2017. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,44.
Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 700 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в Множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41